

Бисен Жумағалиев

**Шолохов
в Казахстане**

Бисен Жумағалиев

Шолохов в Казахстане

Уральск -2009

УДК 070
ББК 76.01
Ж 88

**Книга внесена в список социально-важной литературы
Министерства информации Республики Казахстан**

Ж 88 Жумагалиев Б.

Шолохов в Казахстане. - Орал: Полиграфсервис, 2009. - 176 с.

ISBN 978-601-7104-38-2

В данной книге автор поведает читателю о своей дружбе с великим писателем, классиком и гением советской литературы М.А.Шолоховым, с человеком, который оставлял яркий и добрый след в сердцах всех, кто с ним встречался, видел, слушал и дружил.

Автор литературного шедевра "Тихий Дон" Михаил Александрович Шолохов был незримыми нитями связан с казахской землей, на протяжении тридцати лет он непрерывно приезжал и жил на Урале, где отдыхал, охотился и работал над своими произведениями. М.А.Шолохов за годы, проведенные на Урале, познакомился с историей, традициями и обычаями казахского народа, который он успел узнать и полюбить.

Б.Жумагалиев в своей книге делится с читателем своими добрыми воспоминаниями об этом светлом, щедром и прекрасном человеке, который стал родным и близким для казахского народа.

Издание второе, дополненное.

УДК 070
ББК 76.01

Ж 4502020000
00(05)-09

ISBN 978-601-7104-38-2

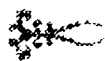
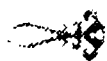
© Жумагалиев Б., 2009

От автора

- Я давно полюбил ваш чудесный край. Мне интересна культура вашего народа, язык и обычаи казахов.

Хорошо знаю, как открыт и прост казахский народ, какой он труженик. Знаю, что это смелый и решительный народ. Во время войны сам своими глазами видел немалые беспримерные подвиги казахских воинов. Вы любите гостей, вы милосердны. Еще одна хорошая черта у вас - чтите возраст, уважаете старших.

Я для вас не только земляк. Скажу больше. И от души. Я – казах. Старше многих из вас, здесь сидящих, москал казах. – эти слова великий М.А.Шолохов произнес на родине великого композитора Курмангазы – в междуречье Волги и Урала.

Десять лет я общался с Михаилом Александровичем. И всюду – будь это его излюбленное место отдыха в урочище Урала, или квартира в Москве, или щедрый казахский дастархан, за которым он был гостем, или дальняя дорога, в которой я был спутником, - его мысли то и дело обращались к Казахстану, к прошлому и настоящему его народа, к его природе, к его замечательным людям...

Апрель 1953 года. Я тогда работал в редакции Уральской областной газеты. По служебным делам заглянул в приемную тогдашнего первого секретаря обкома партии Мусатай Шахшина. Там, кроме секретарши я застал незнакомого мне человека. Одежда, гляжу, простенькая: стеганая фуфайка, кирзовые сапоги. Русский, с редковатыми белесо-рыжими усами. Козырек фуражки низко надвинут на глаза.

Сидел этот человек до тех пор, пока из кабинета обкомовского секретаря не вышли все. Я, поскольку он мне показался не знакомым, разговора с ним, как это делал обыкновенно, не затеял, посчитав это неудобным.

Когда кабинет секретаря освободился, мужчина быстро встал и скрылся за дверью.

Я поинтересовался у секретарши, кто это, и, представляете, что она мне ответила?

- Михаил Александрович Шолохов...

Это была моя первая – безмолвная – встреча с великим русским писателем...

Прошло семь лет. За это время я работал в Фурмановском райкоме партии. Закончив высшую партийную школу в Москве, был избран секретарем Уральского обкома партии.

В середине мая 1960 года в кабинете первого секретаря обкома партии Сабыра Биляловича Ниязбекова познакомился с Михаилом Александровичем Шолоховым. В ту встречу я услышал его рассказ о том, как в годы Великой Отечественной

войны его семья переехала на жительство на Урал, как еще тогда он ощутил доброту и сердечность казахского народа, как был тронут его заботой и покровительством и как позже, уже в мирные времена, отдыхал в благодатных окрестностях Урала, набираясь сил и вдохновения для творчества. В заключение посетовал:

- В станицу Вешенскую – это мое постоянное место жительства – зачастили в последнее время люди, званные и незванные, особенно в летние месяцы. И природа, надо сказать, заметно там оскудела, не та, что раньше, меньше и рыбы стало, и птицы. Перевелась живность. Ну а на Урале дела получше – и дичь у вас пока есть, и рыба. Очень хороши уральские окрестности для охоты, моего любимого занятия. Каждый свободный час уделяю... Лето и осень до сих пор в палатке проводили, а холодные дни – в доме друзей на Шалкаре... теперь детки подросли, тесновато стало в доме, да и друзей уже как-то неловко беспокоить. Думали-думали всей семьей и надумали дом здесь выстроить, на вашей земле, чтобы отдых, а он здесь всегда прекрасный, с работой сочетать. Как вы на это смотрите, а?

- Михаил Александрович, - живо откликнулся на это Сабыр Билялович, - ничуть не сомневайтесь в том, что мы с радостью воспринимаем такое ваше желание. Выстроим вам дом в любом месте, где только вам это будет по душе.

- Мои «разведчики» Петр Гавриленко и Александр Егоров осмотрели кое-какие места, но пока что ни на чем не остановились. Что бы на это сказали вы?

Река Урал пересекает область прямо по центру. Возможно, в том и была загвоздка: не знали «разведчики», какой берег предпочтительнее для писателя. Раньше левый берег Урала назывался Бухарским, а правый – Самарским, до сих пор их так и зовет народ. На Самарской стороне от города Уральска (ранее Теке) до Гурьева (ранее Уйшик) на расстоянии 18-20 километров один от другого располагались станицы, форпосты Лбищенск и Калмыково. На Бухарской укреплений не было, здесь – на расстоянии одного пробега коня от берега – там и тут

рассыпались казахские аулы. Я и предложил:

- В Жанакалинском, Фурмановском районах на пути к Уральску – вы и сами, наверное, это заметили, когда переправлялись через Волгу – множество озер, там и рыбы, и птицы хватает. К тому же, если учесть, что от этих озер рукой подать до Ростова, то, как мне кажется, это – самое удобное для вашего пристанища место, не так ли?

- Михаил Александрович, он работал в тех местах, ему виднее, - поддерживал меня тут секретарь. – Не хочется ему, гляжу, вас от себя отдалять... Смотрите, короче, сами. Может, вам прекрасные земли возле Уральска полюбятся...

Писатель дал понять, что подумает еще, где строиться, во всяком случае, сказал он, это непременно будут окрестности Урала, поблагодарил за советы и – уехал.

Позже только мы узнали, что Михаил Александрович давно уже облюбовал себе для жилья южный берег Урала. Еще одной мыслью его было – не возвести ли дом поближе к озеру Шалкар. Был в этом резон. Именно урочище Шалкар долгое время – считай, с 1942 года – было желанным местом отдыха писателя, где он не раз бродил наедине, обдумывая, быть может, свои будущие произведения.

В конце концов Шолохов, как мы уже сказали, остановился на южном побережье Урала. И это место было красивым. По весне, когда Урал, выходя из берегов, мчал свои волны по направлению к Каспию, его ширина в некоторых местах достигала 15-20 километров. Затоплялись не только промоины и ложбины на дорогах, но и все углубления, вплоть до оврагов. Море разливанное плескалось потом на километры вокруг, а верхушки деревьев торчали из воды, как прибрежный камыш.

У озера Шалкар, кстати, деревьев и в помине нет, и аулы далеко в стороне.

Итак, в 100 километрах от Уральска, на месте старого русла реки Урал, начала возводиться дача. Вокруг – леса с дичью, водоемы с рыбой. Возле дачи лесники по своей инициативе посадили ягоды. И воздух был здесь великолепен. Даже в июньский зной духота не ощущалась, веяло чудодейственной

прохладой. В послеобеденные часы степь доносила запахи потыни, повилики. Ну а зимой разве что следы зайца и корсака обнаружишь на снегу, а так не увидишь более ничего. Жаль, писатель в зимние месяцы здесь не жил, а то ведь и зимний, настоящий на морозном безветрии воздух по-своему прелестен...

Поначалу новое пристанище писателя никак не называлось. Название определилось позже – Братановский Яр. Старый казахстанский журналист, давний друг Шолохова Петр Гавриленко по-своему объясняет историю названия, но, я скажу, его домыслы и предположения далеки от истины, а обоснования и вовсе неуместны. Словосочетание «Братановский Яр» впервые мы услышали из уст самого Шолохова. И обоснование он дал свое – мы, дескать, казаки, с казахами, давние друзья, так тому свидетельством и дача. Но есть еще и такое объяснение. В старые времена, как я уже говорил, казахи жили на левом берегу Урала, а уральские казаки – на правом, в линейных укреплениях. Так вот еще в те времена оба народа соединяли не только хозяйственные отношения, но и тепло, которое за этими отношениями крылось. Случались, к примеру, моменты, когда «и скотина с того и этого берега, и ее хозяева в общем дворе оказывались», как вот в этой притче. Из форпоста на правобережье реки сбежал по неизвестным причинам молодой казак. Переправившись через реку, лето он укрывался в лесу. Подступила холодная осень, зима уже ледяным посохом погромыхивала – что казаку делать? В казахский аул подался приюта искать, там его молодой казах и приветил, его сверстник, место ему в доме отвел... Когда вновь настало лето, казак в лес вернулся и казахского друга туда с собой увел. Вместе они летние дни за рыбной ловлей коротали. Осенью казаку пришла пора назад возвращаться. На высоком яру попрощались приятели. Обнялись. Казак казаху много благодарных слов сказал. Ночью через Урал переправился. Старик охранник, не узнав казака, проговорился, что вся его семья истреблена – родители, братья, сестры. Потрясенный горем молодой человек вновь переплыл реку, добрался до брошенного им шалаша, а там – глядь! – друг

его казахский. Не ушел еще. Забрал казах казака к себе в дом уже насовсем -- породнились они, братьями назвались. Этот казак женился потом на казашке, родилось у них много детей, которые якобы сами по себе целый аул составили... Отсюда якобы и тот яр, на котором некогда казак с казахом прощались, стал называться с тех пор Братановским Яром...

Возможно, Михаил Александрович Шолохов, долгие годы охотившийся на зверя и птицу в окрестностях Шалкара, слышал эту притчу, тем более что и потомки этого молодого казака, как рассказывают, проживали еще здесь. И действительно, позже, когда я в разговоре коснулся вскользь этой притчи, Михаил Александрович дал понять, что знает про нее...

Трехкомнатный особняк из белого кирпича, который среди местного населения известен как «дача Шолохова», не был приспособлен для проживания в нем зимой. Да Михаил Александрович и сам навещал его только в летние месяцы. Старый лесник-казак был единственным соседом писателя. До ближнего аула от дачи было далековато.

С лета 1961 года обосновался Шолохов на даче.

Мы с первым секретарем Чапаевского райкома партии Габбасом Рзалиевичем и навестили его в один из первых дней, чтобы поздравить с новосельем. Михаил Александрович обрадовался нам. Расспросил о новостях в области и районе, поинтересовался, как живет народ.

В ходе разговора Габбас как бы между прочим вставил:

- Казахи в честь нового соседа дают званый обед – ерулик. Это – древняя традиция. Так что приглашаем вас с супругой на ерулик, Михаил Александрович.

- Я давно знаю, что вы – народ гостеприимный. За приглашение спасибо. Но – давайте-ка в другой раз, а? – взмолился писатель. – Сейчас, когда пишется, не хочется, право, отрываться от стола. Не обижайтесь. Ограничимся сегодня дастарханом моей супруги.

Пока Мария Петровна щедро нас потчевала, разговор продолжился. Писатель намекнул, что хотел бы познакомиться с историей края, при этом выразительно глянул на меня.

Я вспомнил тотчас про нашу беседу прошлым летом в доме у Сабыра Биляловича Ниязбекова. Тогда Михаил Александрович буквально засыпал нас вопросами по истории области. Мы, как видно, ничего примечательного ему не рассказали, и он, помнится, мне наказал:

- В следующий раз, когда приеду, надеюсь, товарищ идеолог, именно из ваших уст услышать про известные исторические факты и легенды, здесь бытующие...

Этот наказ М.А.Шолохова подогревал во мне жажду поиска. Признаться, я и раньше питал страсть к историческому материалу, в частности, к древним историческим писаниям, что-то даже по-своему искал, но, сами понимаете, теперь, после наказа именитого человека, эти поиски следовало удвоить...

Мне тут придется несколько отвлечься. В годы учебы в Москве в библиотеке Высшей партийной школы мне удалось наткнуться на уникальный фонд – библиографию книг из библиотек бывшего Университета народов Востока и института имени Шанявского. Я нашел древние труды ученых, посетивших некогда казахский край. Для меня было удачей увидеть документы, свидетельствовавшие о давнем интересе России к казахскому Приуралью. Историко-этнографическим запискам П.И.Рычкова, к примеру, более 200 лет. В них – подробное описание природы, состава населения, общественного и хозяйственного строя всего Арало-Каспийского края. По мнению многих других исследователей более позднего времени, его «Топография Оренбургской губернии», изданная еще в 1762 году, - капитальный научный труд.

«Дневниковые записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году» И.Лепехина – это итог поездки русского ученого и возглавляемой им экспедиции по Эльтонскому и Камыш-Самарскому озерам, по рекам Малый Узень и Большой Узень, по Нарынским пескам, по правобережью Урала. Записки представляют собой солидный энциклопедический труд по этнографии, природе и хозяйству края.

«Путешествия по разным провинциям Российской империи»

П.С.Палласа, крупнейшего ученого-исследователя своего времени, академика, трижды посетившего казахстанское Приуралье, - это трехтомный труд «о состоянии рыболовства, скотоводства и хлебопашества края».

Фауна, флора и этнография Букеевской степи нашли отражение в научной работе известного путешественника-натуралиста С.Г.Гмелина «путешествия по России для исследования трех царств природы».

Следует тут сказать, что именами двух немецких ученых – П.С.Палласа и С.Г.Гмелина – названы две станции на железнодорожном пути Саратов-Астрахань: это Палласовка и Гмелинка.

С интересными сведениями из жизни уральских казаков и казахов начала XIX века я ознакомился также в исследованиях А.Левшина, А.Рябинина, П.Соколовского, Н.Бородина, А.Кауфмана, Н.Шевалье, С.Бабаджанова, братьев А.Н. и Я.Н.Ханыковых и др. Так что, вооруженный прежними познаниями и теми, что удалось приобрести еще после наказа писателя, я постарался на сей раз не ударить в грязь лицом, всячески поддерживал разговор за необыкновенно вкусными яствами Марии Петровны... А шел он, в основном, о природе, которая волновала Михаила Александровича постоянно. О природе и обо всем живом, что ее населяет, он мог слушать часами... тем более – о древнем Яике с его крутыми ярами, о бесконечной степи, рассыпавшей желтые пески, о беркуте, распахнувшем над степью могучие крыла...

Не ручаюсь за живость своего тогдашнего повествования, но думаю, что Михаил Александрович – при его-то воображении! – увидел казахское Приуралье таким, каким оно было когда-то. Я попытался нарисовать это по старинным книжным источникам, с которыми ознакомился, по беседам со старожилами края. Я думаю, он увидел и убегающие в синюю даль курганы – древние могильники скифов и половцев, и жаворонка, зависшего над курганами, и дроф, разбредшихся по ковыльной степи... Степь без птиц мертва. Лишь только зеленый ковер трав устелет ее, шум и гам поднимаются над Каспийским взморьем. Лебеди и

красные гуси — в камышовых зарослях, пеликаны и бакланы на песчаных морских островах. Я думаю, он увидел и могучие тугайные леса, тянувшиеся некогда широкой полосой — кстати, в какой-то степени они сохранились и сейчас — по берегам Янка и по берегам его многочисленных притоков. Какие только звери не водились в них! Под сенью девственных крон в огромном количестве мирно уживались куницы, выдры, дикие кабаны, белки. По степи, которая начиналась сразу за лесами, проносились легкие и быстрые, как ветер, сайгаки. По долинам и среди курганов паслись тарпаны и куланы.

Михаил Александрович, помнится, переспросил:

- Тарпаны и куланы? Сайгаков, положим, я представить могу, то тарпанов и куланов...

- Это дикие ослы, — поспешил я объяснить, но Михаил Александрович, дотошный в любой беседе, ответом не удовлетворился.

Готовый к этому, я потянулся к спасительному блокноту, который с некоторых пор стал носить с собой — такой предусмотрительностью, думаю, я обязан Шолохову, только ему. Так вот в этом блокноте было кое-что о тарпанах и куланах, почерпнутое мной из «Оренбургских степей» вышеупомянутого исследователя П.И.Рычкова. Вот как он их описывает: «тарпаны ростом против средней лошади, только круглее, шерстью саврасые и голубые... От киргизских лошадей отличны они головами, потому что головы у них большие и на лбу имеются западины. Киргиз-кайсаки, собираясь человек по двадцати о-дву-конь, их ловят и привязывают к своим лошадям на шею арканами и так... держат по месяцу и более и, тем приобыча их, употребляют к езде, как и своих лошадей... Куланы ростом... выше тарпанов, поджарые... но хвост короче, гривы небольшие, шерсть на них густая и не малая... ходят великим табунами, так что по тысяче и более случается. Киргизцы, стреляя их, употребляют себе в пищу».

- А где же эти тарпаны и куланы сейчас? — любопытствовал невинно Михаил Александрович, пряча улыбку в усы.

- Ну, куланы, может, еще и есть, но по тысяче, конечно же,

не ходят уже, а тарпаны... - я беспомощно развел руками. – Слышал, в каком-то заповеднике их считанные единицы...

- В этом и беда наша... - вздохнул писатель. – На заповедники уповаем... А жить-то и после нас будут, а? Что мы потомкам нашим оставим от живой природы?..

Наступило молчание.

- Объясни мне, пожалуйста, следующий факт, - оживился он после. – был я тут в апреле 1954 года, собственными глазами наблюдал, как сильный ветер и дождь вдруг сменились морозом, самым что ни на есть настоящим, зимним. Никогда подобного мне не доводилось видеть. Спрашиваю у людей, что это за такой резкий переход, а они в ответ: «Бесконак», в переводе – «Пятеро гостей». Аксакал один попытался разъяснить, но то ли неправильно его перевели, то ли что другое, но я так и не понял ничего, - и поглядел на меня пытливо.

- Пожалуйста! – с готовностью откликнулся я.

И – легенду одну ему поведал, она среди уральских казахов живет.

... Некий бай Хасан на старости лет женился вторично, да такую себе жену отхватил – красавицу из красавиц, гибкую, как камышинка на озере, и юную, точно нарождающаяся луна, словом, такую, что молва о ее красоте по всей степи распространилась. Потянулись люди отовсюду к Хасану, чтобы на его чародейку взглянуть. И пятеро молодых джигитов – тоже. Очень уж их луноликая суженая Хасана заинтересовала. Весна была, только началась. Зелени еще нет – один копек, жесткий, корявый, да старая полынь, вся высохшая. Ястреб над всадниками кружит да постанывает почему-то, будто о чем-то предостерегает.

Джигиты едут, значения плачу птицы не придают. Солнца мало – птаха и кричит, решили они.

Тропинка степная – узкая, не наезженная, вьется вокруг курганов, как оброненная кем-то веревочка.

Степь молчит. Молчат и джигиты, только чапаны потеснее запахивают – холодать почему-то стало.

- Солнца все меньше и меньше... - заметил, не выдержав

молчания, старший из джигитов.

- Ветер никак поднимается - обронил второй.

- Под дождь, глядишь, попадем... - поежился третий.

Двое остальных не сказали ничего.

Кони расфыркались.

Небо, черное, тяжелое, в какую-то минуту понеслось вниз, а может, так показалось джигитам, кто знает?... Но что солнце закрыли тучи, в этом джигиты не ошиблись, потому что стало темно. Ветер задул, да такой сильный, что джигиты поначалу едва не задохнулись.

Расхохотался ветер, воет:

- У-у! У-у-у!...

Точно струны огромной домбры перебирает...

И – хлынул дождь! Степи не видать...

Хлестнули джигиты коней, а они, бедные, топчутся-кружатся на месте – ветер с ног сбивает. Дождь косыми струями по лицу джигитов стегает...

Спешились они. Взяли коней за повод...

Совсем темно стало. Ночь, наверное, уже спустилась.

Дождь... ветер... ночь...

Так было до утра.

Утром дождь обратился в снег.

Снег... ветер... мороз...

Так было три дня.

Так было и на четвертый день, но его прихода джигиты не увидели...

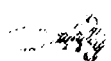
На пятый день взошло солнышко, разогнало тучи. Мороз трусливо в барханах затаился, осев на них тонким инеем. Ветер, свистнув в последний раз, умчался восвояси...

И – потекли ручьи... травы зазеленели...

А пятерых джигитов вместе с их лошадьми пастухи в степи замерзшими нашли...

Ехали, получается, пятеро гостей к красавице на свадьбу, а угодили на свадьбу к смерти...

- Вот с тех пор непогода в начале весны, а точнее, где-то с 14 по 20 апреля – она в это время несет с собой холод, ветер,

дождь, которые потом в снежный буран обращаются, - и стала носить название «Бес конак». С тех пор, сказывают, и казахи выгоняют скотину на пастбище только после «бесконака». Что интересно, подобным капризом природы страдает один Западный Казахстан... - закончил я.

- Справедливо к народному опыту прислушиваться, - заметил Михаил Александрович. - И до метеорологических исследований люди умели предугадывать погоду, определять, какими будут зима или лето. И в этом - проявление народной мудрости. Не так ли?..

Мария Петровна поставила перед нами исходящую паром уху. Разговор, естественно, на рыбу и рыболовство переключился. Михаил Александрович, сощурившись, глянул на меня. Мне в ту минуту, признаюсь, показалось, что я держу экзамен перед ним. Настоящий экзамен. Даже смешинки в его глазах не обещали мне поблажки.

- Дай поесть человеку! - взмолилась тут Мария Петровна, заметив, видно, взгляд мужа, брошенный на меня.

- Коли он джигит, - отвечал невозмутимо писатель, - так он успеет и то, и другое. Выкладывайся, идеолог!..

- Я не заставил его ждать, с ходу начал:

- Урал испокон веку был кормильцем местного населения и казацкой войсковой общины. Не зря казаки реку «золотым донышком» называли. Основным ее богатством были осетр, севрюга, белуга...

- Рыбина-то какая! - подхватил писатель.

Необыкновенно вкусна была уха, тем не менее и экзамен оставался экзаменом... Я продолжил рассказ.

... Из истории края известно, что город Гурьев с 1770 года целиком перешел во владение уральских казаков. Отсюда, возможно, следующая запись П. Палласа в его «Путешествиях»: «Главный промысел и упражнение яицких казаков состоит в рыбной ловле, которая нигде в России столь хорошо не распорядена и законами не ограничена, как в здешнем месте». Способы рыбной ловли, применяемые Уральским казачьим войском, существенно отличались от методов рыболовства

в Донском, Терском, Кубанском, Астраханском казачьих войсках.

Каковы были эти способы?

Так называемая «осенняя плавня» производилась в нижнем течении реки, начиная от Каленовского поселка до Гурьева. Все это расстояние, составлявшее более 300 километров, делилось на 13 рубежей, на каждом из которых рыбачили лишь день. К назначенному сроку все участники рыбной ловли съезжались в Каленовский поселок с бударами – долбленными лодками, ярыгой и другими снастями. Атаман выстрелом из пушки давал сигнал, и люди (их число порой доходило до 7-8 тысяч) устремлялись к середине реки, к месту наибольшего скопления рыбы. Вспугнутая необычайным оживлением на реке, она охотно шла в ярыги, которые по мере наполнения высвобождались и вновь опускались в воду. С наступлением темноты будары вытаскивались на берег, чтобы идти на следующий рубеж...

Осенняя «плавня» составляла четверть годового улова. До тысячи пудов ценной икры производили рыбаки...

Весенняя «плавня» иначе называлась «севрюжьей». Начиналась она в марте в Кругловском поселке и заканчивалась – тоже порубежно – в мае в Гурьеве.

Из зимних способов наиболее популярным было «багренье», орудием лова здесь служили багры. Они обычно были из стали, привязывались к вязовому пруту.

По рассказам очевидцев, зимний лов представлял собой увлекательнейшую картину. Он превращался во всенародный праздник, потому что в нем участвовало, считай, все население. Разбитые на небольшие артели ловцы по сигналу атамана на легких санях устремлялись к высмотренным еще с лета участкам реки. С необыкновенной быстротой каждый в одиночку выдалбливал небольшую прорубь и «нащупывал» через нее белугу или осетра. Багренье требовало от ловца известной сноровки, смелости, удалства, а главное – скорости в движениях. В среднем, во время багренья вылавливались 10-15 тысяч пудов рыбы, но бывало и больше – так, в 1886 году улов достиг 33383 пудов.

Гурьевцы, можно сказать, не участвовали в багренье, поскольку у них был свой промысел – морское рыболовство. И здесь существовали различные способы ловли, из которых наиболее примечательным считался «ахан» – подледная рыбалка особыми сетями. Не каждый мог заниматься аханым рыболовством. Кроме большого количества рыболовных снастей, требовались еще и лошади, сильные, с крепкими ногами, способные прыгать через льдины. Надо сказать, этот вид ловли требовал отваги, а порою и самопожертвования. Случалось что от внезапно налетающих теплых ветров лед вдруг начинал таять, дробиться, рыбаков относило далеко в море. По существу в таких переделках людей спасали лошади, но, когда положение становилось критическим, рыбаки этих же лошадей, своих верных друзей, что же делать, забивали. По особому способу – без надреза – с животных снимали потом шкуры и, надувая их, собирали небольшие спасательные «плоты», с которых людей могли снять встречные астраханские суда, но это, конечно, в том случае, когда рыбакам «везло», а бывало, что и не везло...

До революции рыболовством в крае занималась треть населения. Среди рыбаков было немало и казахов. В годы джута, например, основным средством существования становилась рыба...

- Известное дело, рыба – продукт неплохой, - рассмеялся Михаил Александрович, с лукавинкой взглядывая на нас с Габбасом. И добавил: - Идеолог, по-моему, заслуживает добавки...

- Не откажусь, - подтвердил я. – У вас золотые руки, Мария Петровна...

- Спасибо. Ешьте на здоровье, - откликнулась женщина, ставя передо мной вторую тарелку.

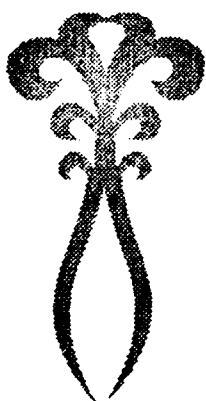
Михаил Александрович задумчиво произнес:

- Севрюга, белуга, осетр – это ж такое богатство... Красная рыба, как говорят казахи, так? Ей, этой рыбе, и в самом деле цена красная, особенно сейчас, а почему?

- За рекой неважно смотрим. В прошлом-то как? В прошлом

за Уралом, как за дитем малым, глядели. После весенней или севрюжьей «плавни», например, то есть где-то с 25 мая всякое рыболовство на Урале до осенней плавни запрещалось, не мешали рыбе, не тревожили ее. С этой целью и лес по реке не сплавляли, и всяким лодкам и баржам ход закрывали, даже скотину на водопой не пускали, а на берегу костры не велили жечь. Вот так спокойствие рыбы держали, она зато вес нагуливала, красоту...

- Опыт народный беречь надо, особенно в том, как природу сохранять. Все мы, собственно, - от нее, от матери-природы... как же за мать-то не радеть?.. – заключил беседу Михаил Александрович.

В 1964 году писатель на Урал приехал в начале сентября. Загнан в обком.

- Поздороваться зашел, а заодно с богатым урожаем поздравить, - сказал он. - В Каменском, Зеленковском районах, а также при въезде в Уральск плакаты видел: «Сдадим 65 миллионов пудов зерна!» Хорошие лозунги. Душа радуется.

- И мы рады не меньше! - заулыбался я.

Не задержался Михаил Александрович, тотчас уехал...

В конце октября этого же года в Казахстане намечалась декада русской литературы и культуры. Тогдашние руководители республиканского Союза писателей Габит Мусрепов и Джубан Мулдагалиев позвонили мне, попросили узнать, будет ли Шолохов на декаде.

На даче писателя телефона не было, пришлось отправляться самому...

Михаил Александрович, как выяснилось, рыбачил.

- Посидите, - предложила Мария Петровна. - Не должен задержаться, скоро будет.

Я, помнится, прихватил тогда с собой всю почту для Шолохова. Что удивительно, очень много ему писали, и сам он не ленился на письма отвечать. Выработанная с давних лет привычка...

Мария Петровна писем не вскрывала, но интересовалась, откуда они. Вот и сейчас, перебирая их, тихо бормотала:

- Из Москвы... из Ростова... из Англии...

На один конверт взглянула и бросила:

- А, с Плющихи...

- Это какая область? - спрашиваю.

- Это не область, это - один из районов Москвы. В самом центре сейчас, а была окраина, - ответила женщина. - Михаил Александрович в юности там жил, когда в гимназии учился.

- И после женитьбы вы в Москве на Плющихе жили?

- Нет, не на Плюшихе, а в доме на углу улицы Георгиева.

Раз уж завязался такой разговор, я и давай спрашивать дальше.

- Как, - говорю, - и когда вы с Михаилом Александровичем познакомились? Расскажите, если не секрет?

Мария Петровна улыбнулась:

- Когда я Мишу первый раз увидела, ему и восемнадцати еще не было. В епархиальном училище я занималась, а тут - гражданская война, нас и распустили. Учительницей работала, когда меня на статистическую службу призвали. Помощницей к финансовому инспектору Шолохову определили. Беспокойная работа. Кто-то доходы утаить хотел, кто-то жаловался, что землю ему неправильно отмерили, короче, налогов бы всем поменьше платить...

Вздыхнула женщина.

- А Михаил Александрович не любил, когда люди обходные пути искали. Правда для него святой была. Я, бедняжка, все расчеты домой таскала, ночами писала. Матери еще помогала, корову доила. А тут Миша в 1922 году в Москву на учебу уехал. Переписывались мы. В конце 1923 года он в нашу станицу Усть-Медведицкую приехал и сказал, что жениться на мне хочет. Свадьбы никакой не было. Время тяжелое ведь...

- Свадьбы не было, зато всю жизнь - вместе...

Мария Петровна опять улыбнулась. Не испытывая моего терпения, продолжила:

- Морозной январской ночью 1924 года добрались мы на санях до станции, оттуда - на поезд и - в столицу! До сей поры я Москвы-то не видела. В одной единственной тесной комнатухе ютились. И добра у нас никакого. Вместо стола - ящик. И одежонка бедная. Михаил Александрович 70 рублей получал, так половину заработанного он отцу с матерью высылал. Перебивались кое-как. Служба неприметная у него была - под началом управдома Мурумова. Человек он был покладистый, впусую Мишу не гонял и всегда, куда надо, отпускал. свои первые рассказы Миша в конторе и писал...

когда время свободное было... Помню, даст мне рукопись и говорит, на-ка, почитай, как?... Он и дома головы от писанины не поднимал. Некоторые вещи я переписывала. Позже я это на машинке делать стала. Первой, короче, его сочинения читала...

И опять Мария Петровна улыбнулась. Хорошая у нее улыбка - от нее легко, спокойно на душе.

- Как-то Михаил Александрович повел меня в Большой театр. Недалеко мы от театра жили. Сосед причиной послужил. Фамилия - Гремиславский. Почему фамилию не забыла? Да с моей схожа, в девичестве-то я - Громославская. так вот этот Гремиславский в Большом театре работал. Очень мы были рады, что в Большой театр пошли, да вот с одеждой-то сконфузились. Оказалось, и тогда люди умели красиво и модно одеваться...

Мария Петровна собрала письма стопочкой, положила их на край письменного стола. Снова заговорила:

- Как бы ни хотели остаться в Москве, а жить день ото дня становилось трудней. Я не работаю, Мишиного заработка не хватает. К тому же и Светлана родилась... летом 1926 года мы вернулись на родину - в станицу Усть-Медведицкую. в которой мои родичи. Отец мой атаманом станицы был. Атаманом, сами понимаете, казаки достойного человека избирали, лучшего из лучших. Отец ни за красных не был, ни за белых, и в войне не участвовал. Конечно, когда красные пришли, они его арестовали, но, как других, не стали наказывать... Миша тогда только начал «Тихий Дон» писать. Тишина ему требовалась, уединения искал. Все думал о том, что в гражданскую увидел, что участники войны ему рассказывали... Все-все вспоминал, через себя, как он говорил, пропускал, через свое сердце... Он и к церковникам тогда почему тянулся? Книжки тогда у попов хорошие были. Ну и, понятное дело, в архивах и библиотеках пропадал. И до сих пор бегают...

Нашу интересную беседу с Марией Петровной оборвало появление Михаила Александровича. Удачливым он с

рыбалки вернулся. Я передал ему приглашение Союза писателей Казахстана на декаду русской литературы и культуры, на что писатель ответил:

- Десять лет уже, как был в Алма-Ате. Что может быть лучшие встречи и общения с друзьями?! Но - дальняя больно дорога, боюсь, тяжеловато это для меня будет. Большое спасибо! Пусть считают, что я - там, на декаде, со всеми...

- Михаил Александрович и телеграмму написал:

«Шлю сердечный привет всем участникам декады, а землякам - казахским писателям - от души желаю новых творческих успехов.

Ваш Шолохов».

Видя, что я мешкаю, писатель спросил:

- Что-то еще?

- Понимаете, - сказал я, участники декады к нам в область не приедут, а трудящиеся области желают встретиться с вами. Как вы на это смотрите?

- Положительно. С вами - уж так и быть...

На торжественное открытие декады в Алма-Ату пригласили и меня.

В Союзе писателей я встретился с Габитом Мусреповым и Джубаном Мулдагалиевым, передал им, что Михаил Александрович приехать не может.

- А, по-моему, хитрит Миша, - сказал тогда Мусрепов. - Десять лет назад он на съезд приезжал один, без Марии. Как водится, по гостям ходили из дома в дом, весело было, так все, помнится, как сговорились, допытывались у Миши, почему жену не привез? А он все отшучивался, в следующий раз, дескать, привезу, коримдик (плата за смотрины) готовьте... с женой, наверное, опять что-то не сладилось, а один теперь ехать не хочет - боится... Ну да ладно уж, шучу... Каждый раз, как видимся, спрашивает Миша - слышали ли вы, что в Уральском крае есть озеро Шалкар? Не просто спрашивает, а так, с укором, я же это чувствую. Почему бы, говорит, вам не заглянуть туда осенью, когда гуси улетають? Хотите, говорит, - из ружья пальнете, не хотите - отдохнете, обдумаете, про

что писать, охота, говорит, писательскому делу никогда не мешала... Интересный он человек...

Мусрепов помолчал, а потом ударился в воспоминания.

С Мишей мы давно дружим. Еще со времен выхода первой книги «Тихого Дона», «Поднятой пелины». Он был очень собранным и смею сказать, что среди советских писателей скромнее всех одевался. До войны он был всегда в гимнастерке, опоясанной широченным кожаным ремнем, темно-синих, спущенных до колен галифе, невысоких, далеко не новых сапогах. Однако перед величием его таланта, мудрой его человечностью и простотой первоначальное впечатление от внешнего облика человека буквально таяло на глазах.

Михаил Шолохов изумил мир глубиной художественной мысли. В его творчестве одинаково сильна и гражданственность, и героика, и писательский реализм. Уже потом, осмысливая прочитанное, начинаешь понимать глубокий смысл внешне непритязательных сцен, эпизодов. Те, кто привык, едва познакомившись с произведением, очень скоро «расчленять» и выносить его на суд, пусть бы вообще не брали в руки книги Шолохова.

Чтобы умело толковать о его творчестве, сначала нужно самому понять Шолохова. А это нелегко. Художественная мысль - это не перечисление событий. У Шолохова в произведениях каждая мысль - отображение эпохи, не случайный образный намек на характер и особенность времени. Сумеет ли кто-либо в последующем с таким художественным блеском описать свою эпоху, предъявив читателю не туманную завесу, а бездну мысли!

Нам хорошо известен гражданский подвиг Шолохова, совершенный им в 30-е годы. Подвиг, рожденный от беспримерной мудрости и человеколюбия.

Как горазды мы порой изводить себя и свой народ, борясь, якобы, с напастью, а на деле ничего не стоящей чепухой. Шарахаемся от испуга, если в наши книги попадет нечто, подобное некоторым проступкам Аксиньи и Дарьи. У Шолохова все даже нелицеприятные черты характера героев

«Тихого Дона» изображены настолько очень выразительно, что, задумавшись, нетрудно понять автор любит свои персонажи и страстно желает им избавиться от дурных привычек. Его художественный слог правдив и убедителен, как бы призывает читателей - это дурно смотрится, не повторяйте в жизни ошибки моих героев!

В том, как Шолохов сумел миллионы своих читателей заставить задуматься глубоко над ценностями жизни о взаимоотношениях близких, родных, отцов и детей, наконец так, как только этот величайший мастер слова способен заставить изумляться, плакать, страдать и скорбеть над прочитанным, нам очень многому еще у него учиться приходится!

Писателей, подобно Шолохову, умеющих заронить в человеческом сердце глубокую мысль, на свете совсем немного. Вот почему справедливо говорить об огромном влиянии его творчества на общемировую культуру, на художественную идею нашей эпохи.

Вот сидит Иван Петрович, - говорил далее, Габит Махмутович, который обещает Шолохову приехать каждый год, но слово не держит.

- Да, немножко неудобно перед ним, как-то не получается. Но все еще впереди.

Я очень просил Ивана Петровича Шухова рассказать о Шолохове.

С Шолоховым судьба свела меня в юности, в 1927 году - говорил Шухов. Мы с ним встретились в журнале «Крестьянская молодежь», где секретарем редакции работал Василий Кудашев, один из самых близких друзей нашей юности. В этом журнале печатались «Донские рассказы» Михаила Александровича, здесь же были опубликованы и самые первые мои произведения. Все трое мы очень сблизились, сдружились. Сказывалось, наверно, не только определенное родство характеров. Тогда мы только начинали входить в литературу, но нас связывала общность жизненного материала и опыта: Шолохов - донской казак, я накрепко

связал себя с темой сибирского казачества.

Кудашев был выходцем из Воронежской области, и его роман «Последние мужики» тоже был посвящен переломному этапу в жизни русского крестьянства. Он погиб в ополчении в 1941 году под Вязьмой, и его имя в числе имен других писателей занесено на мемориальную доску в Центральном доме литераторов им. А. Фадеева.

Приезжая в Москву, Шолохов останавливался у Кудашева в его маленькой квартире в Камергерском переулке (сейчас - проезд МХАТа). Там не одну ночь провели мы в разговорах и спорах. Критики, анализируя мои романы «Горькая линия» и «Ненависть», нередко пишут о влиянии, оказанном на меня творчеством Шолохова. Должен сказать, что влияние это было. Влияние незаурядной и обаятельной личности Михаила Александровича, его творческой одержимости.

Считаю, что мне очень повезло - тесное, непосредственное общение с Шолоховым в самом начале моей писательской биографии во многом помогло мне в литературном самоопределении.

Помню глубочайшие впечатления, которые вызвали у меня опубликованные первые главы «Тихого Дона». Они-то и послужили своеобразным импульсом к написанию «Горькой линии», вышедшей в свет в 1931 году. Роман «Ненависть» полностью вышел в свет раньше «Поднятой целины», но в нем по-своему преломились мысли, вызванные общением с Михаилом Александровичем.

В начале 1932 года Шолохов приехал в Москву из-за задержки журналом «Новый мир» публикации «Поднятой целины». Я и Кудашев были одними из первых, кому он прочитал начальные главы своего романа. До сих пор наизусть помню первые абзацы «Поднятой целины» - настолько поразила меня новизна и свежесть шолоховского стиля.

Во время чтения раздался звонок - Шолохова приглашали в Кремль, к Сталину. Часа через два Михаил Александрович воротился сияющий и довольный - вопрос о печатании романа

был улажен. Журнал «Новый мир» с главами из «Поднятой целины» трудно было достать - роман вызвал огромный интерес в самых широких кругах читателей.

Вообще, нужно сказать, что Шолохов к казахской литературе проявлял особое внимание: не случайно, в речи на съезде писателей Казахстана он сравнил ее с молодым орленком, который быстро и уверенно завоевывает все новые и новые высоты.

Личные и творческие контакты с Михаилом Александровичем у нас продолжались и в дальнейшем.

Личная дружба связывала Шолохова с Мухтаром Ауэзовым, Сабитом Мукановым, Габитом Мусреповым, Михаил Александрович и сейчас неизменно интересуется развитием казахской литературы, с интересом узнает о новых писательских именах.

Нужно сказать, что творчество Шолохова оказало на казахскую литературу самое благотворное влияние, да иначе и не могло быть, поскольку глубина жизненного содержания произведений Михаила Александровича, выраженная с подлинно эпическим размахом, служит образцом для литераторов, стремящихся во всей полноте изобразить человеческий характер на переломных этапах истории.

Сейчас я работаю над книгой мемуаров. Хочу написать в ней о людях, встречи с которыми стали для меня не только запоминающимися и радостными, но служили творческим стимулом. И, конечно же, особо хочется рассказать о дружбе с Михаилом Александровичем Шолоховым, личность и творчество которого являются для меня предметом восхищения и гордости.

Я сказал про намечающуюся встречу тружеников области с писателем.

- Очень хорошо придумали, - поддержал Габит. - У нас, кстати, малахай и чапан для Миши заготовлен. Подарите там, на уральской земле... от нашего имени...

В конце октября в областном драматическом театре им. А.Н.Островского мы провели торжественный вечер,

далее Михаил Александрович, что плодотворное влияние на казахскую литературу оказывает и русская литература, в частности, творчество виднейших ее представителей - Пушкина, Лермонтова, Толстого, Чехова. Труд писателя - тяжкий труд. Как говорится в известной казахской пословице, это все равно, что иглой колодец рыть. И тем не менее немало и в наше время проходимцев, пытающихся обратить этот благородный труд в ремесло. Не каждому суждено стать писателем, не каждого народ признает как писателя даже из тех, что заканчивают Литературный институт им. А. М. Горького в Москве.

- Хороший скакун - один из сотни отборных коней, тулпар - один из тысячи таких же коней, так говорит ваш народ, - заключил выступление Шолохов. - Верно народ говорит...

Мы вручили писателю медали «Уральску-350 лет» и «За освоение целинных земель», на плечи, как просил Габит Мусрепов, накинули шелковый чапан, на голову надели дорогой малахай из меха выдры.

Шолохов рассмеялся и сказал:

- Я раньше был казак, а теперь стал казах... Ну а с целинной медалью маленько запоздали - я целину 30 лет назад освоил. Но - большое спасибо!.. До следующей встречи!..

... Следующая встреча состоялась через пять лет. Был конец августа 1969 года.

Побыв немного у себя на даче, Шолохов приехал в город и, по обыкновению, завернул в обком.

- Воды в Шалкаре поубавилось, да и охота что-то не та, - пожаловался он после приветствия. - И на Жалтырколь не тянет, там, говорят, газовики со своими трубами разворачиваются...

Несколько лет назад вдоль линии Урало-Кушумского канала появилось новое водохранилище - Кировское. Очень скоро оно «обросло» рыбой и птицей. И дом для охранников построили - от Уральска в 100-110 километрах. Я и посоветовал писателю проехаться туда.

- Хорошо, разве что на недельку-другую... - согласился

он.

- В конце сентября мне в Москву...

Две недели в обществе Михаила Александровича Шолохова... Упустить такую возможность - грех.

- Михаил Александрович! - взмолился я тут же. - А люди жаждут встречи с лауреатом Нобелевской премии. Может, нам использовать этот ваш приезд?

- Ну как товарищу идеологу откажешь? - сказал на это Шолохов и улыбнулся.

- Давненько у нас не были, - вступил тут в разговор писатель Николай Корсунов. - Чайку бы у нас попили да и потом в путь-дорожку, а?

- Когда вернусь, Николай. Мы уже едем... - отвечивал Шолохов.

Через десять дней я отправился за Шолоховым на Кировское водохранилище. Едва добрался, сложно было через сеть каналов переправиться.

Охранный домишко был более чем скромным в отношении удобств, тем не менее Михаил Александрович ни на что не пожаловался. Он только что, оказывается, отобедал. Мария Петровна засуетилась было с чаем, я предложил:

- Поедьте. Встреча в шесть вечера, а дорога неблизкая. У Корсуновых вас ждут и пельмени, и чай.

Николай мне сам наказал по прибытии в Уральск везти писателя непременно к нему. Крепко наказал.

Я его пожелание исполнил.

... Пельмени появились сразу. Исходили паром.

- Пить охота, дай-ка чаю, а? - попросил Михаил Александрович Корсунова.

Включили электрический самовар, всякие сладости к чаю принесли. Я не обедал, к тому же пельмени - мое излюбленное блюдо, вот и подналег.

- Пять-шесть положу, отведайте уж, - увещевает Шолохова жена Корсунова.

- Ну хорошо, уговорила, Зочка, только немного, - сдался в конце концов Михаил Александрович. - Я, не беспокойся,

не забыл, что у тебя самые вкусные в округе пельмешки.

Такой он был всегда, Михаил Александрович - не обходился без шутки...

Водрузили на стол самовар. Опять не удержался писатель.

- Хитрый ты, Николай, - говорит. - Я ведь этот твой самовар один выпью, а другие что? Обождут пусть, от жажды умирая, пока он снова закипит?

- Да хватит всем чаю, Михаил Александрович, вон на плите горячий стоит! - вскинулась, не замечая шутки, Зочка.

- Вы ж в самоваре любите... по-казахски.. вот и поставили.

С нами и Вареевы были. Василий Петрович Вареев - старейший журналист Уральска, дружит с Шолоховым много лет. Его жену Раису Александровну мы звали «полномочным послом семьи Шолоховых». Когда бы Шолоховы ни приезжали на Урал, где бы временно ни останавливались, она неизменно была с ними. На охоте Шолохова обычно сопровождала Мария Петровна, а многочисленных спутников и гостей писателя в это время кормила и поила Раиса Александровна.

... Шесть часов вечера. Областной театр драмы им. А.Н.Островского. Народу собралось много. Рассказывать о жизненном и творческом пути писателя и поздравить его с премией выпало на мою долю. Шолохов, я повторяю, не любил, когда славословили в его честь. И все же рабочий А.Чеботарев, учительница М.Сагидуллина, студентка Р.Амангалиева успели высказать писателю слова горячей признательности, а библиотекарь Р.Железинская, протягивая Михаилу Александровичу затрепанный донельзя экземпляр романа «Тихий Дон», сказала:

- Только любимые народом книги «доживают» до такого состояния...

Тронутый людским участием писатель поднялся на трибуну. Как всегда, подкурчивая ус, он ждал, когда закончатся аплодисменты.

- По настоятельной просьбе секретаря обкома партии товарища Жумагалиева прибыл на встречу с Вами. Ему что,

он поставит жирную галочку, что провел мероприятия. А мне надо отдуваться, - сказал он. Бурные аплодисменты. Смех. - Сегодняшний разговор, так уж получилось, зашел обо мне, о моих произведениях. Это меня несколько озадачивает. Давайте условимся, что, если будет встреча еще, поговорим о советской литературе вообще, хорошо?

- В Советском Союзе писателей хватает, - продолжил он. - По их количеству мы, может быть, и на первое место вышли. Но ведь не все то золото, что блестит. Каково качество? Вот в чем вопрос. У нас есть Союзы писателей, при каждой Союзной республике, областные отделения еще, их пруд пруди! Есть, к примеру, такое отделение и в Туле. Раньше в Туле один писатель был - Лев Николаевич Толстой. Слава его мир потрясла. А сейчас в Тульском областном отделении писателей более тридцати числится, но кто, скажите, их знает?.. Наш народ богат талантами, но не умеем мы их воспитывать, растить, на должную высоту поднимать. Зато в больших количествах слабенькие вещи издаем, но ведь яснее ясного, что слабые произведения не способны воспитать эстетический вкус у читателя, к тому же кто поручится за то, что они еще и не срамят нашу литературу?!.

Михаил Александрович вытер платком лоб.

- Тема Великой Отечественной войны - неисчерпаемая тема. Это - бьющий вечно родник. Заговорили о ней, слава богу, и те, кто сам через нее прошел. Каждый старается оставить на бумаге то, что видел. В последнее время воспоминания известных военных полководцев появляются. Я, разумеется, далек от того, чтобы все их ставить в разряд высокохудожественных произведений, у каждого, как говорится, свои возможности... но в познавательном отношении подобная мемуарная литература нужна, и хорошо, что она появляется...

Писатель заметил, что в президиум стали поступать записки.

- Если позволите, - сказал он, - отвечу на вопросы. Докладчик из меня не ахти какой... Та-ак... первый вопрос:

«Когда закончите роман «Они сражались за Родину»?

Улыбнувшись, писатель поднял голову:

- Этот вопрос преследует меня всюду... В мировой истории не было более кровопролитной, более разрушительной войны, чем Великая отечественная война 1941-1945 годов. Из невиданных по жестокости сражений одна Красная Армия могла выйти победительницей. И она стала победительницей. Ее удивительная победа в глазах всего человечества - это символ неповторимого подвига, которому жить века. Из поколения в поколение. Я собственными глазами видел, каково было фронту и тылу. Нет фронта, на котором бы я не был. Бои на переднем крае... только что освобожденные города... страдания оставшихся в живых людей - все это еще перед моими глазами. Мне хочется показать реальную судьбу народа, показать то, что он пережил. Я - медленно пишущий человек, и все же роман к завершению близок. Отрывки уже опубликованы в газете «Правда». В записках Г.К.Жукова всесторонне охвачено состояние нашей обороны. В своем романе я намерен обратить внимание на деятельность Ставки Верховного главнокомандующего. Обязан сказать, что здесь я опираюсь на мнение маршала Жукова. К тем, что пытаются свести на нет роль Сталина в годы войны, я не присоединяюсь. Это не соответствует исторической правде. Здесь, я думаю, правильнее будет считаться с мнением Жукова. Не будем забывать, что Жуков - великий полководец, сердцем воспринявший военные заповеди Суворова. Он знал про все невероятные трудности, которые обрушились на голову советского солдата в первые же дни войны... он знал и про все то, что помогло советскому солдату выжить в той войне, одолеть ее...

Помолчав, писатель добавил:

- Лично я с детства знаю, что такое война. Не зная психологии солдата, невозможно написать произведения на военную тему. Вы спрашиваете, кто прототип генерала Стрельцова в моем романе. Такой человек есть, это генерал Лукин. Для меня главное - пусть это будет солдат, пусть

это будет генерал - дать правдивую психологию человека, выразить взгляд этого человека на жизнь, его чувства. Перечислением цепи военных батальи книги о войне не напишешь, главная задача - идея. Сражаются ведь не народ с народом, и не солдаты с солдатами, и не генерал с генералом. На чаше весов - идея. И побеждает, и терпит поражение она же, идея. Даже в самые тяжелые дни войны духовный уровень советского воина был высок. Ни народ, ни армия никогда не сомневались, что разгромят врага... Показ войны через роман - это чрезвычайно сложный вопрос, здесь писатель берет на себя безгранично высокую ответственность. Я думаю даже, что о войне романа еще не написано. Это, как видно, на долю будущих поколений ляжет...

Михаил Александрович потянулся ко второй записке...

Позвольте, дорогие читатели, построить дальнейшее повествование о собрании в форме диалога с писателем.

Итак, следующий вопрос:

- Андрей Соколов в «Судьбе человека» - реально существовавшее в жизни лицо?

- Человека, как Соколов, я действительно в жизни видел и много с ним говорил. Правда, не знаю, где он сейчас. Был бы жив, наверное бы, дал знать о себе после «Судьбы»... Может быть, и нет его уже... Не думайте, что писатель все сочиняет. Он в любом случае на жизнь опирается, о том пишет, что увидел, узнал... Человека победить трудно, а вот убить - легко. Каких только унижений не претерпел Андрей Соколов, а вот же - остался человеком, вернулся к жизни, радости ее познал. Не следует, стало быть, забывать, что, сколько бы ни возможно было над человеком измываться, все равно высокий человеческий дух в нем не дано убить никому!

- Донские казаки - люди, известно, хозяйственные. Почему вы председателем в казацком колхозе поставили рабочего Семена Давыдова?

- Да, Семен Давыдов - заводской рабочий, а еще раньше - матрос балтийского флота. Он - направленный в село

представитель Питерского рабочего класса, он - представитель героического балтийского флота, он должен традиции своего класса распространить среди крестьян. Такова у него задача. Он - один из двадцатипяти тысячников, командированных партией в села и аулы, и на хутора... И я, писатель, как вы понимаете, мобилизованный партией человек...

- Почему вы не оставили в живых Давыдова и Нагульнова?

- Финал романа - это правда жизни. В период коллективизации на Дону и стихийные бунты были, и убийства коммунистов были. Судьбы этих двух бесстрашных сынов партии волновали и меня. Но я предпочел правду.

- Григорий Мелехов - реальный человек или созданный автором образ?

- О Григории Мелехове и об его окружении всегда много вопросов. Везде их мне задают. Понимаю волнение читателей. Лев Толстой написал Болконского со своего племянника. Тем, что упрекали его потом в несхожести каких-то черт, он говорил: «Я не фотограф». Я бы, примерно, ответил то же. Похожий на Мелехова человек в жизни был, это верно. Но не могу сказать, что все я списал с него. Не следует думать, что у каждого героя художественного произведения бывает прототип. Многие и с воззрениями самого писателя связано, с его способностью предугадать, домыслить...

- Как вы относитесь к Лидии Сейфуллиной, Ольге Форш, Анне Коптяевой, Вере Пановой и другим женщинам-писательницам?

- Я, в общем-то, к ее величеству женщине отношусь очень хорошо...

- Что скажете вы о казахской литературе? Кто, по-вашему, наиболее крупные фигуры в ней?

- Считаю, что современная казахская литература - многожанровая, глубокая по мысли литература. Но давать оценку моему брату-писателю, крупный он или нет, я не берусь, я от этого далек. Но писателей, которые своим творчеством заявляют миру о казахской литературе, много.

Мои друзья Мухтар Ауэзов, Сабит Муканов, Габит Мусрепов этот караван возглавляют. Это - мастера слова в хорошо известном мне жанре - прозе. Область поэзии не буду трогать. Слышал я как-то слова Гафура Гуляма о том, что из троих казахов двое непременно стихотворцы.

- Читали ли вы свои произведения на казахском языке?

- Гм-м.... «читал». Очень благодарен, что все мои сочинения переведены на казахский язык. Многие мои коллеги участвовали в этом. Слышал я, в частности, что особенной любовью у народа пользуются переводы Хамзы Есенжанова.

- Аксиныю вы видели в жизни?.. Не легкомысленна ли она?.. Кто в кино, по-вашему, наиболее точно воссоздал ее образ?

- Чувствую, от женщин этот вопрос. Глядите, какая куча записок! - писатель потряс ими в воздухе. - И все - об Аксинье. Мужчины, гляжу, помалкивают, держат свое мнение при себе, они, видимо, красавицу не осуждают... Ну что ж, и я, пользуясь отсутствием Марии Петровны, признаюсь: всю жизнь влюблен в Аксиныю, да-да...

Зал взорвался хохотом и, когда люди успокоились, Шолохов сказал:

- В фильме Сергея Герасимова роль Аксины, как вы знаете, сыграла Элина Быстрицкая. Во время съемок она неоднократно меня умоляла: «Михаил Александрович, сводите меня к Аксинье. Говорят, она жива. Погляжу разок». Никак отговорить не мог. Потом и сказал: «Милая ты моя, да никакой Аксины в жизни нет, я ее придумал»...

- Что вы скажете о молодежи?

- Самая интересная, самая счастливая пора в жизни человека - это юность. Старшее, родительское, поколение всегда желает молодому, следующему за ним поколению только добра. Будущее - в руках молодежи. Ваши отцы за революцию отдавали жизни, надо бы вам, молодым, содержать в чистоте знамя революции, крепить делами новую, социалистическую жизнь.

- Что в наше время называют подвигом?

- Молодежь меня испытывает. Чувствую. В одном слове это не передашь. Я бы лично жизнь с пользой для общества посчитал бы подвигом. Вижу вот много студентов в зале. Скажу, хорошая, добросовестная учеба - это тоже подвиг. Я не присоединяюсь к тем, что видят подвиги лишь на фронте. разумеется, во время сражения подвиг виднее, он - изумляет, вдохновляет. Но, повторяю, труд во имя урожая, во имя хороших показателей в животноводстве, а, стало быть, и во имя умножения богатств Родины - это не меньший подвиг. И не надо забывать об одном: война всегда несет горе, она обрекает мир на гибель. И только труд, упорный труд - основа человеческого счастья, основа человеческой радости...

- Любите ли вы молодежь?

- Известно, что люди старшего поколения более чтят свое время, своих людей. И в этом, пожалуй, есть резон. Возьмем вчерашнюю кровопролитную войну. Вчерашние молодые, что рисковали своими жизнями, сегодня уважаемые люди почтенного возраста, а иные из них и аксакалы. Они на нынешнюю молодежь со своих позиций смотрят, они хотят, чтобы молодые росли патриотами, как и они в свое время. Ведь молодым продолжать их дело, а продолжить могут лишь те, кто трудится, кто любит свой народ, свой край. Потому, я думаю, патриотическое чувство в человеке надо воспитывать сразу, когда он начинает ползать или говорить. Только тогда это чувство впитается в кровь, в сознание, в душу. Только тогда мы вырастим патриотов. Короче, в нынешней молодости хотел бы и я свою, революционную молодость видеть. Нынешних молодых я воспринимаю как строителей коммунистического общества. В этом я им даже немного завидую... по-хорошему, конечно.

- Как вы относитесь к языку?

- Язык - народное богатство. Народные пословицы и поговорки, веками живущие в народной памяти, знакомят нас с национальными особенностями каждого народа. И не только. Они - кладовая мудрости для всего человечества.

Меткие и лаконичные, они - как блески золота в словесном мусоре. Их надо знать. Они легко запоминаются. В них - и радость народная, и горе, в них - о любви и зле, о правде и лжи. Они говорят обо всем. Верный путь избежать многословности - выучить наизусть пословицы и поговорки, крылатые народные выражения. Знать родной язык, способствовать его совершенствованию - кровный долг каждого индивидуума. Язык - красноречивый показатель уровня духовного развития нации. Я бы попросил вас всех направить в должное русло изучение родного национального и русского языков в школах.

- Вы - депутат Верховного Совета СССР с 1937 года, член ЦК КПСС. Как вы совмещаете общественную деятельность с писательской? Не трудно ли?

- Мой жизненный путь и моя судьба тесно связаны с жизнью и судьбой моих земляков. Я всегда с ними. Конечно же, ко мне с тем обращаются, его местные власти решить не могут. Стараюсь - по возможности - помочь. Как у других депутатов, у меня приемных часов нет. Двери моего дома открыты для всех в любое время суток. Некоторые ко мне, к примеру, и ночью заявляются... У меня привычка вставать рано, работать на зорьке хорошо. Вот и встал я однажды, на балкон вышел. Гляжу, подвода с быком во дворе, рядом - женщина. Четыре часа только. Увидела женщина меня, говорит, налогов на меня много положили, помощи сбавить. А я ей - в райсовет в девять идешь, а ко мне что так раненько? Женщина зубастая оказалась, райсовет, говорит, государственная контора, а ты не контора, ты человек, вот и помощи, а будить я тебя не будила, говорит, сам вышел... Я и позвонил председателю райсовета, тот шумит, ты чего, говорит, в пять утра поднимаешь, другого времени нету, что ли?.. Разбираться, короче, начали. Женщина, выяснилось, была права. Сбавили ей незаконные налоги. Ушла благодарная моя избирательница, а я в результате потерял два часа удобного для работы времени... Конечно же, трудно совмещать творчество с общественной работой.

но что делать? Для меня общение с народом - большое дело. Знать, чем дышат окружающие тебя люди, что вокруг происходит - это же необходимая для всякого человека вещь. Я подчеркиваю - для всякого, не только для писателя...

Много было в тот вечер вопросов, разные это были вопросы, вплоть до таких: «Как вы ловите рыбу - сетями или удочкой?», «Любите ли вы футбол? Какая команда - любимая?», «Смотрите ли кино?», «Правда ли, что Мария Петровна стреляет лучше?..» На все Михаил Александрович Шолохов ответил.

Даже эта встреча показала, что Михаил Шолохов давно стал любимцем народа.

На любовь своего народа отвечал преданностью, чистотой и честностью слова, верой в разум, в неисчерпаемую талантливость простых людей-тружеников, не красовался ни разу, не повышал голоса и не многословил, памятуя старую народную поговорку: «Только мелкие реки шумливы». Он говорил самое главное, неотложное, выражая мысли так кратко, что многие его фразы становились крылатыми.

Столь же лаконичен был он в оценке труда своих товарищей. «Какой хороший поэт Твардовский, - восхищался он и с сокрушением добавлял: - А за рубежом его почти не знают. Не понимают, наверное, переводчики». И в другой раз: «Фадеев любил людей, он всегда тянулся к ним. Это была богатая и нежнейшая человеческая душа...» О мемуарах одного военачальника он сказал: «Приписывает автор много себе, а про солдата забыл».

Эта встреча с писателем оставила неизгладимый след в сердцах его благодарных слушателей...

Руководители области организовали потом застолье, за которым главным героем опять же был Михаил Александрович Шолохов. Вопросы защиты окружающей нас природы всегда были главными для писателя. Не обходил он их даже за самым «умопомрачительным» по яствам дастарханом. Вот и вспомнил опять Михаил Александрович про горе-охотников, уничтожающих без разбору живность.

- И ведь год от году их больше! - кипятился он. - На днях такую вот историю мне рассказал один знакомый. Собрались охотнички из Куйбышевской, Челябинской и других соседних областей попромышлять на земле Ульяновской области. Много стреляли, без счету стреляли, трофеев не было, а вот двух своих охотничков кокнули. На том и закончилась их охота. То же, примерно, произошло и близ озера Шалкар. Приехал из Куйбышева некий повар-гастролер за птицей. Но ведь разрешения на отстрел еще нет, говорю я ему. А он спокойненько так мне изрекает - местечко, говорит, пораньше забью. Что же, товарищи, тогда эта наша округа? Стадион, где заранее для себя места забить можно, а?..

III

В середине октября 1965 года я был в командировке. Помню до сих пор, что вернулся домой где-то к восьми вечера. Домашние и давай мне в один голос:

- От телефона покою не было после обеда. Звонят и звонят. Из Москвы и из-за границы даже. По-русски говорят плохо, но часто слышалось: «Господин Шолохов»...

Только мне об этом сказали, как телефон задребезжал опять.

- Корреспондент шведской газеты «Афтонвладет» в Москве...
- услышал я в трубке. - Где я могу найти господина Шолохова, как с ним переговорить?

- Шолохов, - говорю, - далеко, там телефона нет...

Снова звонок. На сей раз беспокоил корреспондент шведского радио и телевидения. Опять Шолохова спрашивают. Интересуюсь, зачем. Не говорят.

Корреспондент Болгарского телевидения подключился - и ему Михаил Александрович понадобился...

Звонки... звонки...

Всем вдруг Шолохов оказался нужен.

Неспроста, думаю.

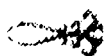
Поговорил с дежурным в обкоме. Он тоже про многочисленные послеобеденные звонки из Москвы сообщил. И тоже, сказал, все Шолохова требуют, без вашего разрешения, говорит, адреса не дали, да и Шапет Коспанович в отъезде... Похоже, Нобелевскую премию Шолохову дали...

Вот да-а!..

Хоть и поздно уже было, в обком пошел. Позвонил знающим товарищам в Москве, уточнил, что к чему. Прав был дежурный. Шолохов - лауреат Нобелевской премии!

Что ж, надо сообщить. И - немедленно!

Михаил Александрович на сей раз охотился на Жалтырколе на земле Жанакалы. Ближайший к нему населенный пункт -

центр заново организованного совхоза «Жана талап». Попросил дежурного дозвониться до Жанакалы. Кое-как прорвались к телефону начальницы почты (он, кстати, единственный в совхозе).

- Сестренка, - попросил я, представившись, - хочу поручить тебе очень ответственное и почетное задание. На Жалтырколе отдыхает Михаил Александрович Шолохов. Великий писатель за вклад в мировую литературу Нобелевской премии удостоен. Директор совхоза или парторг должны ему эту радость сообщить и пусть потом доставят его к этому телефону для переговоров.

- О-о, суюнши с Михаила Александровича! - вскричала, не удержавшись, девушка прямо в трубку.

Наутро неожиданно нагрянувший в этот совхоз первый секретарь Фурмановского райкома партии Кенжебек Мендалиев и довез до писателя это радостное сообщение.

После обеда позвонил Шолохов. С ходу я выпалил в трубку:

- Михаил Александрович, от всего сердца поздравляю с получением Нобелевской премии! Рады, что вы слышали об этом на уральской земле. Не говоря об иностранных корреспондентах, буквально обложивших телефон, чувствую, что Вам для разрешения официальных формальностей придется прибыть в Уральск.

- На машине, дорогой, тяжело добираться, все-таки 350 километров. Обмозгуй-ка сам, как мне попасть в Уральск. Раз ты в обкоме один, стало быть, и власть в твоих руках, - сказал писатель.

Назавтра на легком четырехместном ЯК-12 я вылетел к Жалтырколю.

- Такой писатель... всеми уважаемый... и на озере в такое время? - удивлялся всю дорогу летчик. - Почему на озере, а не в населенном пункте? Озер в Жанакале много - так и будем над всеми парить?

- Над всеми не будем, - успокоил я его.

Через полтора часа несколько озер завиднелись под самолетом.

- Которое из них Жалтырколь? - спрашивает летчик.

- А вон оно, - говорю. - Две палатки на берегу видишь?

Самолет, обогнувши озеро, приземлился рядом с палатками. Все оттуда высыпал: Михаил Александрович, Мария Петровна - оба в теплых фуфайках, на ногах - сапоги... Молодой человек - это старший сын Шолохова - Александр, еще двое рослых мужчин - это сват Шолохова Антон Югов и зять Александр Турков.

Обнимаю Шолохова, снова поздравляю:

- С Нобелевской премией на казсхкой земле! - говорю.

Вошли в большую палатку. Походные брезентовые койки, в углу - раздвижной стол. Писатель за ним работает. В чугунной печи в центре палатки дотлевают угольки.

В одноместной маленькой палатке - Антон Югов.

В лачуге без окон и дверей неподалеку - она после чабанов осталась - столовая.

- Ветрено и прохладно уже. Не замерзли? - спрашиваю.

Ответила Мария Петровна:

- Нынче припозднились, да, а то ведь каждый год раненько осенью снимались. Михаил Александрович расписался. Охотится и заодно роман свой заканчивает - «Они сражались за Родину». По-моему, скоро уже...

Прилетели в Уральск. Народ собрался. Встречает. Все великого писателя поздравляют. В толпе, вижу, - корреспонденты республиканских и областных газет. Ринулись было, желая получить интервью, к Михаилу Александровичу, да он от них отстранился:

- Потом-потом, - говорит. - Я вам сейчас ничего сказать не могу. Не обижайтесь...

Товарищ Коспанов, первый секретарь, уже вернулся, оказывается, мы прямиком к нему в кабинет и прошли. После взаимных приветствий, расспросов и поздравлений Михаил Александрович попросил секретаря по телефону ВЧ вызвать Центральный Комитет партии.

- Я ведь не только писатель, я еще и коммунист, - сказал Шолохов. - Я далек от того, чтобы не посоветовавшись с ЦК

КПСС, брать премию только потому, что ее мне дали. Надо подумать. До сего дня из представителей советской литературы один Борис Пастернак этой премии удостоивался. Высокое признание принесло ему горе... Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда, одно ясно: советскую литературу признали... вынуждены были признать. Я рассматриваю эту премию не только как высокую оценку моего личного труда, это - премия всей нашей многонациональной советской литературе. Одно то уже восхищает, что Шведская королевская академия оказывает внимание писателю-коммунисту, члену ЦК КПСС... Разве это не исторический факт?

Зазвонил телефон ВЧ. Михаил Александрович попросил секретаря ЦК КПСС П.Н.Демичева. Девушка-секретарша уточнила, кто интересуется.

- Шолохов Михаил Александрович, - повторил писатель.

- Какой Шолохов? Где работаете? Откуда звоните? - слышалось в трубке.

- Из Казахстана, из города Уральска звоню. Достаточно сказать Петру Ниловичу, он, думаю, меня знает.

- У секретаря ЦК посетители, попозже позвоните, - отрубил секретарша.

- Нет, я попозже позвонить не могу, вам необходимо доложить ему сейчас же.

Отвернувшись от трубки, писатель пробормотал:

- Что происходит с миром?... - и вздохнул.

Через какое-то время голос Демичева раздался в трубке. Поздравляет Шолохова.

- Спасибо! - откликнулся Михаил Александрович. - Но вы мне одно скажите: Нобелевскую премию мне - брать... не брать?

- Какой вопрос? Брать. Разве это не свидетельство мирового признания всей советской литературы?

- У казахов пословица есть: «Обжегшись раз, другой раз подуешь на чай». Как бы мне судьбу Пастернака не повторить? Как ЦК посмотрит, я ведь его член, вот мне и нужно его официальное разрешение. Потому советуюсь. решение ваше

мне нужно. В городе Уральске я, в обкоме. Издалека специально приехал, чтобы дозвониться...

Москва попросила чуть подождать.

- Как охотимся? - поинтересовался Коспанов, нарушая установившуюся тишину.

- Охотиться-то охотимся, а вот поедаем... ягнят.

Писатель усмехнулся.

- Что-то задерживается совет с полковником, - сказал он, помолчав. Заметив наше удивление, пояснил: - Про Брежнева говорю. На фронте полковником его видел. С тех пор, где ни встречу, полковником кличу. Для вас он Генеральный секретарь партии, да, а для меня все тот же полковник.

Зазвонила Москва.

- Получайте Нобелевскую премию! Таково решение ЦК, - сказал П.Н.Демичев. - Иностранные журналисты, в частности, корреспонденты шведских центральных газет, радио и телевидения в Москве просят встречи с вами. Как вы смотрите на то, чтобы их отправить в Уральск?

- Они не найдут места, где я отдыхаю. А из Уральска я уезжаю. Сейчас. Думаю, достаточно будет сказать несколько слов корреспонденту «Правды»...

Позвонил главный редактор «Правды» М.В.Зимянин. Поздравив писателя, спросил, кого из журналистов он желал бы видеть.

- Юрия Борисовича Лукина, - сказал Шолохов. - Завтра его здесь встретят.

Встретить Лукина и отвезти его к Шолохову в Жанакалу поручили Николаю Корсунову. Михаил Александрович наказал:

- Юрий Борисович Лукин - один из старейших работников «Правды». Давно мы друг друга знаем. Первые мои сочинения редактировал. Деловой товарищ. В свое время Максим Горький называл его в числе лучших редакторов Союза писателей. Очень интеллигентный, тонкий человек. Глядите, не заморозьте и не утомите его...

Затем он взял бумагу и ручку и написал текст телеграммы:

«Стокгольм, Шведской королевской академии.

Сердечно благодарю за высокую оценку моего литературного творчества и присуждение Нобелевской премии. Также с благодарностью принимаю Ваше любезное приглашение прибыть в Стокгольм на Нобелевский праздник.

М.Шолохов».

Шапет Коспанов пригласил Михаила Александровича Шолохова на чай...

Все мы, став свидетелями великого события, заметно разволновались, ну а Шолохов... он был все тот же, что и прежде, - сдержан, прост, склонен пошутить... Радость где-то под сердцем крылась, внешне писатель был невозмутим...

За дастарханом он - незаметно - повернул разговор в любимое русло - к вопросу охраны природы. Воспользовался, я думаю, гостеприимством первого секретаря обкома партии. Он и обратился-то сразу к нему:

- Дорогой Шапет Коспанович, умоляю - обратите внимание на Камыш-Самарские озера. Прекрасные и чистые, поившие и людей и животных, во что они превратились сейчас? Жалко на них глядеть. А когда аксакалы рассказывают про рыбу, которая в них когда-то резвилась, так остается только удивляться. Камыш на берегу вытоптан, местами сгорел, протоки захламлены. Не зря говорят, пресыщенность хуже голода. Охотников, болеющих за природу, сейчас, похоже, мало, а может, и перевелись они. А грабителей без чести и совести... грабителей в подлинном смысле слова... расплодилось во множестве. Они зверя и птицу с машины бьют, с вертолетов, с моторных лодок... десятками, сотнями бьют. Собственными глазами видел и вижу подобное варварство...

Писатель говорил правду. Потому мы ... молчали.

- Судя по тому, что местные жители говорят, к осени еще десант «охотничков» ожидается. И не только из Куйбышева, Саратова, Волгограда и Астрахани. Из Москвы и Ленинграда, говорят, еще будут. Их трофеи никто не считает. Мне одна работница на почте вот такую ужасную историю рассказала.

В прошлом году в здешних краях два высокопоставленных человека с московского автозавода «ЗИЛ» охотились. Каждый день, говорят, отправляли они посылкой засоленных гусей. Где-то с шестьдесят... А кто поручится, что в следующем году не наедут десятки, сотни тех, кто отпробовал этой гусятины? Надо Камыш Самарские озера обратить в заповедную зону, отдать их под государственный контроль.

- Верно говорите, Михаил Александрович, - поддержали мы.

Что нам оставалось? Справедливым был писательский упрек.

- В прошлом году на сессии Верховного Совета СССР северные кавказцы зазывали меня в гости, и у нас, говорят, дичь водится, пострелять можно. А я им в ответ - э-э, говорю, у вас на хвосте каждого зайца бирка с номером, а может, он - последний? А в Казахстане, слава богу, биров еще нет... Э-э, простодушный вы народ, казахи... Всех, кто ни прибудет, как гостей встречаете, еще и те места, где птица и зверь водятся, сами кажете. Один пастух мне такой совет дал, вы, говорит, Михаил Александрович, на верблюда садитесь, тогда к гусям совсем близко подступиться можно, они верблюда не боятся, а то вы, говорит, или в камыше или на стогу лежите, ждете, когда гусь прилетит. Вот так он мне чистосердечно посоветовал, а того не уразумевает добрый человек, что для меня приятнее именно это ожидание... Когда ждешь, так хорошо отдыхается, так хорошо думается, это для писателя важно. Откуда ж про то доброму казаху знать?..

Пожелание писателя, высказанное искренне, с болью за будущее края, было услышано немного позже: зона Камыш-Самарских озер была объявлена заповедной и взята под надзор государства. Тем был поставлен заслон для расхитителей богатств природы...

Осенний день короток. Не остался Михаил Александрович на ночь, засобирався в дорогу. Самолет вечером не летел, так он отправился с машиной. Ночью сильный дождь случился, и писатель был вынужден заночевать по пути в доме чабана...

Назавтра в обком пришел Корсунов.

- Встречал самолет, Лукина нет, - объявил он.

Позвонили в редакцию «Правды», а оттуда говорят:

- Юрий Борисович улетел вчера, разве он не приехал?

Пока мы, озадаченные случившимся, думали-гадали, куда пропал наш уважаемый корреспондент, позвонили из Гурьева:

- Корреспондент «Правды», приехавший к Шолохову, находится у нас. Сейчас вылетит в Уральск.

Нетерпеливый Юрий Борисович, узнав, что Шолохова можно найти где-то между Гурьевом и Уральском, оказался, получается, сразу на берегу Каспийского моря.

25 октября 1965 года в газете «Правда» был опубликован материал Ю.Б.Лукина «У М.А.Шолохова» с подзаголовком «Интервью в степи». Вот он (приводится частично): «Мы беседовали, сидя на раскладных стульях в походной палатке, разбитой у берега озера с поэтичным названием Жалтырколь (Светлое озеро), под уютное потрескивание переносной печурки и изредка доносящуюся перекличку диких гусей на перелете. Писатель был в теплой куртке, в ватных брюках и в сапогах: он только что вернулся с охотничьими трофеями.

На вопрос: «Как вы относитесь к присуждению **вам** Нобелевской премии?» Михаил Александрович ответил:

- разумеется, я доволен присуждением мне Нобелевской премии, но прошу понять меня правильно: это не самодовольство индивидуума, профессионала-писателя, получившего высокую международную оценку своего труда. Тут преобладает чувство радости от того, что я - хоть в какой-то мере - способствую прославлению своей Родины и партии, в рядах которой я нахожусь больше половины своей жизни и, конечно, родной советской литературы. Это важнее и дороже личных ощущений, и это, по-моему, понятно.

Есть и еще одно чувство удовлетворения: жанр романа, сама закономерность существования которого в современных условиях некоторыми литераторами ставилась под сомнение, - получил как бы свое утверждение. Добротная написанная книга живет долго, а все живущее нельзя отвергать без достаточных

к тому оснований.

- Как вы узнали о том, что вам присуждена премия?

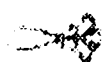
- Я узнал об этом из телеграммы шведских корреспондентов. Но с некоторым опозданием: телеграмма эта была доставлена мне секретарем районного комитета партии... Чтобы ответить Шведской королевской академии, мне пришлось лететь самолетом в Уральск в довольно сложных метеорологических условиях. А вообще день 15 октября для меня оказался удачным во всех отношениях: с рассветом я хорошо потрудился над главою из первой части романа... вечером узнал о присуждении премии и на вечерней охоте двумя выстрелами сбил двух превосходных серых гусей. Причем сбил на предельной дистанции, а это бывает не часто.

Последовал вопрос: «А как отражается сам факт присуждения вам Нобелевской премии на теперешнем укладе вашей жизни?» С обычной улыбкой, о которой еще А.С.Серафимович отечески говорил как о хитроватой казачьей усмешке, Михаил Александрович ответил:

- ... меня трудно выбить из седла. Работаю, отдыхаю, пью великолепный казахский кумыс, изредка, когда промерзну на охоте, разрешаю себе стопку казахского арака - и твердо уверен в том, что вскоре после поездки в Стокгольм закончу первую книгу «Они сражались за Родину». Все в порядке, как говорили на фронте!..

Вокруг, - сказал в заключение писатель, - и в казахской, с виду бесплодной степи, как и всюду на моей Родине, кипит жизнь... и мне радостно сознавать себя крохотной частицей этого могучего созидającego коллектива...

Недолгое время спустя Шолохов поехал за Нобелевской премией в Стокгольм. Печать, телевидение и радио СССР и всего мира - уделил этому событию большое внимание. Американское агентство «Ассошиэйтед пресс» сообщило об этом следующим («За рубежом», №51, декабрь 1965 г.): «При свете яркого огня факелов новые лауреаты Нобелевской премии сели в сверкающие лимузины, которые доставили их в Стокгольмскую ратушу. Там в большом Золотом зале были

приготовлены столы на 850 гостей.

На торжественном банкете присутствовало семь лауреатов Нобелевской премии и члены их семей. Одним из этих лауреатов был советский большевик, который когда-то был в Красной Армии пулеметчиком и сражался с капиталистами.

Шолохов вызвал сенсацию в тот вечер, когда, надев очки в тонкой оправе, в течение восьми минут читал свою речь, в которой он очень тонко подверг критике «литературных авангардистов». После этого он снял очки и широко улыбнулся 22-летней шведской принцессе Кристине.

За несколько часов до этого Шолохов принял премию от короля Густава Адольфа... Как всегда, эти церемонии начинаются так же торжественно, как коронация английского монарха, со звуком фанфар, и кончаются банкетом, где лауреаты встречаются со стокгольмскими учеными.

Фонд Нобеля оплачивает поездку в Стокгольм и пребывание в Гранд отеле всех, кого лауреат берет с собой.

Три французских лауреата этого года, профессора Ж.Моно, Ф.Жаков, А.Львов - все они из Парижского института имени Пастера - привезли с собой более 20 детей, родственников и друзей.

Лауреат по химии доктор Р.Вудворт из Гарвардского университета приехал с шестью своими ассистентами, но он сказал, что в исследовательской работе в течение многих лет ему помогали более 250 ассистентов.

Шолохов прибыл в сопровождении лишь своей семьи».

Как свидетельствует вышеприведенный материал, даже зарубежный корреспондент отметил скромность и простоту великого писателя.

В декабре я отдыхал под Москвой в санатории «Пушкино». Помню этот день - 21 число. Прямо перед ужином в дверь моей комнаты постучали. Вошла сестра.

- Вам звонил Михаил Александрович Шолохов, - сказала она. - Просил связаться по этому телефону.

Я устремился к аппарату.

- Как отдыхается? - спросил меня Шолохов. - Снег, видишь,

выпал, и воздух очистился. Это неплохо. Дыши. Завтра Союз писателей СССР дает обед в честь моей Нобелевской премии, так я - приглашаю. В три подъедет машина.

- Спасибо.

Назавтра в назначенный час пришла машина.

- Михаил Александрович просил привезти вас домой, так что мы сначала - туда, - предупредил водитель.

Жили Шолоховы в доме №33 по улице Сивцев Бразек.

Михаил Александрович встретил меня с распростертыми объятиями. Да и Мария Петровна с дочерьми Светланой и Марией отнеслись к моему появлению не менее радушно.

В дверь позвонили. Пришел первый секретарь Вешенского райкома партии П.И.Маяцкий.

- Ну вот, оба здесь, - сказал писатель. - Вы - мои персональные гости. На пир, говорят, насытившись, иди. Так вот мы сейчас чайку у меня сначала попьем... Две земли у меня самые близкие и самые дорогие. Это - русская Вешка и Урал. Специально вас пригласил, чтобы вы разделили со мной мою радость...

К Дому приемов на Ленинских горах мы с П.И.Маяцким подъехали вместе с семьей Шолоховых. Михаил Александрович нас предупредил, будьте рядом, так мы от него и не отставали...

Не спеша поднимаемся по устланным коврами ступеням роскошного дворца.

Собиралось высокое общество.

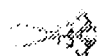
Мы стоим рядом с Михаилом Александровичем.

Все подходят к нему, приветствуют, поздравляют, а он при этом не забывает кивать на нас:

- Мои друзья с родины, - говорит и знакомит со всеми.

В какой-то момент я увидел тяжело одолевающего ступени Сабита Муканова. Сорвавшись с места, подлетел к нему, поздоровался, повел к Шолохову. Михаил Александрович обнял писателя, расцеловал в обе щеки, а затем, взяв под руку, так и не отпустил от себя.

Еще через некоторое время к нам присоединился уральский писатель Николай Корсунов. Так нас, казахстанцев, стало

теперь трое.

Все это время возле нас крутился высокий человек с большим фотоаппаратом в руках - заснять, видно, хотел, да не смел без разрешения Шолохова. Вот Михаил Александрович и сказал, обращаясь к Муканову:

- Я был очень рад, что весть о присуждении мне Нобелевской премии я услышал, будучи на казахской земле. Может, засвидетельствуем это на фотографии? Как ты на это смотришь, Сабит?

- Очень хорошо смотрю, Миша! Я готов! - отозвался Муканов.

Фотокорреспондент чутьем, видно, угадал про наше желание, подошел к нам, попросил разрешения сфотографировать. Это был фотокорреспондент ТАСС В.И.Савостьянов. Но тут поздравили писателя маршалы Советского Союза И.С.Конев и В.И.Чуйков.

И с ними нас познакомил Шолохов.

Потом пошли писатели и поэты - Семен Бабаевский, Михаил Бубеннов, Петрусь Бровка, Сергей Михалков, Ярослав Смеляков, Лев Ошанин, артисты - Сергей Бондарчук, Борис Бабочкин, создатели фильма-эпопеи «Тихий Дон» и среди них две исполнительницы роли Аксины - Эмма Цесарская (по первой экранизации) и Элина Быстрицкая, исполнитель роли Григория Мелехова - Петр Глебов и др.

Показался Климент Ефремович Ворошилов. Тихо идет, но шаг печатает четко, военный шаг. И он горячо поздравил писателя, обнял, похлопал по спине. Михаил Александрович и с ним нас познакомил.

- Э, вас я знаю, - сказал Ворошилов, глядя на Сабита Муканова и Мухтара Ауэзова знаю, читал с удовольствием роман про Абая. И вообще про казахскую литературу и про казахскую культуру слышан. Присутствовал на двух казахских декадах. И в Алма-Ате был...

Савостьянов, приблизившись, вновь попросил разрешения снять нас.

- Климент Ефремович, - обратился к Ворошилову Шолохов,

- я предлагаю сняться на память с моими казахскими друзьями, как вы на это смотрите?

- Давайте, давайте, очень хорошо, - живо откликнулся маршал.

Фотокорреспондент запечатлел нас пятерых. До съемки Михаил Александрович успел что-то смешное сказать, и мы все вышли на фотографии улыбающимися. Жизнелюбом по натуре был Шолохов, юмор оставался с ним всегда, а тем более - когда у него бывало хорошее настроение...

Гостей пригласили в банкетный зал. Так начался обед, организованный Союзом писателей СССР в честь лауреата Нобелевской премии Михаила Александровича Шолохова...

Писатели поднимали тост за тостом. Все желали великому таланту века творческого вдохновения, здоровья, счастья, благодарили за мировое признание советской литературы.

Сказала свое слово и министр культуры СССР Е.А.Фурцева. Длинноватой была ее речь, тоже выразила писателю благодарность за его труд, пожелала новых успехов. Михаил Александрович, подойдя к ней, терпеливо ждал, пока она кончит. Подкручивая ус, улыбался. В это время Сергей Михалков подставил ему стул - высокая женщина Фурцева. Завершила свой тост министр следующим пожеланием:

- Напишите нам хорошую драму!

Михаил Александрович, поглядев с хитроватым прищуром глаз на Михалкова, сказал:

- Не тот мужчина, что длинный, а тот, что с головой, - и, отодвинув стул, обнял Фурцеву и чмокнул в щеку.

Все расхохотались. И Михалков - тоже.

- Я ведь к тебе по-доброму, - говорит, - из сочувствия...

Многие из тех, что поздравляют Шолохова, не забывают потянуться с рюмкой и к Сабиту Муканову.

Не остаемся без внимания и мы с Николаем Корсуновым.

И вновь - голос Сергея Михалкова:

- Как вы тут, мои сваты?

К нашему столу, где казахстанцы, подошел.

- Сабит, - говорит, - а мой внук Егор на тебя похож.

- Э, а как же, мать-то - степнячка, должен на степняка походить. Пусть здоровый будет!

- А он здоровый, настоящий казах, мяса больше всех нас уплетает! - под общий смех заключил Михалков.

... Прием закончился. Гости стали расходиться.

Шолохов на прощание сказал Муканову:

- Приезжай, Сабит, на Урал, подышим свежим воздухом на Шалкаре, послушаем лебедей. Отведем малость душу...

Я ушел с Мукановым. Он остановился в гостинице «Москва».

- Миша удивительный человек, - вторял без конца Сабит, - и к нам, казахам, по-особенному относится. Как встретимся, так все у него - про Западный Казахстан, про озеро Шалкар.

- Я знаю Шолохова более тридцати лет. Храню в своей памяти его очень молодого, с легким степным загаром, с веселыми глазами. Запомнилась и внешность - гимнастерка, галифе, сапоги, небольшие усы, как у нашего Сакена Сейфуллина. Я уже знал Шолохова по его романам, спросил, откуда он знает меня. Он ответил: «А помнишь ты, 1 мая 1933 года в «Известиях» было опубликовано твоё стихотворение «Здравствуй, май». Вот с той поры мне и известно, что есть на белом свете поэт Сабит Муканов».

Много воды утекло с той поры, много раз я встречал Шолохова на писательских яездах, пленумах, в издательствах, в гостинице «Москва», сживали в тесном кругу. Он встречал всегда нас очень радушно со словами «Братья-казахи!».

Не всем известно, что еще до войны прочно завязывались узелки дружбы Шолохова с Казахстаном. В 1938 году, в дни празднования семидесятилетия песенного творчества Джамбула, Шолохов из станицы Вешенской поздравил акына: «Покоренный Вашим могучим талантом, от всего сердца благодарю за радость, доставленную Вашими песнями. Шлю Вам сыновний привет и горячее пожелание здоровья, бодрости и сил».

Взволнованный великий акын экспромтом воскликнул:
«Тихого Дона родные сыны,

Вы и Джамбулу родные сыны!»

Сабита Муканова слушать никогда не устанешь. Писатель вспомнил 1954 год. В сентябре состоялся 3-й съезд писателей Казахстана. Михаил Александрович участвовал как представитель союзной писательской организации. Встретили, разместили в Доме отдыха в горах. Дом утопал в зелени фруктового сада. Мы бродили пешком в живописных горных ущельях. Во время этих прогулок он проявлял живой интерес к жизни казахов, старался глубже разобраться в ней.

Помню, я спросил тогда Шолохова, не думает ли писать на казахстанскую тему?

- Нет, не могу, - ответил он. - Можно писать только о том, что знаешь во всей полноте! Литературе нужна не экзотика, а настоящее знание жизни.

Тут хочется сказать, что недавно в личном архиве писателя нашли 2 листка рукописи. Сверху «М.Шолохов. «По Западному Казахстану». В конце 2 стр. написано «начало октября 1956 г.». Это говорит, что он задумал очерк. Мне вспоминается, что он очень живо интересовался всем тем, что касалось казахов, его истории, быта, легенд, образа жизни и т.д.

Шолохов - человек высокого долга. На писательском съезде он выступил с яркой речью. Дал высокую оценку казахской литературе. С трибуны съезда дал отповедь некоторым околосредствительным халтурщикам, пытавшимся ошельмовать крупных казахских писателей. Это особенно было кстатив в связи с обновлением руководства республики. Одним словом, Михаил Шолохов взял под защиту всю казахскую литературу.

Помню конец его речи:

- Настоящая дружба обнаруживается в годы больших испытаний. В тяжелое время Отечественной войны моя семья нашла горячий прием у казахского народа - о ней заботились по-родственному.

Сказал, приложил руки к груди, отдал поклон:

- За заботу, оказанную моей семье, тысячекратное спасибо казахскому народу!

У многих в эти минуты на глазах появились слезы и руки

невольно потянулись к платкам.

Задумчивая беседа продолжалась.

Мне везет на хороших людей. Недавно, находясь на лечении, познакомился с очень мудрым человеком из Западного Казахстана. Это Герой труда, крупнейший организатор сельскохозяйственного производства Мухтар Меирманов. Я был хорошо знаком со всемирно известным легендарным казахским борцом Кажмуканом, но думаю, что по всем телесным габаритам Мухтар не уступает, даже ростом выше его.

Мухтар Меирманов более 40 лет руководил колхозом. Даже было время, его выдвигали на пост председателя райисполкома. Поработав недолго, опять попросился в колхоз «Брлик». Хозяйство было передовое, известное своими успехами не только в республике, но и Союзе. О нем писали многие газеты, начиная с «Правды».

- А какой он собеседник, - говорит Сабит-ага. - Он не устал рассказывать о своем крае, о его истории, о людях. Особо тепло говорил о друзьях-товарищах. Говоря о Михаиле Шолохове, Меирманов произнес слово «тамыр». «Мы с ним дружим, - рассказывал он, - считай, более 30 лет. Каждый год приезжает на охоту к нам на Кисыккамыс. О присуждении Нобелевской премии услышал здесь же, в нашем ауле. Писатель приглашает на Дон. Если поеду в станицу Вешенскую, то повезу в подарок тогыз. Это означает девять. А у казахов самый щедрый подарок большому другу - подарок, состоящий по обычаю из девяти ценных частей. Список этих частей открывается верблюдом».

На мой вопрос «почему Шолохов «тамыр», а не «друг»? - Меирманов ответил: «В нашем краю из века в век слово «тамыр» выражает нечто большее, чем слово «друг». Притом и казах, и русский не переводят, употребляют однозначно. Казахи имели тамыров в городе и станицах, а казаки - в степи, в аулах, они общались семьями, вырастая, дети тоже стали тамырами».

- В этом обыкновенном казахском слове заложен глубокий смысл, - говорит писатель. - Буквальный его перевод - корень. Без корня нет жизни растениям. Самый могучий из могучих - дуб силен глубоко идущими корнями. Наши народы тоже

имеют глубокие корни. Казахи и казаки - одно слово, тюркского происхождения. Казахская пословица гласит: «Куда кочуем - знает ветер, где стан раскинем - знает степь». Это говорит, что народ вольный, свободный. Это же относится и к казакам.

Великий Чокан Валиханов в одной из своих работ пишет, что мы, казахи, - кровные родственники русских. Да, он имел право сказать так, потому что знал, что корни наших народов сплелись с давних времен. Например, кипчаки (предки казахов), которых русские называют «половцами», а европейцы - «куманами». Русские, особенно казаки, были с ними, в сложных отношениях. Они и дружили, и враждовали, и воевали порой. В те далекие времена русские находили себе жен среди половчанок, иногда мирно сватались, иногда брали их в полон. Князь Игорь, бежавший из половецкой неволи, просватал дочь Овлура, и сын его Владимир женился на половчанке. Если такие случаи известны по биографиям княжеским и ханским, то какое широкое распространение, надо думать, получило родство среди простого народа, рядовых воинов.

Соседство и родство сказывались и в быту, в образе жизни, в судьбах людей, и в годы грозных испытаний. Например, крупный русский писатель В.Я.Шишков утверждает в своей знаменитой трилогии, что в 1760 году, когда русская армия приступом брала Берлин и были открыты крепостные ворота, первыми ворвались в город казаки и всадники-казахи. Стало быть, наши не только в 1945 году брали Берлин.

Тамырами были особенно бедные люди. У казаха-скотовода всегда было несколько лошадей и волов. А у казака, особенно у переселенца, были плуг и семена. Вот они объединялись друг с другом и сеяли, урожай делили. Так поддерживали друг друга. Наши дни богаты примерами истинно высокой дружбы. «В единении - сила». Эта поговорка точь-в-точь есть и у казаха, и у русского.

- Сабит-ага - у нас говорят, что вы никогда не были в Уральске, так ли? - допытываюсь я.

Был я на Урале. Давно. В молодости. Покойный Куан Тастайбеков с собой брал. Ровесники с ним были. Веселый,

приятный во всех отношениях человек, а поэтического таланта у него побольше было, чем у некоторых его современников-поэтов. В партийную работу рано включился, оторвался от литературной деятельности...

Помолчав, Сабит продолжил:

- На Урал и сам мечтаю съездить. Хочется междуречье Волги и Урала осмотреть. Давно меня один образ волнует - Махамбет. По местам бы пройтись, по которым Махамбет с Исатаем с походами ходили. Ведь это целый дастан - жизнь Махамбета! Драму написал бы о взаимоотношениях Жангир-хана, Фатимы, Махамбета... Да-а, высокой культуры женщина была Фатима! Русский, немецкий, арабский языки знала не хуже мужа своего, хана. И Орда ведь по ее повелению заложена... Всем взяла - и умом, и характером, и красотой. Многих она статью своей очаровывала...

С читательского позволения я тут отвлекусь опять немного, чтобы завершить свой рассказ о Муканове...

Еще раз я встретился с Сабитом в августе 1971 года в Кокчетау.

Там предстояло открытие памятника Чокану Валиханову. Пригласили на это торжество и писателя как автора книги о знаменитом ученом и путешественнике. Встретили Муканова, как говорится, всем миром, всяческие почести ему воздали. С ним еще гости были: его жена - Мариям-женгей, автор памятника Валиханову - Толеген Досмагамбетов, архитектор Шота Валиханов и тогдашний заведующий отделом культуры ЦК КП Казахстана Михаил Исиналиев.

21 августа начал свою работу и областной съезд учителей. Участие в нем знаменитого писателя стало сюрпризом для работников просвещения.

Открытие памятника должно было состояться вечером этого же дня с участием делегатов съезда...

Перед началом съезда мы заикнулись было, чтобы и писатель выступил, но он отказался, сославшись на то, что будет говорить сегодня же на открытии памятника, где, кстати, и учителя должны присутствовать.

Но, когда съезд подошел к концу, Сабит-ага, разогретый выступлениями учителей, попросил слова.

Появление писателя на трибуне было встречено бурными аплодисментами.

Писатель признался, что и он свой жизненный путь начинал учителем, что здесь, на кокшетауской земле, у подножия Кокшетау прошли трудные годы его юности. Затем он остановился на проблемах воспитания молодого поколения, на профессии учителя-воспитателя, на ее светлых и теневых сторонах.

- Великий Абай говорил: «Избравший учителя стезю да не устанет учить». Не должен учитель уставать, он должен искать постоянно, всю жизнь, он учит и учится сам. В наш век научно-технической революции это необходимо...

Много говорил писатель, так много, что делегаты съезда, внимательно его слушавшие, едва не пропустили час открытия памятника. Прямо со съезда мы, ведомые Сабитом Мукановым, направились к монументу.

Августовский день выдался теплый, солнечный. Возле памятника уже собрался народ. Все с любопытством взирают на Муканова - как же, известный писатель, автор любимой в читательской среде трилогии об ученом и этнографе Чокане Валиханове... Все, конечно, понимают, почему писатель здесь, он сегодня - почетный гость.

После официальной части слово предоставили Муканову. Пылкую, взволнованную речь произнес он о Чокане Валиханове, сыне Востока, поразившем Европу глубиной своего многогранного таланта.

- Метеором промелькнула его жизнь, но в памяти и истории народной он остался навсегда... - заключил свое слово Сабит.

Речь писателя произвела большое впечатление на слушателей...

Церемония открытия закончилась. И писателя пригласили в путешествие по области:

- Хороший гость, говорят, всегда ко времени, - сказал Еркин Ауельбеков. - В добрый час вы пожаловали, Сабит-ага, так что

поездите по нашему краю, полюбуйтесь на людей, на горы зерна на токах. Хороший нынче урожай. Отдохните на озере Боровое... Любого джигита в сопровождение дадим. Выбирайте Ваше слово...

- Урожай меня радует, - отвечивал Сабит. - Пусть ваши хирманы и впредь полнятся зерном, оно нелегко достается, знаю. Целинное это зерно. Удачи вам! И предложение ваше . принимаю. Спасибо. Из джигитов, если позволите, я бы себе в сопровождающие выбрал Нагиму Жанахметкызы. Давно ее знаю, и она нас с супругой знает...

Нагима Жанахметкызы Сарсенова, «джигит», избранный Мукановым для сопровождения в поездке, - заместитель председателя Кокчетавского облисполкома. Под ее руководством они все и отправились в путешествие по области и перво-наперво - к урочищу Сырымбет, родине Чокана Валиханова. Посетили Боровое. Три дня, по желанию писателя, пробыли на озере Карагайлы.

- Писатель встает рано и обойдет озеро, погуляет в сосновом бору. Никак на горы не насмотрится...

В день возвращения Сабита Муканова в Алма-Ату день был ветреный, но, несмотря на это, писатель, сбросив обувь, босой ходил по усыпанному галькой и песком берегу озера. Он даже и Мариям-женгей не послушал, которая боялась, что он простудится...

Ходил писатель по берегу озера, ходил, пока не пришло время отъезда. Вот с какими словами обратился он напоследок к благословенному краю:

- Дорогой Кокше, ты никогда не доставлял мне печали, ты всегда был мил моему сердцу, ты - земля, дарованная моим казахам на счастье...

Это был последний приезд Сабита Муканова в Кокчетав. Не прошло и полгода, как мы посыпали на могилу писателя горсть любимой им кокчетавской земли...

IV

В мае 1965 года Михаилу Александровичу Шолохову исполнилось 60 лет. Среди выступавших на торжественном юбилейном заседании в Москве был тогдашний секретарь Союза писателей республики Габит Мусрепов.

- Казахский народ, - сказал он, - почитает Михаила Александровича как своего сына, он к нему сердцем расположен, он его любит. Великому писателю нашего времени и мы, казахстанцы, привезли подарок. Но трудно его сейчас внести в этот зал. Это - белый верблюжонок с прекрасными черными глазами. Казахи по древней традиции самому уважаемому человеку дарят верблюда. Ну а белый верблюжонок - это символ верной дружбы и братства, знак чистоты и благородства...

Когда разбушевавшийся от хохота зал утихомирился наконец, Габит сказал, обращаясь к Шолохову:

- Этот верблюжонок пасется сейчас на берегу озера Шалкар, любимого тобой, куда ты приезжаешь каждый год охотиться и рыбачить....

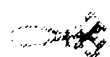
В июне этого же года в Уральскую область прибыла группа писателей во главе с Габитом Мусреповым. Среди них были Хамза Есенжанов, Халижан Бекхожин, Серик Кирабаев, Кадыр Мырзалиев, Сагингали Сеитов, Саги Жиенбаев, Гафу Каирбеков. На многих промышленных предприятиях города, в пединституте прошли горячие встречи с мастерами пера. Затем писатели, разделившись на две группы, поехали по районам.

Группа, возглавляемая Мусреповым, отправилась в Фурмановский, Казталовский и Ординский районы. Я попросил Габита перед отъездом:

- Вы уж присмотрите там, в хозяйствах, белого верблюжонка для Шолохова. А осенью, когда писатель объявится на Шалкаре, сами его и подарите.

- Разумеется, присмотрим... - отозвался Габит.

Провожая писателей и поэтов в Гурьев, я напомнил им о

верблюжонке. Габит Мусрепов сказал, что они уже облюбовали в совхозе Орда нужный экземпляр...

Прошел год.

Осенью 1966 года М.А.Шолохов приехал на Урал. Пробыв немного на даче, отправился на Жанакалиинские озера.

Пользуясь моментом, я позвонил Мусрепову в Алма-Ату, что самое время, дескать, дарить Акботу (так мы называли верблюжонка, в переводе - Белый верблюжонок) писателю. Тот в ответ сразу ничего не сказал, но некоторое время спустя пришла телеграмма следующего содержания:

«Товарищ Жумагалиев, Союз писателей Казахстана поручает Вам доставить Шолохову Акботу.

Габит Мусрепов».

Телеграмма меня озадачила. Во-первых, я не член Союза писателей, как я могу его представлять? Во-вторых, как отнесется к этому Шолохов?

Орда - знаменитый, с революционными традициями край. Но от местечка Кисыккамыс, где находится сейчас М.А.Шолохов, отстоит на 300-350 километров. Дорога - тяжелая, далекая, хлопотная. Решили провести встречу с писателем в одном из ближайших к местечку Кисыккамыс районов. Все, конечно же, должно быть торжественно обставлено, чтобы писателю церемония запомнилась.

После долгих дебатов остановились на организованном недавно новом совхозе имени Курмангазы. А что? Неплохая, по-нашему, была идея: произойдет встреча двух гигантов - великого казахского композитора, сына уральской степи Курмангазы и великого русского писателя Михаила Александровича Шолохова.

Этой своей идеей мы поделились с секретарями Казталовского райкома партии Максудом Искаковым и Маржан Султановой. Они восприняли наше предложение с большим энтузiazмом.

Не мешкая, отправились в центр совхоза «Брлик» - Кисыккамыс. Добрались до дома, в котором остановился Михаил Александрович, к вечеру. Повезло нам - гости вернулись с охоты с хорошей дичью.

- Михаил Александрович, - говорю, - завтра в совхозе имени Курмангазы ждут вас, - и телеграмму Союза писателей показываю. - И подарок казахских писателей, кстати, там. Увидите вашего Акботу, заберете с собой.

- О-ой, да он уже верблюд, наверное! Палку от Габита не заработаю? Скажет, верблюда вместо верблюжонка увел...

- А дорога не дальняя? Сколько ехать? - встревожилась Мария Петровна.

- Не дальняя. Вот - рядом...

- Казахское «рядом» - полдня езды. Считай, где-то не доезжая Ростова... - пошутил писатель.

... Двинулись по утренней прохладе.

Совхоз, в который мы направляемся, создан три года назад путем слияния двух колхозов и Саралжинской МТС. Долго по поводу названия спорили. Потом подумали: самый центр междуречья Волги и Урала, родина Курмангазы, отца казахского кюя, почему бы его имя не дать новому совхозу? Местное население к нашему решению отнеслось благосклонно.

И вот - великий мастер слова Шолохов едет теперь на родину Курмангазы.

Вокруг - степь, степь... наш шофер Виктор Арчажников - уральский казак, прекрасно знает местность. Жмет по старой накатанной дороге, как по асфальтированному большаку.

- Быстро едем. И все же сколько еще? - беспокоится Мария Петровна. Она, я вижу, уверена, что ехать еще очень далеко.

Дорога в самом деле, несмотря на все наши старания, получилась неблизкая. Чтобы сократить ее или, может, отвлечь внимание супруги, которую, он почувствовал, езда начала утомлять, Михаил Александрович поинтересовался:

- А какова история заселения казахами междуречья Волги и Урала?

Я, подстегнутый взглядом писателя, принялся тотчас рассказывать.

... Казахи Младшего жуза под предводительством своего хана Абулхаира в 1731 году добровольно присоединились к России. В 1732 году Абулхаиру от имени императрицы Анны

была преподнесена богатая, золотом оправленная сабля, которую он должен был теперь обнажать только против врагов России. Сабля хранилась потом в доме хана Жангира. Ученый Я.В.Ханыков, много лет изучавший историю этого края, писал, что казахи Младшего жуза занимали тогда площадь от верхнего течения рек Урал и Тобол до устья реки Сырдарьи и далее до Каспия, равную 850 тысячам квадратных километров. Но занимавшие такую огромную площадь казахи в конце XVIII и начале XIX века пережили сильное социальное потрясение. Его причины в следующем: обострение междоусобицы в степи, затянувшаяся с 1783 по 1797 годы война под предводительством Сырым-батыра, распад политико-административной системы в крае. К тому же и джун 1795-1800 годов обрек население на жесточайший голод.

Полковник Попов, испросивший предварительно разрешения у Астраханского военного губернатора, позволил сыну хана Нуралы - султану Бокею перекочевать на пустующие между Волгой и Уралом земли.

До конца XVIII века землю в нижнем течении рек Волги и Урала до Каспийского моря занимали - причем только в летние месяцы - астраханские ногаи и калмыки. Вся эта площадь с 1770 года, то есть с момента, когда оттуда ушли калмыки, оставалась пустой.

По предложению астраханского военного губернатора Кнорринга 11 марта 1801 года царь Павел I издал указ, согласно которому казахи под предводительством султана Бокея получили позволение кочевать по междуречью Волги и Урала. Так в 1801 году сюда откочевали 5 тысяч семей. В 1803 году их количество достигло 8 тысяч. В 1825 году переселенцев было уже более 10 тысяч семей. скотина, имевшаяся у них в наличии, исчислялась 2,5 миллионами голов, среди которой, как утверждает статистика, - 52 тысячи верблюдов, 490 тысяч лошадей, 105 тысяч коров, около 2 миллионов овец и коз.

Хан Бокей скончался в 1815 году. Три его сына - Жангир, Адиль, Мендигерей - остались несовершеннолетними, и потому владение ханством в течение девяти лет осуществлял младший

брат Бокея - Шыгай Нуралыулы. Он, кстати, - отец знаменитого степного композитора Даулеткерей.

В 1824 году в городе Уральске казахи, подняв по традиции на белой кошме достигшего совершеннолетия Жангира, провозгласили ханом. Юный хан, воспитывавшийся в доме астраханского губернатора, имел европейское образование, владел четырьмя языками: казахским, татарским, арабским, немецким. Много внимания он уделял и просвещению народа.

В 1826 году хан приступил к закладке города, своей орды. Место, избранное для постройки города, было удачным. В те времена там плескалось большое озеро, поросшее по берегам сосновым бором; многочисленные ключи на его берегах, как рассказывают, утоляли жажду путника. Хан учел, конечно же, и близость к тем местам Волги.

Перво-наперво был сооружен просторный, удобный для жилья дом из 23 комнат для хана. Гебель, Киттары, Терещенко и другие ученые-путешественники, много раз беседовавшие с ханом, уделяют в своих записках этому его дому особенное внимание, подчеркивая, что большая часть домашней утвари была доставлена хозяином из Петербурга. Вот как описывает, к примеру, дом М.Я.Киттары в своем очерке «Ставка хана Внутренней киргизской орды»: «Жилище хана составляет весьма большой деревянный дом, снаружи выштукатурен, выбелен, прикрыт зеленой железной крышей, украшен красивыми дождеотводными трубами. Его фасад весьма красив и состоит из пяти удоборазличаемых частей, между которыми середину занимает главный корпус... Среднее крыльцо заднего фасада ведет после довольно большой передней комнаты в приемную залу, освещаемую четырьмя окнами и пятою стеклянною дверью, ведущею на террасу. Эта зала меблирована по-европейски, и один из ее замечательных предметов - астрономические часы... на небольшом, красного дерева, комоде, на углах которого возвышались глобусы - земной, небесный и два лунных: механизм комода сопровождал бой часов... и приводил в движение лунные глобусы, так что они показывали своевременно фазы этого светила». В большой

восторг приводила гостей так называемая «оружейная» комната хана. Тот же Кингарты пишет: «... на стене дорогой ковер и на нем симметрически располагались богатые шапки, сабли и ружья, а по бокам окон развешаны были дорогие седла и другие принадлежности конской сбруи... Между этими редкими и ценными вещами более всего бросался в глаза прекрасный стальной шлем в виде тюбетейки с красивой золотой насечкой... Из ружей... более всего интересовали два: одно - с весьма красивою отделкою, ценимое в тысячу рублей серебром, другое - замечательное своей длиной, достигающей сажени».

- Охочий, видать, до ружей был, - всколыхнулся Шолохов, снисходительно глянув на блокнот в моих руках. - А вот жена у него, говорят, представительная была... Фатима.

- Да, третья жена, дочь оренбургского муфтия, образованная по-европейски, знала языки, музыку и танцы. В 1826 году она с ханом Жангиром принимала участие в церемонии коронации царя Николая I, танцевала на балу. Государь удостоил ее вниманием, так красива была степнячка. На его вопрос, не лучше ли ей быть в Москве, нежели в степи, она ответила: «Государь, здесь все хорошо и превосходно, но для всякого, где кто родится, там жить кажется еще лучше». Вот что писали о ней, например, в русском журнале «Сын отечества» в 1840 году: «Фатима женщина... хорошего обращения, знает все приличия общежития... одевается в европейское платье, однако в ставке носит татарское, в кочевье с ханом - казахское». От Фатимы у хана были четыре сына, две дочери. Сыновья учились в пажемском корпусе, один из них - Губайдулла - дослужился до звания генерала армии. Дочерей воспитали немецкие гувернантки.

- Ну хорошо, а что Жангир-хан для народа сделал?

- Мечеть построил, церковь, школу открыл. Народ многонациональный был. Кроме казахов, татары, русские, армяне проживали. Так что очень скоро Орда превратилась в торговый центр. В городе ежегодно проводились ярмарки... Недолго Жангир жил. 42 лет скончался в 1845 году. После его смерти ханство как таковое ликвидировалось, совет стал

заправлять: властью, он непосредственно министерству внутренних дел Российской империи подчинялся.

Закончил я рассказ, а вокруг по-прежнему - степь и степь. Не на чем остановиться глазу.

Михаил Александрович спросил:

- А из тех ружей и ятаганов ханских что-нибудь сохранилось?

- К сожалению, нет. Исторические вещи, а вот - канули в лету. Хорошо хоть, авторитетные записки русских ученых о них свидетельствуют...

Вдалеке показалось что-то.

- Дерево! - воскликнула Мария Петровна. - Значит, и люди там!

- И колодец, - заметил я.

Жилище чабана завиднелось.

Когда стали проезжать отару, Михаил Александрович попросил остановить машину.

- Неловко мимо человека проезжать, - сказал он, имея в виду чабана. - И так на всю степь он тут один... Поздороваемся... поговорим...

К нам, покидавшим машину, подошел, держа коня за повод, чабан.

- Добро пожаловать! - приветствовал он нас. - Легкой вам дорожки!

- Все лето вы здесь? - поинтересовался Михаил Александрович. - Кругом ни души. Одиночество вас не угнетает?

- А я не один. Я с семьей, - отозвался чабан. Старшие дети - при мне. Помогают. Сейчас каникулы. Что надо - привозят. А что от людей далеко - так ничего. Зато скотине здесь хорошо. Земля - удобная для пастьбы, и воды в колодце много, всей отаре хватает.

- Едильбаевской породы овцы. Нравятся мне они. Что вы можете сказать о них, про историю их разведения?

- Про историю много сказать не могу, но что полезные они в хозяйстве - это да, и ходить за ними не так сложно.

- Человек, который прослыл в свое время «глашатаем едильбаевской овцы» - вот он, перед вами! - сказал тут Николай Корсунов и показал на меня. - Помним еще, как он в республике и области выступал, в газете писал... агитировал за эту породу.

- Ах, вон как... - развел руками Михаил Александрович.

Пришлось опять в историю углубляться - правда, уже за дастарханом чабана. Жена его прибежала, силком, можно сказать, увела к себе...

... В 1879 году случился страшный джунт, и казахи, населявшие нынешние Фурмановский, Жанакалинский, Казталовский районы, вынуждены были откочевать к устью Волги, чтобы кормиться там рыбой. Крупные и жирные астраханские овцы понравились, видно, казахам, они скрестили их со своими. А гибридные животные, известно, жизнестойкие. Вернулись к своим становищам казахи, и в аулах вокруг соленого озера Едильбай стали множиться отары длинноногих тяжеловесных, с большим курдюком овец. Они стали радостью для казахов. Крайне неприхотливые животные были терпимы и к буранам, и к ливням, в зиму большей частью обходились тебеневкой. При этом давали еще много мяса и сала.

Известный ученый М.В.Иванов, возглавивший в 1928 году экспедицию Московского зоотехнического института в Казахстан, всесторонне изучил едильбаевскую породу овец и впервые на страницах печати научно обосновал ее полезность и необходимость для хозяйства.

В бытность секретарем Фурмановского райкома партии в 1955-1958 годах я частенько беседовал с опытными чабанами - Героем Социалистического Труда Аубакиром Есполаевым, кавалерами многих орденов Шангереем Имангалиевым, Амрешем Сапиевым. Они не только мастера своего дела, они внесли немалый личный вклад в сохранение и дальнейшее развитие в республике едильбаевской породы овец. Был период, когда едильбаевские овцы оказались «в загоне» - их запретили разводить, дескать, шерсти дают мало, - так вышеперечисленные уважаемые люди, несмотря на запрет, сумели сохранить животных.

Едильбаевские овцы быстро прибавляют в весе. Ягненок, когда его отлучают от матки, то есть, когда ему 3,5-4 месяца от роду, весит уже 40-45 килограммов. Собственными глазами я видел, как полутодовалый ягненок в колхозе имени XX партсъезда в Фурмановском районе потянул сразу на 82 килограмма. Полуторагодовалые матки достигают в весе 60-70 килограммов, а двухгодовалые холощеные бараны - 80-90 килограммов. Если сослаться на сведения Фурмановской станции, исследующей ценные экземпляры едильбаевских овец, то среди этих животных есть и свои чемпионы. Так, на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, проводившейся в канун войны, всех поразили два барана-производителя весом 168 и 148 килограммов. Полученное от них мясо составило 52-58 процентов от живого веса, из них 8-10 килограммов ушли на курдюк и в нутряное сало.

И молоко едильбаевских овец - ценнейший продукт. Его жирность доходит до 10,8 процента. По наблюдениям опытных чабанов, каждая матка, имеющая ягненка-одиночку, даже после кормления способна за два первых месяца дать по 50-60 литров молока.

- Может, и нам у себя на Дону попробовать едильбаевских?
- сказал Шолохов, взглядывая на жену.

- В последние годы число едильбаевских овец по республике заметно сократилось. Это огорчает, - заключил я.

- А где их еще разводят в республике? - любопытно спросил писатель.

- В Актюбинской, Карагандинской, Семипалатинской, Оренбургской областях. Но наиболее ценные экземпляры выведены у нас, на Урале...

- Что ж, тронемся дальше?..

Мы попрощались с чабаном.

Снова гладкая, как доска, степь. Ни кустика, ни кочки. А если вчитаться в исторические источники, так 200-300 лет назад на этой самой земле, по которой мы сейчас едем, шумели девственные леса. Они густоросли на берегах Камыш-Самарских озер, двух рек и даже в Нарынских песках. И лис в них много

было, и белок, и куниц, и тарпанов, и всякого другого зверья. Позже, в результате бесхозяйственности человека, варварского отношения к природе выродилась земля. Теперь она - пыльная, безрадостная пустыня. И звери исчезали. Есть они еще там, где сохранились леса, но в гораздо меньшем количестве. Тарпанов, к примеру, гулявших некогда табунами, сейчас, как я выяснил, можно увидеть лишь в заповедной зоне - знаменитой Беловежской пуще в Белоруссии, точно так же куланов - на острове Барсакельмес и в туркменском заповеднике «Бадхыз». Горько становится, когда читаешь про тех же куланов в записках венгерского ученого и путешественника А. Вамбери. «Около полудня мы заметили громадное облако пыли на севере... облако двигалось ближе и ближе, на расстоянии пятидесяти шагов мы услышали топот, как будто бы тысяча искусных всадников остановились по слову команды. Мы увидели бесчисленное множество диких куланов здоровых и бодрых. Они пристально посмотрели на нас несколько минут, потом убедившись, что мы существа иного рода, опять пустились в путь, устремившись с быстротой стрел на запад».

- Кто поверит, что подобные «облака» передвигались тут? - обронил я печально.

- Куланов нет, так сами хоть выжили. И это - дело. И на том спасибо судьбе. Я имею в виду вас, казахов, - сказал Шолохов.

- Ответь мне, пожалуйста, теперь на такой вопрос: куланы, положим, дорог не искали, у них инстинкт, чутье. А как ориентировались вы, казахи, вот в такой пустыне? Ни тропки, ничего...

- А наблюдательность на что? Да что днем, казахи и ночью не плутали.

Звезды им дорогу подсказывали. Ночью верный знак - Полярная звезда, а на рассвете - Венера. Наблюдательность, в свою очередь, развила слух, зрение, обоняние. Где европеец с острыми глазами усматривает неясные точки, там казах очертания предметов и цвет различит. Где и в подзорную трубу ничего не видно, казах скажет, какое стадо пасется или откуда верховые едут, а если расстояние невелико, то еще и число

всадников укажет. Для этого ему достаточно лечь на землю и приложить к ней ухо. Запах дыма в степи казах слышит на таких расстояниях, что европейцу это кажется почти волшебством. Об этих свойствах, присущих степняку-казаху, писали многие. Достаточно почитать «Путешествия...» разных ученых по Казахстану. Воюнда, например, Левшина...

- Я бы на твоём месте написал что-нибудь по поводу казахского зрения, слуха, обоняния... - пошутил Шолохов.

- А написано, Михаил Александрович. Хотите, расскажу легенду? Что напишешь лучше легенды?... Так вот. Некий торговец-чужеземец, приехавший в наши края с товарами, потерял однажды верблюда. Ищет он его, ищет, а навстречу ему три казаха. Верблюда потерял, говорит торговец, не видали? Один казах и спрашивает, он слепой на правый глаз? А второй - он прихрамывает на левую заднюю ногу? Третий - он вез мед? Верно говорите, это он, обрадовался торговец, только где вы его видели? Мы его не видели, отвечают джигиты. Торговец потащил их к бию - третейскому судье, уверенный, что это они украли верблюда. Так и сказал - украли, все его приметы знают. Бий дал слово джигитам. Первый сказал - верблюд слепой на правый глаз, он щипал траву лишь с левой стороны дороги. Второй сказал - верблюд прихрамывает на левую заднюю ногу, трава, по которой ступала эта нога, не так смята. Третий сказал - верблюд вез мед, который временами проливался на дорогу, там успели скопиться мухи. А потом все трое в один голос заявили - верблюда мы не видели, мы видели дорогу, по которой он шел... Бий и отпустил джигитов. Вот так-то, Михаил Александрович...

- А где ж питались, скажите, путники в такой-то дали? Небось с собой брать приходилось, а? - подала голос Мария Петровна.

- У казахов пословица есть: «Еда джигита и волка - на дороге». С собой путники ничего не брали. Никогда. Не полагалось. В любом попутном доме, пусть и незнакомом, путника привечали, давали сначала попить, затем - поесть. Принять божьего гостя да как следует - этого требует обычай,

неписанный закон степи.

- Совхоз, куда мы едем, имени Курмангазы? - спросил Михаил Александрович и посмотрел на меня со знакомым мне прищуром глаз.

Я понял, что он хочет услышать что-либо о Курмангазы. Рассказал следующую историю:

- Жил некогда в этих местах богатый казак Бородин. Километрах в двадцати от Кисыккамыса, где вы остановились, была его станица, Фокей называлась. Сейчас ее нет. Лет пять-шесть назад ветер унес останки последних домов. Так вот эта станица Фокей по-другому звалась еще и «станцией полковника Бородина». Полковничий дом, естественно, тоже в этой станице. Надумал он выдать замуж дочь, свадьбу пышную устроил. Прослышав, что в ближних аулах скрывается от властей находящийся в бегах Курмангазы, повелел разыскать его и доставить к нему. Высочайшее повеление было исполнено. Сказал полковник музыканту: «В добрый час ты пожаловал! Раздели со мной мою радость - сыграй для моей дочери свой самый любимый кюй!» Курмангазы ли теряться? Покрутил колки домбры, ударил по струнам. Стремительный, бурный мотив обрушился на гостей. Лился он из-под сильных пальцев простого степняка, порхали они по незатейливому двухструнному инструменту с необыкновенной легкостью. Такое казалось невероятным. Заслушались гости. Полковник, когда кюй закончился, сказал: «Понравилась твоя мелодия, как она называется?» Композитор ответил: «Она родилась сейчас - в твою честь, «Бал Бородин» я ее назвал». Музыкант, по-видимому, благодарность выразил полковнику за хлеб-соль, за медовые яства, которыми тот его потчевал... Позже казахи трансформировали «Бал Бородин» в «Балбыраун». Под этим названием он и вошел в историю казахской музыки. Сегодня, возможно, вы услышите этот кюй...

Впереди показались белые, как чайки, дома поселка Саралжин. Это - центр совхоза имени Курмангазы.

- Наконец-то! - вздохнула облегченно Мария Петровна. Утомила, видать, ее поездка.

... Улицы села запружены народом. Все нарядно одеты. И стар, и млад высыпали встречать великого писателя. Совхозные руководители суетились тут же, просили народ подождать:

- Гости с дороги ведь, отдохнуть им надо...

- А мы привычные уже к таким дорогам! - бодро откликнулась тут Мария Петровна, будто и не вздыхала только что от усталости. - Мы ведь в Казахстан два раза в год приезжаем...

Прошли в дом, выпили кумысу, шубата.

Только было чайные принадлежности на столе появились, Михаил Александрович попросил:

- Давайте сначала с народом встретимся, а? Нам давно известно, каков он, казахский чай...

У совхозного клуба необычайное оживление. Здесь и прибывшие с дальних отгонов чабаны и табунщики, и дети с цветами в руках. Все тотчас расступились, давая дорогу Шолохову. Слышатся приветствия на казахском и русском языках. Красавицы казашки в национальных головных уборах - саукеле с пухом филина отдают традиционный сале́м большому гостю - слегка преклоняют перед ним колени. Михаил Александрович, улыбаясь, кивает им. Затем здоровается за руку с аульскими аксакалами.

- Добрых тебе лет! - благословляют его в ответ растроганные старики.

... Дружными аплодисментами встретил зал гостя. Первый секретарь райкома партии Максут Искаков, открыв встречу с лауреатом Ленинской и Нобелевской премий, писателем-академиком Михаилом Александровичем Шолоховым, предоставил затем слово секретарю партийной организации совхоза Оразгулову. Рабочий Т.Садыков, учительница К.Ермеккалиева коротко поведали о жизненном пути писателя, о его произведениях «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Судьба человека», которые они прочитали на казахском языке, высказали свое восхищение удивительной жизненностью образов, созданных писателем. Поблагодарив за прибытие в отдаленный совхоз, познакомили гостя с делами своего хозяйства. Удачным этот год был для совхоза: план выполнен

и по мясу, и по шерсти. И в финансовом отношении хозяйство преуспело.

Дали слово и мне.

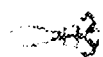
- Мы сегодня, - сказал я, - стали свидетелями незабываемого события. Приезд великого художника, ювелира слова Михаила Александровича Шолохова на землю, где родился великий композитор казахского народа Курмангазы, - это, я считаю, историческое событие. Это знак дружбы двух культур, их нерушимого единства. Я называю Курмангазы «великим», ссылаясь на исторические источники. Современник Курмангазы известный краевед Савичев, познакомившись с исполнительским мастерством и даром сочинительства простого неграмотного степняка, сказал, что «Курмангазы - редкая музыкальная душа, и получи он европейское образование, то стал бы в музыкальном мире звездой первой величины». И тем не менее известность Курмангазы, не имеющего европейского образования, перешагнула отечественные рубежи... Мы этим гордимся. Так вот сегодня мы - свидетели встречи двух великих людей. Помогли этой встрече вы, Михаил Александрович. Спасибо вам за приезд!

Захлопали в зале. Долго хлопали.

- Мы рады видеть вас здесь, на уральской земле. Мы знаем, что, живя в скромном доме по улице Комиссаров города Уральска, вы написали несколько глав из второй книги «Поднятой целины». Вы написали немало глав и к роману «Они сражались за Родину», будучи в Кисыккамысе, на Жалтырколе, в целинном совхозе «Правда», у реки Анкаты. Одним словом, дорогой Михаил Александрович, вы для нас не только земляк, вы для нас - близкий родич. Еще больших творческих успехов вам! Живите долго-долго на счастье народа!

- Премного благодарен за теплые слова в свой адрес! - сказал писатель. - Хороший гость приезжает - овца двойню приносит, так говорят казахи. Я - человек добрый. Рад, что ваше хозяйство преуспевает. И дастархан у вас обильный. Пусть ваши трудовые успехи множатся, я этого желаю вам от чистого сердца!..

Захлопали в зале.

- Товарищ Жумагалиев представил меня вам как земляка. В этом есть резон. В течение двенадцати четырех лет я приезжаю на Урал. Постоянно приезжаю. Потому я для вас не только земляк. Скажу больше. Я - казах...

С улыбкой прилаживая усы, он добавил:

- Старше многих из вас, здесь сидящих, москал казах!..

Бурные рукоплескания заглушили последние слова. Слышались возгласы:

- Верно говорит!

- Он и в самом деле казах!

Михаил Александрович, дождавшись тишины, продолжил:

- Знаю, как открыт и прост казахский народ, какой он труженик. Знаю, что это смелый и решительный народ. Во время войны сам своими глазами видел немалые беспримерные подвиги казахских воинов...

Что далеко ходить, в 1942 году поздней осенью в районе наших станиц Боковской и Каргинской в жестокой схватке с фашистскими стервятниками героически погиб отважный сын казахского народа Нуркен Абдиров. В прошлом году у нас в гостях побывала мать его Багжан Жайкенова. Очень милая женщина. Сказав это, великий писатель грустно вздохнул... Возникла пауза...

Может перед глазами появилась картина той воздушной схватки, свидетелями которой были многочисленные земляки Михаила Александровича.

Воспользуясь этой паузой восстановим в памяти картину того воздушного боя.

«19/12-42 года пилот сержант Абдиров ведомым в составе четырех самолетов ИЛ-2 совершил налет на сильно укрепленный рубеж противника и большое скопление танков в районе Боковская - Пономаренко, проявил исключительную храбрость и героизм. Сильным заградительным зенитным огнем противник пытался помешать нашим соколам. Одна за другой выводились из строя вражеские зенитные батареи, но один из снарядов противника попал в мотор, и самолет, пилотируемый тов. Абдировым, загорелся. Видя, что тянуть

горящий самолет до своих войск невозможно, Нуркен Абдиров, верный сын казахского народа и своей социалистической Родины, следуя героическому примеру капитана Гастелло, направил свой самолет в гущу вражеских танков и погиб со своим экипажем смертью героя...». Эти строки взяты из наградного листа. «За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и мужество Нуркен Абдиров удостоен посмертно звания Героя Советского Союза. Прах его вместе с другими воинами, погибшими при освобождении хуторов и станиц Верхнего Дона, покоится в братской могиле в хуторе Конькове Боковского сельского Совета. Пионерскому отряду №13 Боковской средней школы в 1965 году было присвоено имя Героя Советского Союза Нуркена Абдирова. Писатель Григорий Якимов о подвиге Нуркена написал повесть «Пике в бессмертие». Вот строки одной из глав: «Языки пламени лизали уже кабину. Машина выходила из повиновения.

- Нуркен... - в шлемофоне раздался крик Писанко, - выходи! Слышишь меня? Выходи, я прикрою.

- Прощай, Леша. Целуй всех, кто знал меня. Напиши в Караганду. Прощай, друг...

Сквозь дым и языки пламени Нуркен увидел, что в скопище танков стоят два бензовоза. Туда он и направил пылающий самолет.

- Сашка, прощай! Ну, гады...

Навстречу летела земля. «Черная смерть», как гигантский снаряд, молнией приближалась к немецким танкам.

Удар, страшный взрыв! Все...

Конец...»

... Нет, не плакала мать, получившая в Караганде похоронную. Горе иссушило слезы старой Багжан. Да и что скрывать; где-то в глубине материнской души еще теплилась надежда: а вдруг...

Когда же пришел Указ о посмертном присвоении Нуркену Абдирову звания Героя Советского Союза, Багжан долго, молча смотрела на лист бумаги. Потом она тихо сказала.

- Я же знала и говорила...

Мой Нуркен будет жить всегда!

В газете «Советский Дон» от 23 июня 1965 года было написано следующее: «На днях мать Героя Советского Союза Нуркена Абдирова Багжан Жайкенова по приглашению учащихся и учителей Боковской средней школы вместе со своими внуками Аукемом и Алией посетила места, где сражался и погиб ее сын. Дорогих гостей встречали пионеры и школьники, труженики совхозов «Малаховский» и «Боковский», партийные и советские работники, представители районного военного комиссариата. Старейший хлебороб совхоза «Малаховский», агроном-пенсионер Федор Васильевич Немудрякин и учительница Антонина Васильевна Петухова преподнесли Багжан Жайкеновой хлеб-соль. Пионеры Боковской средней школы преподнесли ей букеты полевых цветов и живые розы.

- Большой рахмет (спасибо), - сказала мать Героя. - Я пролетела на самолете более четырех тысяч километров, чтобы увидеть места, где сражался и погиб мой сын, побывать на его могиле. Я очень тронута теплотой и вниманием, которые вы мне оказываете и чувствую себя как дома среди родных и близких мне людей.

Еще раз большой рахмет!».

21 июня Багжан Жайкенову и ее внуков принял в станице Вешенской М.А.Шолохов и долго беседовал с нею за чашкой чая.

Наверняка Михаил Александрович рассказал ей о том, что 8 июля 1942 года за полгода до гибели ее сына при бомбежке гитлеровцами Вешенской погибла его мать Анастасия Даниловна, наотрез отказавшаяся покинуть родные места; о том, что его семья в годы войны нашла приют в Казахстане, в п.Дарьинск, о том, что полюбил он наши края, наших людей, что Казахстан стал его второй родиной. А Багжан, скорбно поджимая губы, рассказывала о себе следующее: «У каждой матери есть на сердце свои особые зарубки. Память каждой матери свято хранит события, как бы давно они ни произошли. Идут годы, долгие годы проходят один за другим, а раны на сердце болят, не дают спать ночами.

Мне 73 года, многое пришлось повидать на своем веку, многое пережить. Хорошо помню Караганду, когда в ней жили англичане. Да, они жили, а мы были червями и ковырялись в земле, чтобы жили они. Мой муж Абдир на рассвете спускался в шахту и до ночи был там.

Помню я дни, когда народ прогнал англичан, прогнал всех, кто заслонял сердце.

И взошло солнце над моей землей. Как цветы радуются теплым лучам, так радовались жизни мои сыновья Нуркен и Садырбек. Росли нежными, любящими, работающими. Жить бы им да жить, иметь бы своих детей. Но небо стало темным. Оттуда, куда каждый день уходит солнце, поднялась черная туча. Она несла смерть. И вместе с миллионами других юных джигитов заслонили собою страну от смерти мои Нуркен и Садырбек».

Да, им было о чем поговорить: матери, потерявшей сына, и сыну, потерявшему мать. От этой встречи остались фотографии. На них великий русский писатель и простая казахская женщина - мать Героя.

Однако вернемся к рассказу М.А.Шолохова.

- Народ, что чтит свои традиции и обычаи, - большой народ. Сегодня в дороге с товарищем Жумагалиевым мы много говорили о казахах... Вы любите гостей, вы милосердны. Это доброе для человека свойство. Еще одна хорошая черта у вас - чтите возраст, чтите старшего, спрашиваете у него совета. Стало быть, и старший, чтобы оправдать это звание «ага», чтобы люди и спрашивали у него совета, и сам обязан быть ближе к добру, бежать от зла... вот ведь какая штука получается...

Мало говорил Михаил Александрович, но много, видать, добрых мыслей пробудил. Тихо стало в зале.

- Четыре года назад был я в Германской Демократической Республике. При отъезде Вальтер Ульбрихт подарил мне несколько пони.

Я их захватил в Москву, сдал в зоопарк. Их стали впрягать в тележки, и теперь они катают ребятишек по праздничным дням. Вот и сейчас я думаю, а что же мне делать

с верблюжонком, которого мне казахские писатели подарили? Думал я, советовался и пришел к решению - оставлю-ка я верблюжонка в степи, ему родной и привычной. В этом ауле, говорят, две школы. Хочу подарить его школе-интернату, где дети животноводов учатся...

Народ, поваливший из клуба, стал очевидцем знаменательного события: великий сын русского народа Михаил Шолохов передал белого верблюжонка с шелковым недоуздом, покрытого по случаю праздника бархатной попоной, казахским детям.

- Будьте так же чисты, как этот белый, похожий на белое облачко верблюжонок! - пожелал писатель и расцеловал малышей.

- Мы вырастим верблюжонка, Михаил Александрович! - заверили писателя дети и тоже пожелали ему здоровья и долгих лет жизни.

Затем все вновь вернулись в клуб, чтобы посмотреть концерт, подготовленный молодежью аула для гостя.

Кюи Курмангазы звучали под высокими сводами просторного зала. Потом пели джигиты, пели девушки. Пели на русском, казахском и даже японском языках. Потом девушки гибкие и стройные, исполнили казахский танец. И неожиданно - в завершение концерта - оркестр грянул кюй «Балбыраун», и на сцену вновь выпорхнули хорошенькие танцовщицы, закружились в стремительном ритме. Я шепнул Михаилу Александровичу, что это тот самый кюй «Бал Бородин», о котором я рассказал ему дорогой.

- Впечатляющая мелодия, - заметил писатель. - Наверное, и гости Бородина вот так кружились... - и указал на танцовщиц.

Концерт понравился и Михаилу Александровичу и его супруге.

- Честное слово, не ожидала, что увижу что-либо подобное... - призналась Мария Петровна. - Все так свежо и непосредственно!

Прощаясь с аульскими артистами, - Шолохов полюбозытствовал:

- А где вы японскому языку выучились?

Аульская учительница Оразбаева, руководительница всей концертной программы, пояснила:

- Вы недавно были в Японии, поэтому мы решили сделать вам приятное - подготовили кроме других и японскую песню. Конечно же, японский мы не знаем, но слова песни - ради вас! - выучили...

Беседа, не менее оживленная, развернулась затем за широким гостеприимным дастарханом потомков знаменитого Курмангазы. Остроумные рассказы писателя всколыхнули всех, он вспомнил и несколько смешных историй из своей поездки в Японию. И, как всегда, Михаила Александровича закидали вопросами. Кто-то поинтересовался:

- Когда выйдет в свет роман «Они сражались за Родину»?

- Время покажет, - уклончиво ответил писатель. - Я вообще-то из тех, что не ломаются напрямик. Не спешу. А потому, когда выйдет в свет, сказать пока не могу.

Помолчав, перевел разговор в другое русло:

- Вот мне товарищ Жумагалиев рассказал по пути много интересного о верблюдах. Сложное, оказывается, это дело - вырастить верблюжонка. Первые сорок дней в тепле, говорит, содержать его надо да чтобы никто посторонний на него не глядел, сглазят, говорит. Не сглазу тут, наверное, боятся, а инфекции какой-нибудь, но что глаза у верблюжонка прекрасны, я в этом убедился. Нельзя не залюбоваться ими. Кто знает, может, и сглазишь этакое прекрасное существо, вам виднее... Теперь мне понятно, почему красивых девушек в степи называют - Ботагоз. Девушка с глазами верблюжонка... Красиво.

Оглядев вокруг, писатель сказал:

- Вон их у вас сколько, верблюжат... - и на детей кивнул. - Пока верблюжата - нежим-холим, а подрастут - в общее стадо, так ведь?.. Только что смотрели прекрасный концерт. Молодые артисты. Красивые, талантливые, и в работе, я слышал, не промах. И все же глаз за ними нужен, потому как молоды еще. Вырастить их патриотами земли, патриотами страны - наш долг, долг старшего поколения. Не будем об этом забывать...

Все слушали писателя. Внимательно слушали. Тишина

стояла. Не громко он говорил. То и дело тосты предлагались за здоровье Михаила Александровича и Марии Петровны.

А потом взял в руки инструмент молодой домбрист. Пальцы у него - длинные, тонкие. Назад откинулся, резко по струнам ударил. Полился кюй.

- Курмангазы... - угадал гость.

Не столько мастерство молодого музыканта очаровало Михаила Александровича, сколько мелодия.

- Курмангазы был неграмотный, но какие сложные композиции выдавал, а? И в самом деле, если бы ему необходимое образование в свое время, его звезда взошла бы еще более высоко... - заключил Михаил Александрович, выслушав кюй.

... Гости засобирались ехать. Их, как водится, просили посидеть еще и даже заночевать, но Михаил Александрович был неумолим:

- Наелись. Кумысу попробовали, шубата. Казахского чая напились - и со звездочкой, и без звездочки. Пора... До войны я большей частью в Грузию ездил. Там у меня друг был - кинорежиссер Шенгелая. Сейчас его нет, красавица дочь - актриса. Так вот я думал тогда, что гостеприимнее народа на земле, чем грузины, нет. Последние двадцать четыре года я частенько бываю за казахскими дастарханами. Мое мнение теперь - казахи не уступают в гостеприимстве грузинам. Большое вам спасибо, пора...

Но не отпускали все равно писателя. Завершающие тосты следовали один за другим. И тогда Шолохов вспомнил про одну историю, услышанную им от Горького.

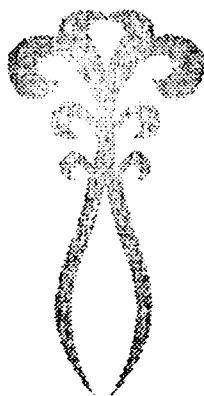
- Однажды писатели, отдохавшие в Крыму, отправились в Массандру пить вино. Среди них были Куприн, Бунин, Андреев. Горький, помнится, их «дворянами» называл. Ну и сам Горький с ними. Сели в мягкий татарский тарантас и поехали. Рядом с ними - жены. Настроение - превосходное. Все вина испробовали, какие были, пошли к тарантасу, чтобы обратно ехать. Первым Куприн стал садиться. И не заметил, бедняга, как по другую сторону тарантаса очутился. И Бунин - за ними

следом. Э, дворяне, слабаки вы, подумал Горький, глядите, как пролетариат садиться будет, и начал было взбираться да тоже - надо же! - к «дворянам» попал.

А женщины расселись чинно, будто и не пили. Только они-то умеренно пили, а их мужья - с размахом... Вот такая была история с Алексеем Максимовичем Горьким и его друзьями-писателями. Как бы и мне их участь не разделить... - рассмеялся Михаил Александрович.

Вот таким умением пошутить, вот такой своей подкупающей простотой очаровывал людей Шолохов.

Веселый, в прекрасном расположении духа уезжал он в тот день с родины Курмангазы, держа путь на свое становище - Кысыккамыс.

О времени прибытия в наш край Михаила Александровича Шолохова знал всегда один Александр Иванович Егоров, ответственный работник Уральского обкома партии, ближайший к Шолохову человек. Что примечательно, Михаил Александрович свой приезд не афишировал, не любил он именной шумихи. А Егоров о том, что узнавал, сообщал лишь первому секретарю обкома партии Коспанову и мне.

Как-то я посоветовал Егорову встретить Шолохова у Шипово (от Уральска - 80 километров), так, я сказал, будет предпочтительнее, все-таки большой человек, устал с дороги, в казахской степи - высоких гостей испокон веку далеко от дома встречают, такова традиция.

Александр Иванович, человек очень обязательный, уехал для встречи гостя еще и за Шипово. Очень скоро и «кочевье» Шолохова в том месте появилось. Под «кочевьем» я разумею «Волгу», в которой обычно следовали сам писатель, его жена и помощник, и грузовую машину с охотничьими принадлежностями да мелко нарубленными для топки дровами.

После взаимного обмена приветствиями Михаил Александрович спросил Егорова:

- Ты что это? Зачем столько времени впустую потратил? Я ведь просил не беспокоиться, не ждать меня? Если впредь что-нибудь такое выкинешь, пожалуюсь твоему начальнику.

Простодушный Александр Иванович и выложил:

- Так я поручение начальства и выполняю...

Помолчал, говорят, Михаил Александрович, а потом бросил тихо:

- Хорошо, на сей раз прощаю...

Позднее в одной из бесед со мной Шолохов как бы случайно обронил, что не любит ни встреч, ни проводов, причем прозвучало это не как предупреждение, а как сетование своего

рода на некоторые свои «дурные привычки». Понимал великий человек, что грешно, с одной стороны, обижаться на доброе проявление чувств, а с другой, что же делать, не принимала излишнего внимания его душа...

Народу, напротив, хотелось использовать всякий случай для того, чтобы показать свою горячую расположенность к любимому писателю. Первый секретарь Жанибекского райкома партии Рахметулла Егизбаев, страстный поклонник литературы, сам пробовавший перо в поэзии, человек прямой и бескомпромиссный, не скрыл однажды обиды:

- Уважаемый нами писатель Шолохов каждый год проезжает через наш район в Уральск. Слышали мы, что в Жанакале и Шалкаре он останавливался. А мы - прямо на его пути, не где-нибудь на отшибе, куда специально заворачивать надо. Разве нельзя остановиться и у нас? Что плохого, если и мы великого писателя у себя примем, поговорим с ним? И вам тут, в обкоме, трудно, что ли, подсказать ему это?

О том, что Михаил Александрович Шолохов прибудет в Уральск в конце июля 1967 года, мы узнали за три дня до его приезда. Я позвонил Егизбаеву, сообщил, в какой день, в какой, примерно, час Шолохов будет пересекать Жанибекский район. Ежегодный маршрут писателя не менялся: от Волги он ехал мимо города Камышина, ночевал в лесу, с рассветом пускался в путь, а вечером через Уральск добирался до своей дачи. Все расстояние составляло, примерно, 1200 километров.

Рахметулла Егизбаев спозаранок встретил Шолохова, пригласил его к себе в гости.

- Но мы не можем остановиться. Никак. А за чистосердечное приглашение - спасибо! - сказал ему Шолохов.

Егизбаев продолжал настаивать:

- Вы не только большой писатель, вы для нас, для казахов, старшим братом стали. Как же мы старшего брата через свой аул без дастархана пропустим? Передохните малость, чаю хоть попейте.

- Чай со звездочками? - спросил писатель, пряча улыбку в усы.

Михаил Александрович Шолохов: Какой она была, эта жизнь...

Станица Вешенская

М.А.Шолохов

М.А.Шолохов беседует с киноактерами - исполнителями ролей в фильмах, поставленных по его произведениям: Зинаидой Кириенко, Эммой Цесарской и Элиной Быстрицкой.

*М.А.Шолохов
в берлинском издательстве
"Фольк унд вельт"
Май, 1964 г.*

*Михаил Александрович: "Вам, молодым, и карты в руки: дерзайте,
творите на благо народа" - говорит Олжасу Сулейменову*

Шолоховская улыбка...

*М.А.Шолохов выступает
перед читателями
в г. Уральск, 1964 г.*

М.А.Шолохов беседует с Ю.А.Ждановым.

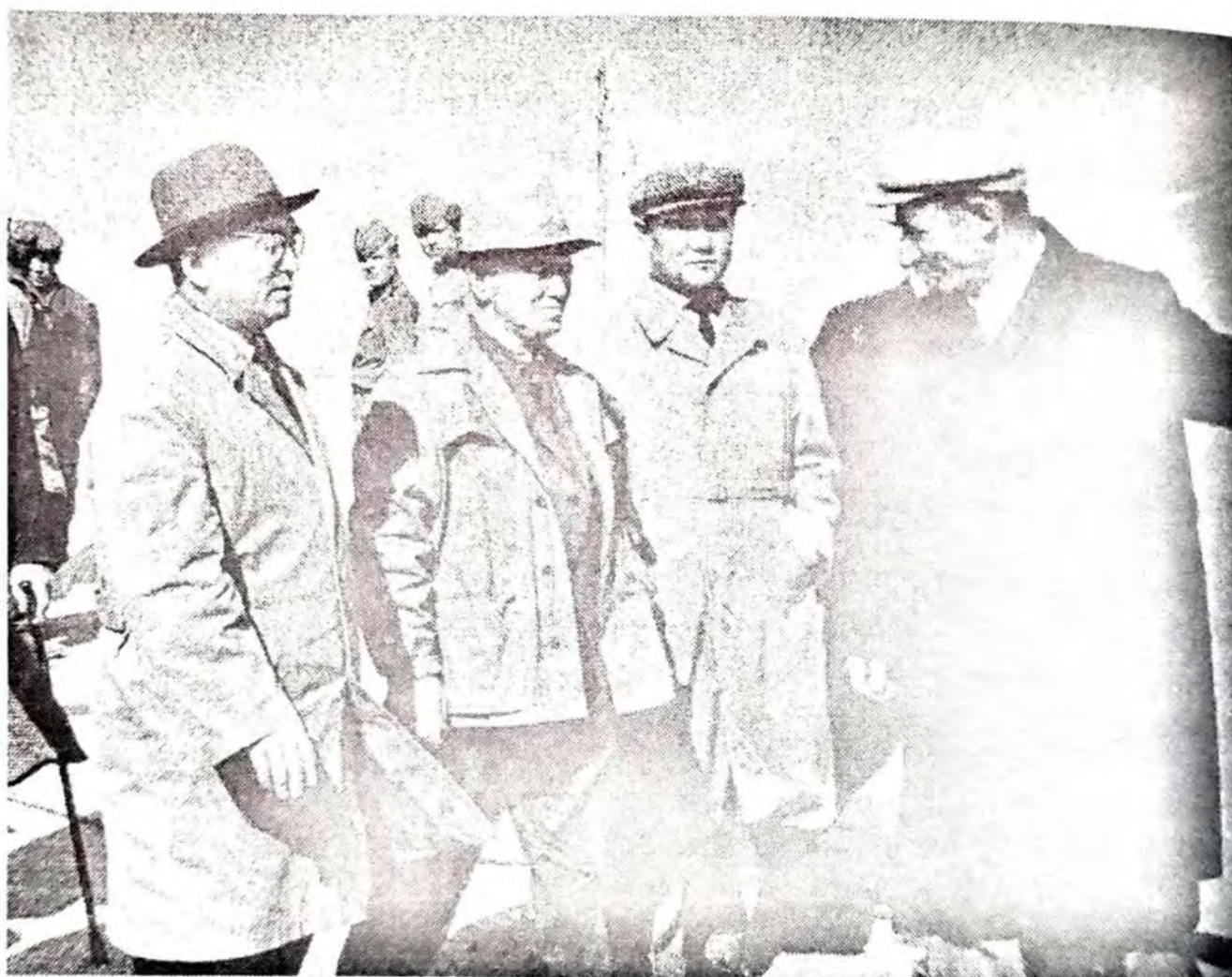
В родном краю.

Встреча с земляками на хуторе.

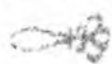
...и среди комбайностроителей.

Директор зерносовхоза им. газеты "Правда" В.И.Шубин показывает гору зерна натоку. Слева: Ш.К.Коспанов, М.А.Шолохов, Б.Жумагалиев

К Шолохову приехали чабаны

*Давнишние друзья: Герой Мухтар Меирманов и
М.А.Шолохов*

Закат над Доном

*М.А.Шолохов на берегу реки Урал.
В ожидании уток.*

*Верблюжонок (Акбота),
подаренный М.Шолохову
его другом казахским классиком
Габитом Мусреповым*

*Директор совхоза "Бирликский" М.Айтасов рассказывает
об едильских овцах*

Встреча в совхозе им. Курмангазы

*На току совхоза имени "Правды". Справа: Ш.Коспанов, Г.Загоруйко,
М.Шолохов, В.Третьяк, Б.Жумагалиев, В.Шубин.*

*М.Шолохов, П.Волошко, С.Ниязбеков с детьми на берегу Деркула.
1960 г.*

Дом-усадьба М.А.Шолохова на станции Вешенской

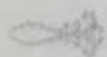

В момент передачи белого верблюжонка

Мать Героя Советского Союза Нуркена Абдирова Багжан Жайкенова в гостях у М.А.Шолохова. 1965 г.

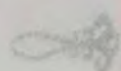

*Проводы Лауреата Нобелевской премии М.А.Шолохова. Аэропорт.
г. Уральск, ноябрь 1965 г.*

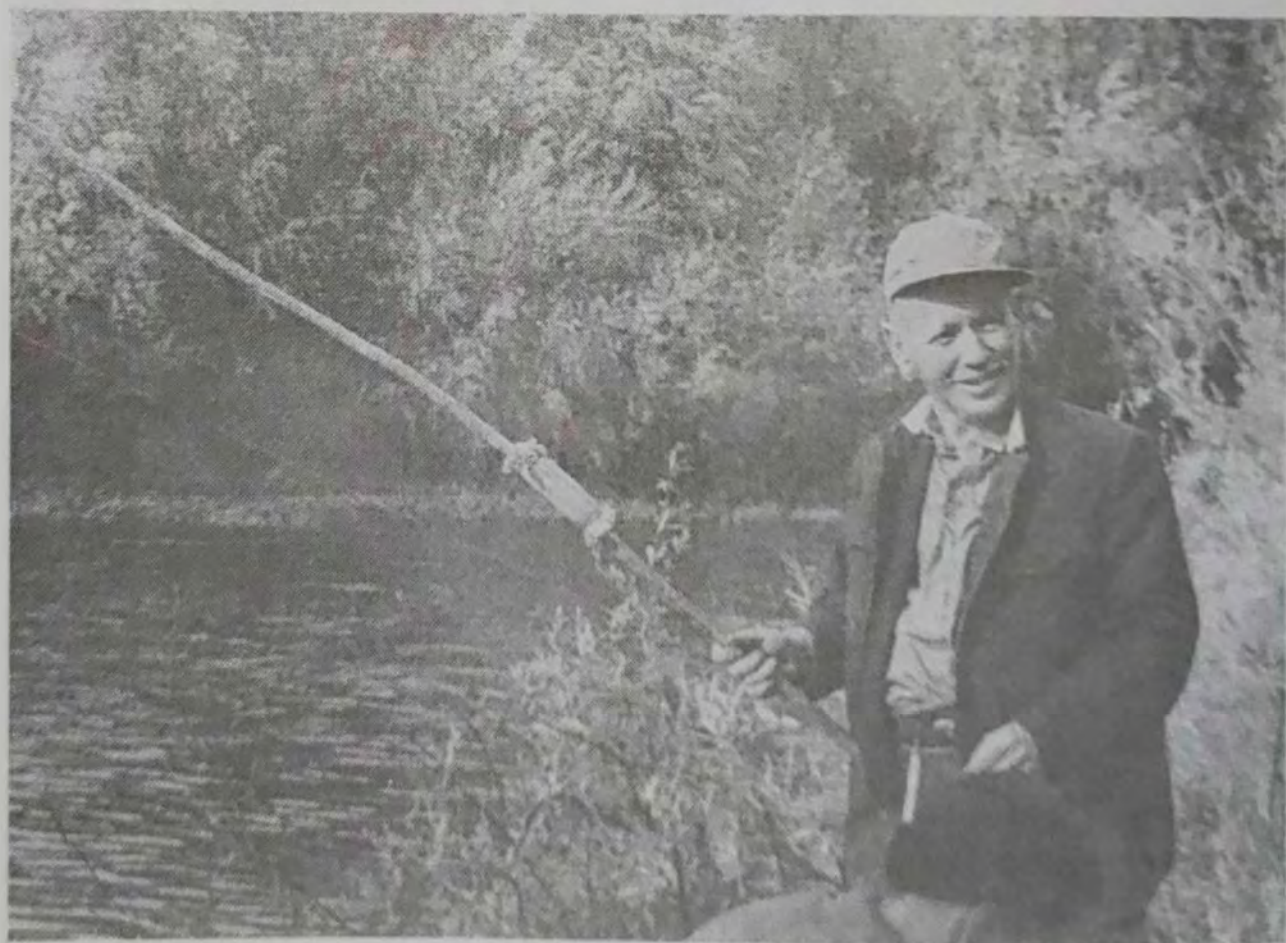

*Дети М.А.Шолохова: Михаил Михайлович, Александр (внук), Миша
(правнук) у дома в селе Дарыинск, где жили Шолоховы 1942-1943 г.г.*

Супруги Шолоховы

*М.А.Шолохов на рыбалке, озеро Бобровое около
своей дачи "Братановский Яр".*

*Вот такая добыча
Марии Петровны.
Жангалинская степь.*

*На банкете, по случаю присуждения Нобелевской премии:
справа К.Е.Ворошилов, Сабит Муканов, Н.Корсунов,
М.Шолохов, Б.Жумагалиев. Москва, 1965 г.*

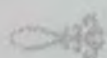

М.Шолохов и Б.Жумагалиев.

Книги, книги, книги...

- Нет, индийский, - простодушно признался Рахметулла.

- Индийский чай я знаю. Хороший. Но ведь у вас за дастарханом и другой чай будет - со звездочками. Так что не обижайся, браток, на сей раз у меня и впрямь времени нет - завтра в Уральск приезжает мой сват, а встретить свата, сам понимаешь, - мой долг. Возможно, обратно поеду через Орду, это же ваш район, сойдет?

С этими словами и уехал, говорят, Шолохов.

Назавтра Егизбаев позвонил мне:

- Сказал, через Орду возвращаться будет. Умоляю - завезите его ко мне...

Я пообещал это сделать.

... Через несколько дней я нанес визит Шолохову. Его сват Антон Югов, как выяснилось, приехал из Болгарии. А сватами с Шолоховым они стали так. Старший сын Михаила Александровича - Александр женат на дочери Югова. Оба Тимирязевскую сельскохозяйственную академию закончили, вели научную работу в Никитском ботаническом саду в Крыму.

С Юговым еще гость - Романов Александр Иванович, чрезвычайный и полномочный посол СССР в Нигерии.

Михаил Александрович познакомил меня с гостями. Антон Югов - видный государственный деятель Болгарии. Долгие годы до войны был на подпольной работе, в годы войны - один из руководителей партизанского движения в Болгарии. После освобождения страны от немецко-фашистских захватчиков много лет находился на партийной и государственной работе; последняя его должность - председатель Совета Министров республики. В настоящее время - на пенсии.

- С товарищем Романовым я познакомился, когда ездил в Англию - сказал Михаил Александрович. - Он тогда был заместителем нашего посла в Лондоне. И Антона и Александра я пригласил в Казахстан, чтобы они увидели мои любимые места, узнали казахский край.

- Очень хорошо, что пригласили, Михаил Александрович. От имени своих земляков говорю: «Добро пожаловать к нам,

на казахскую землю!» По давней казахской традиции прибыл пригласить вас с вашими уважаемыми гостями к специально приготовленному для вас дастархану...

Дастархан ждал нас в совхозе «Енбек», недалеко от дачи Шолохова. Ехали в двух машинах. В первой Михаил Александрович, Александр Иванович и я. Во второй - Мария Петровна со сватом Антоном Юговым.

По пути писатель зорким взглядом окидывал поля, предполагал вслух, сколько будет получено зерна. Романов, гляжу, изумлен просторами степи.

Когда проехали мимо небольшого старого кладбища, он, не выдержав, произнес вслух:

- Надо же, и в Нигерии подобные обелиски - с лунным серпом и звездочкой. Такое расстояние между народами и - такая связь?

- Казахи - исламисты, - заметил я.

- Ах, вон как, и казахи исламской религии придерживаются?

- Товарищ посол, - усмехнулся Шолохов, - не спорю, ты хорошо знаешь нигерийцев. Но неплохо бы получше и свои народы знать, тем паче один из таких древних, как казахи. Вот и запомни теперь, что они - мусульмане...

Руководители совхоза Рахымбердин и Сагитов встретили гостей с расprostертыми объятиями.

За изобильным дастарханом писатель успел расспросить хозяев обо всех новостях во всех отраслях жизни совхоза. Поинтересовался настроением народа, тем, как он живет. Пересыпал, как всегда, речь шутками и прибаутками.

Принесли главное блюдо, поставили в центр. Каждому из уважаемых гостей подали положенную кость с мясом.

- Слышал я про бесмарбак, но не видел до сих пор, - произнес Антон Югов. - Почему «пясть пальцев», думал. Теперь понял. Такое яство и десятью пальцами ешь - не доешь.

- В Англии меня пригласил в гости хозяин издательства, в котором должны были выйти мои книги, - начал вдруг Михаил Александрович. - Попросил, чтобы я пришел в три часа дня. Ну,

думаю, пообедаю у англичанина, и взял с собой ему в подарок две бутылочки армянского коньяку. Беседуем с ним, вижу - обедом не пахнет. Через какое-то время, когда я подумал, что вот так, без крошки угощения во рту, уйду, наверное, хозяин одну из моих бутылок принес и накапал что-то в рюмку с наперсточек, поднял тост - добро-де пожаловать в гости! Слышал я, что англичане не тратятся, но подобной степени скупости не предполагал. Досаднее всего было, что капал-то он из моей бутылки! Получается, богатый господин в своем собственном доме и угостить как следует не мог?!

- Михаил Александрович, - вступил в разговор Романов. - Этот господин пригласил вас на три, потому и полагал, что вы пообедали. Случается и так. Посылая приглашение в гости, хозяева специально предупреждают: «Надеемся, что вы перекусите дома...»

- Хорошенькое приглашение... - рассмеялся Шолохов и, обращаясь к своим спутникам, заметил: - А вы ешьте, ешьте. Вы не в Англии. Здесь хозяева - другие. Соблюдаете дипломатический этикет там, где-то за рубежом, так будьте добры тут казахских традиций придерживаться. Кончим это блюдо, - он показал на гору мяса в центре стола, - асату будет. Вот ты, - он повернулся к Александру Ивановичу Романову, - нигерийцев хорошо знаешь. Похвально. А сегодня казахов узнаешь. Ты должен будешь принять в рот столько мяса, сколько тебе его подадут. Видишь вон горсть товарища Сагитова? В нее, по крайней мере, кило мяса войдет. Ты это должен... асау... съесть, понял? В один присест...

Романов загляделся на руку Сагитова.

- Уклоняться от асату - неуважение к национальному обычаю проявлять. Нехорошо это.

Увидев, что посол и изумлен, и напуган, писатель его успокоил:

- Не смущайся. ладно уж. Наши хозяева - добрые люди. Попросим, чтобы на сей раз сделали послу поблажку.

Антон Югов сказал, что и в Болгарии едят много мяса. Страна небольшая, подчеркнул он, но по количеству овец

занимает достойное место среди европейских стран.

- И все-таки казахов вам не переплюнуть, заметила Мария Петровна. - В первый раз когда увидели - поразились. Сейчас-то - привыкли. Щедрый дастархан - это гостеприимство народа, его искренность, это - добрая традиция, так я понимаю.

Антон Югов, вижу, прислушивается к редким казахским фразам, которыми перебрасываются хозяева. Не скрыл, что знает турецкий язык. И он, и Романов задали много вопросов, связанных с этнографией края, с традициями, с обычаями народа. Пришлось отвечать потому что при каждом очередном вопросе Михаил Александрович кивал на меня.

- Вот идеолог скажет. Да обстоятельнее отвечай, - требовал он еще.

Я и старался обстоятельно отвечать.

... Обширная равнина между отрогами Уральских гор и Каспийским морем, на западе омываемая Волгой, а на востоке сливающаяся с бесконечными приаральскими степями Средней Азии, некогда была удобным перегонным местом для кочевых народов, в силу того историки и называли ее «великими историческими воротами». В эти ворота входили, оседали на некоторое время, а потом уходили, сменяя друг друга, разные народы, оставляя следы своей жизни, своей культуры.

По свидетельству Геродота, на территории Уральской области в древнейшее время, еще за 5 веков до н.э. жили скифы и сарматы, которых сменили затем готты, гунны и авары. К VI веку н.э. появились хазары и печенеги, их в XI веке вытеснили половцы, или кипчаки. В XIII веке пришли монголы. В XV веке некогда могущественная Золотая Орда распалась на ханства: Крымское, Казанское, Астраханское, Ногайское, Шейбанидское. Ногайцы кочевали по всему течению Яика, по низовьям Волги и далеко на восток до Аральского моря. Столицей ногайского ханства был город Сарайшык на Яике, когда-то большой и цветущий, окруженный высоким земляным валом. Площадь, занимаемая городом, превышала один квадратный километр. Через него из Азова шла караванная дорога в Ургенч и Хиву. Колодцы на пути караванного пути вместе с развалинами

Сарайшыка сохранились до наших дней.

Движение русских людей на Яик началось в конце XV века. В 1577 году в устье Яика остановились казаки с Дона, изгнанные из родных мест царем Иваном Грозным. Разорив Сарайшык, они обосновались на берегу Яика в районе современного поселка Кирсаново. В 1613 году ими был заложен город Уральск. Впоследствии казаки начали селиться по всему течению реки Урал, организовались форпосты Гурьев, Гребеншиково, Кулагино, Калмыково, Илек и др.

- С тех пор и живут в долине реки Урал два народа - казаки и казахи. Сейчас этот край - родина и многих других народов, - заключил я свой исторический экскурс.

- Казахи кочевали всегда? - спросил Антон Югов.

- Да, - ответил я. - Еще до середины прошлого столетия свободно кочевали от Каспийского моря до Алтайских гор, от Уральских гор до реки Сырдарьи и дальше по Алатау.

- А почему?

- На этот вопрос многие ученые и путешественники искали в свое время ответ. Так, известный венгерский тюрколог Вамбери, вторым после Марко Поло совершивший путешествие в Среднюю Азию (кстати, и книга у него так и называется - «Путешествие в Среднюю Азию»), - тоже задается этим вопросом. Он интересно описывает свои встречи с казахами или киргиз-кайсаками, как их называли раньше. К каравану, с которым он следовал, прибились три казахские, то есть киргизские семьи. Вот и спросил он у одной из киргизских женщин, что за причины побуждают их кочевать, на что та со смехом ответила: «Мы не так ленивы, как вы... Нам не усидеть по целым дням на месте. Человек должен двигаться, потому что солнце, месяц, звезды, вода, животные, птицы, рыбы - все движется, только земля и мертвые остаются на месте...» По-видимому, есть смысл в ее словах. Казахи очень близки к природе. Тот же Вамбери так расшифровывает значение слова «киргиз». «Кир» или «кыр» по казахски - это степь, «гиз» или «гез» - корень от слова «гизмельт» - «странствовать», т.е. слово «киргиз» - «странствующий по степям», что, в общем-то,

близко к истине.

- И все-таки... солнце, вода... все движется... это понятно. Но почему казахам не сиделось все же на месте? Другие же сидели. Ведь куда спокойнее держать хозяйство, особенно скот, в одном месте?

- Как раз условиями содержания скота и определялись, по-видимому, причины непрерывной кочевки. Ведь чем жили казахи?

Скотом, той продукцией, которую они получали от скота. Кочевники-казахи, испокон веку - прекрасные животноводы, они отлично пригнорировались к условиям степи, узнали, где какой климат, где какая растительность. Я могу вам привести слова известного знатока животноводства, профессора Берковича, которого поразила некогда приверженности казаха к скотине. Вот как он сказал: «Кто может сравниться с пастухом-казахом, умеющим во время буранов оберегать гонимые ветром и снегом табуны лошадей - зачастую не слезая по несколько дней с селла, без пищи в страшной стужу на ледяном ветру?..» По-моему, эти слова как нельзя более убедительны.

- Уральские казаки тоже скотоводством занимались? - спросил Романов.

- Да. И основательно. Конечно же, многие содержали скотину ради того, чтобы просуществовать. Выгоднее для казаков были лошади. И зимой и летом - на тебеневке, сами себе корм находят. По свидетельству ученого Я.Ханыкова, в 1776 году у казаков было около 150 тысяч голов лошадей, а к 1825 году их количество возросло почти до 500 тысяч. Зажиточные казаки сдавали животных в армию, сбывали на ярмарках в Оренбурге, Уральске, Вольске, и лошади приносили им немалые доходы.

- А овцеводство чья прерогатива?

- Казахская. Овца казаху дает мясо, кожу, шерсть, молоко. Исстари так было. И сейчас - то же. Только теперь овец значительно меньше. А в 1819 году в одной Бокеевской орде количество овец достигало 3 миллионов голов. I съезд в Москве по овцеводству, состоявшийся в 1912 году, оставил нам такие цифры: по данным ветнадзора на внутрироссийский

рынок с одной станции Оренбург за десятилетие с 1900 по 1909 годы было вывезено баранины свежей - более 200 тысяч пудов, баранины соленой - более 800 тысяч пудов, шерсти овечьей - более 2 миллионов пудов, овчины - более 1 млн 600 тысяч штук. В переводе на деньги вся эта продукция составила 33 миллиона рублей.

- У вас завидная память, - заметил Югов.

- Ее развитию во многом Михаил Александрович способствовал... - отшутился я.

- По-моему, ты от этого не проиграл, а? - бросил Шолохов, улыбаясь в усы. - Только вот про верблюдов ты еще ничего не сказал. Как там, кстати, верблюжонок мой поживает?

- Жив-здоров, горя не знает... Помнят ребятишки, чей это дар...

- Ну и прекрасно!

- Что про верблюда скажешь? Очень полезное в хозяйстве животное. Изделия из его шерсти не пропускают ни воду, ни холод. Ценное и молоко. Шубат из его молока обладает целебными свойствами. Во времена, когда отсутствовала железная дорога, верблюды были незаменимы как транспортное средство в перевозке тяжелых грузов. Неприхотливый, способный долгое время обходиться без корма и воды верблюд особенно необходим был зимой. Так, зимой все перевозки между Уральском и Гурьевом осуществлялись, к примеру, на верблюдах. Расстояние между этими городами, равное 550 километрам, это животное одолевает за 8-9 дней.

- Слышал я, что земледелие на казахской земле имеет начало на Яике? - продолжил нить разговора после некоторого молчания Михаил Александрович.

- Принято считать первыми хлеборобами на Яике казаков, да... Это где-то первая половина XIX века. Очень высокая цена на Самарском и Балаковском рынках на пшеницу с свежей, девственной земли стимулировала дальнейшее развитие хлебопашества. Практиковалось исключительно хуторское хозяйство, основанное на вспашке наиболее удобных земель и переходе на новые, лучшие земли, на которых заводился новый

хутор. При наличии свободных земель и при безграничном общинном пользовании ими иной системы хозяйствования и не могло быть. Позже, правда, владение землей стали ограничивать полагающимися по рангу десятинами в зависимости от того, кто хозяин - простой казак, офицер или генерал.

- А как наши братья-казахи?

- В 80-е годы прошлого столетия в Уральске открылся хлебный базар, большой базар. Это связано с расширением хлебопашества среди казачьего населения, а также и с появлением на рынке хлеба и от казахов Урала. Так, в 1890 году казахи доставили на базар более миллиона пудов зерна. Вместе с пшеницей они привезли просо и овес. Царское правительство, поначалу сдерживавшее переход казахов к оседлости - известно, что четыре казахские делегации, возглавляемые уважаемыми людьми степи, были в Петербурге с просьбой об этом, - позднее, с развитием капиталистического рынка, уяснили наконец для себя, что казахи могут быть полезными не только как кочевники, производители животноводческой продукции, но и как земледельцы. Уже в середине прошлого века казахи распахивали землю по берегам притоков Урала, по левому берегу реки Ори, около лесов по Тоболу. И не только зерно стало статьей казахского дохода. Дыни, арбузы, помидоры, огурцы появились на казахском дастархане. Помог здесь опыт переселенцев из России и Украины... Известны случаи выращивания яблок и винограда...

- История каждого народа самобытна, - заговорил Романов.
- Что бы вы могли сказать о структуре казахского общества в прошлом?

- Казахское общество не было однородно. Известны словосочетания: «белая кость», «черная кость». «Белая кость» - это степная знать: ханы, султаны, бан. «Черная кость» - это народ, простолюдины. Особо я хотел бы остановиться на батырах и аксакалах, игравших большую роль в жизни народа. Батыр - почетное звание. Его удостаивались за боевые подвиги как ханы, так и выходцы из простого народа. Их уважали, за ними шли. В самые сложные периоды истории народ вверял им свою

судьбу. Так случилось, например, в известной исторической битве казахов с джунгарами. Батыры известны также своей активной дипломатической миссией. Вот такой, например, исторический факт: батыры Букенбай и Есет решительно поддержали хана Абулхаира, когда он принимал российское подданство. Это склонило на сторону хана и народ... Особым почетом были окружены в казахском обществе и аксакалы. Само слово «аксакал», что означает «белобородый», говорит за себя. Традиция почитания возраста, а вместе с ним и жизненного опыта существует у казахов с тех пор, как они живут на свете. К аксакалам прислушиваются, они решают тяжбы всякого рода. Из аксакалов зачастую, - из мудрецов, конечно, избирались бии, - степные третейские судьи...

- Не утомили ли мы нашего друга, а? - с этими словами Шолохов сочувственно поглядел на меня. - Поблагодарим его. Спасибо. - и пожал мне руку.

То же проделали и гости - сват Югов и посол Романов.

- Богата история яйцкой земли, - заключил наш разговор сам писатель. - Степан Разин, Емельян Пугачев, казахские батыры Сырым, Исатай, Махамбет... каждый из них оставил неизгладимый след в этой истории. Еще одно меня удивляет: неугасимая слава Чапаева тоже вспыхнула здесь, на яикской земле. А как высоко Владимир Ильич Ленин оценил подвиг участников знаменитой уральской обороны? А сколько героев этот край дал вчера, когда громыхла война?!. Первые Герои Советского Союза из женщин Востока Маншук Маметова и Алия Молдагулова - здешние девушки. Я бы назвал этот край героическим, потому что героические традиции, как видите, живы на этой земле, они переходят из поколения в поколение. Это надо поддерживать. В деле воспитания будущих поколений традиции имеют большое значение...

VI

В какой-то приезд Михаил Александрович остался ночевать в городе. Утром мы с Григорием Максимовичем Загорулько - председателем облисполкома, пришли к нему.

- Как отдохнули, Михаил Александрович?

- Хорошо спал, только под утро меня разбудили ваши ходоки, товарищ председатель. - Пришли бородатые старцы: «Мол мы просим Вас Михаил Александрович походатайствовать перед областным начальством о передаче нам, Атаманского дома. Хотим организовать музей уральского казачества. Отдают детям - пионерам. А там Пушкин был в свое время».

- Вот, что дорогие сородичи, я здесь в гостях, как и подобает гостю, я не вмешиваюсь в дела хозяев. Эта традиция всех народов, - говорю я. Ушли недовольными. Ничего, успокоятся.

Был ли А.С.Пушкин в Казахстане? - спрашивают многие. Да, был. Вопрос в том, что какому случаю он был в степном краю?

Шолохов кивает голову в мою сторону. По его любимому выражению, теперь пришлось «отдуться» мне. Я начал издалека.

Во время работы над романом «Дубровский», начатом в октябре 1832 года в тетрадах поэта появляется план исторической повести о Шванвиче, из которого впоследствии выросла «Капитанская дочка».

Михаил Александрович Шванвич (1755-1802 г.) сын гвардейского офицера, крестник императрицы Елизаветы Петровны, в чине подпоручика гренадерского полка 8 ноября 1773 года попал в плен к пугачевцам, где присягнул мужицкому царю, и в течение нескольких месяцев состоял переводчиком. Арестованный после разгрома Пугачева, Шванвич был осужден, лишен чинов и дворянства и сослан в Туруханский край, где и умер.

В феврале 1833 года Пушкин обрывает работу над

«Дубровским» и начинает знакомиться неизданными документальными данными о восстании 1773-1774 г.г. Изучает общеисторические, статико-экономические и этнографические труды, такие как «Топография Оренбургская» (1762 г.) П.И.Рычкова, «Историческое и статическое обозрение уральских казаков» и др.

Особо хочется отметить, что А.С.Пушкин интересовался скудной печатной информацией по истории казахов, населяющих обширную степь, вокруг Оренбурга и Уральска. Скрупулезно прочитав «Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей (1833 г.) Алексея Левшина, Пушкин дает этой работе высокую оценку. Без внимания не оставил поэт и повести Василия Ушакова «Киргиз-кайцак» (1829 г.), где описывается жизнь светского офицера, сына простой казашки, продавшей своего ребенка во время голода богатому русскому. Читал он Фаддея Булгарина, загнавшего своего «героя» Ивана Выжигина в казахские степи, который не выходя из петербургского кабинета, выращивал развесистую «чужеземную клюкву».

25 марта 1833 года, судя по отметкам в рукописях, он приступил к первой главе своего труда, а уже 22 мая черновая редакция «История Пугачева», доведена до конца. Летние месяцы поэт посвящает собиранию материалов частных архивов. Особенно ценной оказалась рукопись П.И.Рычкова «Осада Оренбурга», хроника очевидца. Он записывает рассказы И.А.Крылова об осаде Яицкого городка, знакомится с записками И.И.Дмитриева о казни Пугачева.

Теперь Пушкин решил проехать тысячи верст в тряских кибитках, чтобы осмотреть место, где прошел бунт пугачевцев. Поэт приехал в Оренбург 18 сентября 1833 года.

«Здравствуя, трижды зачатая, единожды рожденная твердыня... бедный Оренбург, перенесенный с места на место до трех раз, судьбы своей не миновал, а наконец-таки опять расположился в безлесье и голой пустыне» - восклицает Пушкин.

История такова. После добровольного присоединения к

России, хан младшего жуза Абылхаир обратился к императору с просьбой о строительстве своей ставки. Место было выбрано на берегу реки Ор. Городишко нарекли именем Оренбург (Город у Ора). Место оказалось очень неудобным. Казахи и до сих пор называют остаток города «жаман кала». После убийства Абылхаира ставку перенесли в другое место, и то было неудобным. Наконец в третий раз ставка была перенесена на 250 км дальше к реке Урал, где впадает в нее река Сакмара, берущая начало в лесистых горах Башкирии. А название города тем не менее осталось неизменным - Оренбург. (Словосочетание ор - казахский, бург - немецкий).

Оренбуржцы считают основателем своего города Абылхаир-хана.

Пушкин остановился у генерал-губернатора В.А.Перовского потому, что они были хорошо знакомы. О нем ходили легенды. Не только потому, что он «незаконно рожденный сын» графа Разумовского и императрицы Елизаветы Петровны, а настоящий герой войны 1812 года, записками его воспользовался Л.Н.Толстой для романа «Война и мир».

Будучи генерал-губернатором Оренбургского края дважды Перовский оставил яркий след в казахской истории. Ему пришлось общаться не только с верхушкой казахского народа, но и с такими личностями, как батыр Исатай Тайманов, поэт Махамбет Утемисов, композитор Курмангазы Сагирбаев. Противоречивость его натуры видна в том, что одновременно уважая их неординарность, тем не менее жестоко преследовал их.

Перовский вошел в историю, как завоеватель южных земель Казахстана. Его первый поход начался 14 ноября 1839 года. Шеститысячное войско двинулось в путь. Предстояло пройти 1500 верст. Весь отряд верхом на конях, выюки с провиантом и тяжелым оружием на верблюдах, а их 12 тысяч, погонщиков-казахов насчитывалось более 5 тысяч. Вследствие небывало суровой зимы, разбитая морозами и болезнями армия потеряла половину личного состава, лошади и верблюды почти все пали. Но через несколько лет Перовский опять предпринял поход.

который увенчался успехом. Овладев Ак-мечетью на Сыр-Дарье, он закончил свою деятельность. Эта крепость до 1924 года называлась Перовский (ныне Кызыл-Орда).

20 сентября Пушкин держал путь на Уральск (яныкий городок), где разгорелось пламя бунта.

В.И. Даль, сопровождавший поэта, был уникальной личностью (1801-1872 г.). Врач, окончивший старейший Тартуский университет, писатель, выдающийся ученый, академик, автор бесценного труда «Толковый словарь живого великорусского языка», полиглот, знавший в совершенстве английский, французский, немецкий, польский, украинский, казахский, башкирский, татарский языки, очень добрый и справедливый.

Документально известно, что Исатай Тайманов перед восстанием казахов младшего жуза обратился к генерал-губернатору Перовскому: «... Поставленный над нами хан Джангир судит нас несправедливо... всюду нас притесняют, безвинно мучают нас побоями, своевольно отнимают у нас собственность нашу... Особенно желаем, чтобы жалобы наши были исследованы господином подполковником Далем». Владимир Иванович скрупулезно изучил причины восстания: «доведены до крайности», «самоупраство», несоизмеримые поборы. Свое заключение Даль лично вручил Перовскому. А тот направил карательный отряд и разгромил восставших, убив и предводителя народного Батыра Исатая.

В.И. Даль как истинный демократ был на стороне обездоленных, нищающих казахов, с интересом и глубоким уважением он относился к казахскому языку, культуре, традициям и обычаям. Даля уважали, он был известен среди казахов своей правдивостью и объективностью. Его охотно принимали везде.

Пушкин и Даль никогда наверное так много не говорили, как в дороге до Уральска, длиною в 300 верст.

Коляска резво катилась, дорога неслась навстречу. Перед глазами вставали картины изумительной красоты. Казачьи станицы вытянулись лентой. Не оторвать глаз от веселого

лиственного леса поймы Урала, одетого в багрянец и золото осени. Вдыхая свежий степной воздух, Пушкин, которому осталось жить 3 года 4 месяца и 10 дней, тормошит Дая: - Я на Вашем месте сейчас бы написал роман: Вы не поверите, как мне хочется написать роман: у меня начато их три. Я еще не мог постичь и объять умом Петра Великого, но я сделаю из этого исполина что-нибудь! При этих словах у Пушкина в совсем темных глазах отражается бескрайняя, по осеннему серая степь, растилавшаяся вокруг.

- Хотите, я расскажу Вам сказку, - говорит Пушкин. - Владимир Иванович, большой любитель собирать сказки, были и небылицы, пословицы и поговорки, выпустивший уже два сборника, с величайшей охотой наострил уши.

Пушкин, весело щеголяя, пересыпая речь татарскими остротами рассказал сказку о Георгии Храбром и волке. Суть сказки такова: «Во времена первородные», когда животные, не ведали еще толку, ни ладу в быту своем, Георгий Храбрый «направил суд и ряд и чинил расправу на малого и на великого». Он определил каждому зверью и каждой птице, где жить и «чем питаться». Один только волк не получил указания, что, а вернее сказать кого ему есть. Георгию недосуг: он посылает волка к быку, коню, барану, свинье - все они бьют волка. Наконец, Георгий отправляет его к людям и на шквальне кривой портняжка зашивает волка в собачью шкуру.

Даль сообщает поэту о случае, о котором слышал недавно. «Тяжело раненного волка сочли мертвым и повесили на дерево вниз головой; когда охотники замешкались, празднуя победу над зверем, «волк ожил» и схватил зубами за воротник важного оренбургского начальника. Вот почему у охотников есть правило: вторачивать... волка не за ноги... а за шею, удавкой, не веря смерти их». Волки оживают время от времени и могут схватить за горло.

Тут М.А.Шолохов оживился и сказал: волк очень хитрый и сильный зверь. Может поэтому казахи боготворят волка, даже сделали символом народа. А казахская пословица «Волк и жигит находят себе пищи на пути».

Не раз слышав, куда жигита хотят трахать за дерзость и отвагу, казахи с великим удовольствием восклицают «айт ато касыр»!

Даль не хочет остаться в долгу и рассказывает свою сказку. Пушкин потом напишет по его сюжету «Сказка о рыбаке и рыбке» и пришлет рукописный экземпляр, надпись на котором гласила: «твоя от твоих! Сказочнику казаку Луганскому - сказочник Александр Пушкин».

«Перед глазами вставали картины, - писал Пушкин в письме к жене, - печальных пустынь, где кочуют орлы диких племен, известных у нас по имени «киргиз-кайсаков».

- Лето провел в степи, скакал верхом 1500 верст - говорил В.Даль. - На кочевье так хорошо, что не хотелось расставаться. Простор! Но степь не земля и небо, разделенные линией горизонта: на просторах кочуют аулы, кони скачут, несут на себе неустомимых наездников и смуглых женщин, которые в седле не отстают от мужчин; высоко над степью поет невидимая птица и девушка звонким и нежным голосом поет за войлочной стеною юрты. Здесь говорят: «Джигит - брат джигиту». Здесь товарищи подают друг другу сразу две руки. Здесь говорят: «Если нечем угощать гостя, угости его хорошей беседой». И еще «Гость сидит мало, да замечает много» Казахи ценят пословицу не меньше, чем Костромский и Рязанский мужик-балагур. «В пословице красота речи, в бороде - красота лица».

Степь называют сухим океаном. В степи, как в океане, нет дорог, но казах по приметам, ему одному известным гонит коня все прямо, день гонит, два, неделю, и как по струне, точно выезжает в нужное место. Просто плывет казах в степи, как птица перелетная в небе, как рыба в океане. «Лошадь - крылья человека, говорят здесь, малым ребенком приученный к верховой езде, казах слит с конем, в седле он куда уверенней, чем на своих двоих.

Степь приучает своих детей выносливости, их организм приспособлен к зимней стуже и летней жаре. Многих удивляет острое зрение казахов. он зорким взглядом схватывает беркута, неподвижно висящего в небе.

Он парит над бескрайней степью, где воздух, настоенный на диких травах, где ключевой водою ломит зубы, где вольные напевы сами начинают звучать в ушах, где ветер залетный манит дымом далеких костров и кочевий.

Даль рассказывает поэту о своих наблюдениях доселе неведомого быта, о поразительных нравах и обычаях казахов, о богатых и бедных. Даль знал Есенгельды Жанмурзина, у которого было 12 тысяч коней, тысячи верблюдов, бесчисленное количество овец. Он видел и семейства, которые владели одной козой - питались ее молоком. В голодные зимы, когда выпадал глубокий снег, или ледяной коркой затягивались пастбища, худые, оборванные казахи приходили «на линию» - продавали детей в работники. У байгушей, нищих не было ни козы, чтобы подоить, ни детей, чтобы продать. А здесь еще говорят: «заколовший верблюда просит мясо у заколовшего козу». Казахи народ добрый и щедрый. Это видно хотя бы из того, что один мой знакомый, - говорил далее Владимир Иванович, - решил подарить мне верблюда. Это животное у них очень ценится, его дарят самому почетному гостю, или султанам, выдающимся батырам, известным поэтам.

- На что он мне? - сказал я.

- Да ведь у тебя дом (кибитка, юрта) есть?

- Есть.

- Так он будет таскать его.

- Дом мой не складной, а стоит вкопанный на одном месте.

- И век так будет стоять?

- Покуда не развалится, будет стоять.

- О, скучно же в твоём доме, - сказал казах, покачав сострадательно головой.

- Послушай, возьми верблюда да попробуй перенести дом свой на новое место - будет веселей.

Коляска катится раздольно, путники оглядываются на частые дубравы, на пологие, желтые скаты, на крутые берега, на седой, придорожный ковыль.

Пушкин внимательно прислушивается к рассказам Даля: В одной из уральских станиц жил Архип Дмитриевич Лябзин,

проживший сто десять лет, настоящий богатырь великой силы, чистой души и ума недюжинного. Никто не сумел побороть его, шапкой он разрубал на плаву сложенный вдвое и брошенный в реку потник. Высоко в горах петляет, стремительно рвется вверх, круто падает вниз опасная дорога - «Архипжол» - мало кто решался проехать по ней. Этой дорогой Архип ездил рыбачить (речку звали «Архиповая»). Однажды он наловил воз рыбы, подошел силач башкир Котыр и, шутки ради, стал складывать рыбу в свой мешок. Архип взял Котыра за пояс, бросил в телегу, а сам сел сверху. Котыр говорит: «Пусти меня, я - Котыр-батыр». «А я Архип». Котыр сказал: «Давай дружить!» «Если хочешь, давай побратаемся», - сказал Архип, и они распахнули на груди рубахи и прижались друг к другу. Знаменитый казахский батыр Кудабай в знак чистейшей дружбы подарил Архипу тройку и лисий шапан. Вот три богатыря - трех народов-соседей. Дом Архипа был открытый, хлебосольный, заезжали к нему и свои русские, и казахи, и башкиры, и татары («принес Бог гостя, дал хозяину пир»), он всех кормил, поил, никому не отказывал в совете. Вот какие люди живут в этом обширном краю бок о бок, дружа столетиями.

Наступила ночь. Путешественники немного подустали. Даль продолжает свой рассказ.

- ... Ночь в степи. Раскаленными золотыми слитками тлеют в костре кизяки. В котле, черном от копоти, дымится мясо, пузырятся турсуки, полные кумыса. А кумыс хорошо пьется, помногу, вселяет в тело легкость, приносит веселье, потом крепкий сон.

Ночью в степи огоньки костров видны очень далеко, нетрудно обмануться - можно долго-долго ехать на огонек. Казахи советуют: «Не ходи на огонь, иди на лай собак». Лай собак, признак близкого кочевья. Если вечером выехать из аула - все наоборот: лай собак скоро стихает в ушах, а звезды костров еще долго смотрят вслед всаднику, потом и они тают в черной ночи...

Кони идут небыстрой рысью, расталкивая темноту. Как ни странно, в степном океане, - говорит Даль, - где у каждого

своя дорога, перекрещиваются пути, проходит мимо караван, - плавно покачиваясь, вынагивают верблюды. Они связаны одной цепью, продетый в нос аркан привязывается к хвосту другого верблюда, идущего впереди. Зрелище захватывающее. Хозяева каравана мечутся вперед и назад на горячих конях вдоль растянувшегося на несколько верст каравана. Владельцы товаров, в больших чалмах и добротных шапанах, раскачиваются в люльках на горбу верблюда. На переднем восседает караван-баши.

Иногда, особенно летом в степи можно наблюдать такую картину. Будто к магниту стягиваются со всех сторон в одну точку всадники - это признак того, что готовится большой той, чаще всего - свадьба. По неписанному закону на той может прийти каждый, кто пожелает, стар и млад, знакомый и посторонний, все считаются конаком, т.е. гостем.

Каждый почетный гость, прибывающий на той помещается в особой юрте или в ташкентской палатке, которые располагаются то рядами, то дугами в более или менее красивых местах. Сзади юрт кругом толпятся сотни конных и пеших казахов, прибывших посмотреть на торжества.

Той - народный праздник казахов, относится к глубокой древности. Необходимость постоянной поддержки, дружественных отношений с соседями, жажда славы, идущей на далекие пространства и тщеславие при избытке богатства, способствовали сохранению этого обычая. Байга - главный стержень тоя. Молва о хорошей лошади идет по степи далеко: хороших скакунов казахи знают не только в Туркестане, но даже и в Бухаре. Накануне байги вечером, а иногда в тот же день ранним утром отправляют верст за пятнадцать и более призовых, беговых лошадей туда, откуда предназначаются скачки.

Пока лошади идут к финишу, народ любовался борьбой силачей (батыров), бегом в запуске казахских мальчиков, лазаньем на вымазанный салом столб, чтобы снять с его верхушки назначенный приз, джигитовкой на лошадях: соколиная охота и пение под аккомпанемент кобыза и домбры,

неизменные атрибуты праздника.

Зрители горячи, нетерпеливы и голосисты, иногда голоса сливаются в общий гул - он то нарастает, то гложет подобно шуму волн.

Достаточно, чтобы на горизонте показалось едва заметное облачко пыли, как вся толпа приходит в движение, кидаясь навстречу всадникам. Все приходит в смятение: крик, свист, споры заглушают все. Здесь казаха можно увидеть во весь рост.

Венец праздника - песня. Акыны славят лихих наездников, непобедимых силачей, слагают хвалу богатому пиру, состязаются в острых поэтических словах на первенство. Победитель-акын становится всеобщим любимцем, слава о нем молниеносно проходит по всей степи. Куйши берет в руки домбру. Две натянутые жилки-струны оживают под пальцами музыканта, то стонут тихо и грустно, то лукаво посмеиваются, то заливаются быстрым и чистым птичьим голосом, то жарко и прерывисто дышат. Теперь черед певцам, высокие их голоса плывут по ветру над степью и растворяются в небе, как дым костров.

Той - свадьба продолжается. Девушки и парни садятся друг против друга, сочиняют забавные куплеты - кто кого перепоеет, эта игра-песня «кызойнак (девичье веселье)». У девушек голоса звонкие, слова острые. Не находя надлежащего ответа, парни потеют, потирают свой затылок, а задорный девичий смех витает в воздухе. В наступивших сумерках «кыз-ойнак» продолжается еще веселее. Зачарованно смотрящий за этим действием В. Даль заметил, как самая бойкая из певиц быстро передала незадачливому молодцу, которого только что отделала всем на потеху, совиное перышко - знак сердечной привязанности. (Совинными перышками украшаются бархатные девичьи шапки). Даль не в силах отвести взор - девушка очень красива, в черных, слегка раскосых глазах - глубина и загадочность, черные брови - птица, распахнувшая узкие, острые крылья.

Даль подходит и спрашивает по-казахски:

- Как тебя зовут?

- Маулен.

Даль очарован, откуда в этой дикой красавице, в этой степной певичке сверкающий острый ум, тонкая музыкальность, высокий поэтический дар? Ей не нанимали гувернанток, ее не держали в модном пансионе, да знает ли она, что такое книга?! Только безбрежная степь, далекие мерцающие огоньки кочевий рождали в ее душе слова и музыку - она пела песни не ведая, что они прекрасны, просто так пела, легко и свободно.

В.И. Даль рассказывает обо всем этом Пушкину и в раздумье восклицает: «Может быть, другой Суворов, Кир, Кант, Гумбольдт и пропали здесь, сколько скованный дух ни прорвался на простор: «Сколько великих ученых, полководцев и поэтов скрыто до поры в этих людях, то отчаянно-стремительно, то задумчиво-неподвижных. Казахи говорят: «Дурной скажет, что ел и пил, а хороший скажет, что увидел». Кто расскажет о них, о степных дорогах, о дымных аулах, о девушке Маулен?

Первым о них рассказал сам Владимир Иванович Даль. Через несколько лет узнав, что степная красавица и ее возлюбленный трагически погибли, по существу их убили завистники, глашатаи родовых распрей. Молодых степных Ромео и Джульетту похоронили вместе, в мир иной они отошли в горячих объятиях. Даль написал повесть о них «Бикей и Мауляна», посетил их могилу в 30 верстах от Уральска.

- В безграничной степи, - продолжал Даль, - если внимательно прислушаться, можно услышать много интересного. Я поставил себе цель переписать от слова до слова и перевести на русский язык спетую денщиком-казахом героическую поэму. «В презамысловатых стихах, с бесконечным ожерельем прибауток, с рифмами, с песнями, с припевами». Я ... удивился необыкновенному сходству духа этой сказки и самого рассказа с русскими богатырскими сказками (Позже в его тетрадах нашли поэму «Шора батыр», видимо об этом идет речь).

Поэт оживился и стал говорить, что прежде, чем начинать работу над романом о пугачевском бунте, прочитал все известные труды о возникновении яицких казаков, в частности Рычкова, Левшина, Карамзина, другие материалы

в периодической печати, таких, как «Сын Отечества». Из них узнал, что очень много легенд и сказаний о яицких казаках. Например: знаменитые западные исследователи Пуффендорф и Дегинь обращали внимание на свидетельство хивинского хана Абулгази: «Казаки уральские произошли от древних кипчаков: что они пришли в подданство России вслед за покорением Астрахани, что они имеют особый смешанный язык, которым говорят со всеми соседними татарами, что они могут выставить 30000 вооруженных воинов, что город Уральск стоит в 40 верстах от устья Урала, текущего в Каспийское море».

В XIV-XV столетиях обширная степь от Дона через Волгу до Яика простирающаяся, принадлежала Большой Ногайской орде, иногда называемая кипчаками. Многие историки утверждают, что яицкие казаки происходят от донских. Некоторые западные источники выдвигают другую версию, что яицкие казаки переместились из Туранской низменности. Как бы то ни было, яицкие казаки появились здесь в 1584 году. В 1603 году заложили крепость в районе теперешней станицы Кирсановской, а спустя 10 лет перешли к месту, где река Чаган впадает в реку Урал.

Легенда гласит, что еще раньше на сей реке появились донские казаки, плававшие по Каспийскому морю. Они зимовали на ее берегах, в то время еще покрытых лесом, богатые рыбой и дичью. Весною снова пускались в море, разбойничали до глубокой осени и снова возвращались на Яик. Продвигаясь все вверх, наконец они избрали своим местом пребывания урочище Коловратное (кстати сохранившееся до сих пор), что в 400 верстах от моря.

Вокруг в степи кочевали ногайские роды (теперь они считают себя казаками) и казаки стали получать жен из ногайских улусов. Разбойники-казаки любили свободу (не зря говорят «как вольный казак») и не хотели обременять себя семейной жизнью. После набега, наряду с добром, прихватывали заложниц. Между собой договаривались, чтобы весной, перед походом убивать прижитых детей и жен. Атаман Гугня первый переступил этот жестокий закон, пощадив жену, очень красивую

и молодую. Когда вернулись с набегу, Гугениха встретила их с сыном. Оказалось, что еще несколько казаков поступили также, спрятав перед походом своих сбереженных наложниц. Так казаки по примеру атамана, покорились игу семейной жизни. Постепенно у казаков охота к дальним походам отпала. Они мало-помалу привыкали к жизни семейной. Уральские казаки до сих пор пьют на своих пирах за здоровье ногай бабушки Гугенихи, родоначальницы казачьего рода.

К беседе присоединился Шолохов и говорит: «у нас многие казаки имели жен иноплеменных. И хорошо жили. У Ермакова Харлампия (прообраз Гриши Мелехова) бабка была турчанка. А мою родню по материнской линии в хуторе называли «татарчуки». Знать было в роду что-то и от татар».

Кто же была Анастасия Даниловна - мать Шолохова? Знающие люди, в частности соседка, подруга ее из станицы Ясеновки Прасковья Ивановна Соколова говорила: по отцу Черниковы происходили из русских, по матери - из татар. Между собой Черниковых Ясеновцы называли по-улучному - татары.

Иван Матвеевич Чукарин: В Ясневке жили - русские, украинцы, болгары, был один калмык. Черниковы же происходили из татар, такие черные.

Настя своим выговором слов лишний раз подтверждала, что она многое и навсегда унаследовала от своей матери-татарки.

Таким образом, бабушкой Михаила Шолохова является татарка, вернее всего кипчашка. На Дону нет татар, а есть ногаи, кумыки, крымские - все они тюркские племена, как мы казахи.

- Михаил Александрович, таким образом Вы приходитесь к нам, «жиеном». Казахи так называют детей рожденных от сестер. Их очень любят, балует всем аулом. Им дарят большие подарки.

Ваш младший сын женат на кумычке. По этому случаю Вы являетесь «кұда». Сват значит. А сватов у нас боготворили, возносили высоко. Пословица есть «Сват на тысячелетие, а зять на столетие», видимо нить родства должны тянуться во

столько!

Вернемся к нашему разговору. Двое суток позади Пугники досхали до яицкого городка - центра пугачевского бунта. Пота приняли славно, разместили в атаманском доме (комната, где три дня жил Пушкин до сих пор сохранена). Несмотря на усталость поэт с интересом рассматривал исторические места, связанные с Пугачевым. Побывал в соборе, где Пугачев венчался с молоденькой красавицей Устиньей, в доме ее отца Кузнецова, в соседних куренях. В великолепной ханской роще рыболовы-казаки угощали почетного гостя еще горячей икрой, вынутой тут же у выловленной севрюги. «Не оторвать глаз от веселого лиственного леса поймы Урала, - писал Пушкин в письме к жене, - одетого в багрянец и золото - очей-очарованье, то тихой заповедной дубовой роще.

Встречался он со многими казаками и казачками, и они «наперерыв давали мне все известия, в которых имел нужду». Люди говорили то, что знали, что думали. Что будь ты офицер, или знатный господин для казаков все едино, если с чем-то не согласны, дадут строптивую отповедь. Я попросил рассказать старого казака Пьянова, как Пугачев был у него посаженным отцом на свадьбе, тот не стесняясь выпалил: «Он для тебя Пугачев, а для меня он был великий государь Петр Федорович...».

Так и записал Пушкин в «замечаниях о бунте». Одна старая казачка сказала ему: «... грех сказать... на него (Пугачева), мы не жалуемся: он нам зла не сделал». Так смело, безбоязненно могли говорить с незнакомым важным господином люди свободные, независимые в своих суждениях».

Заканчивалось пребывание Пушкина в Уральске. Собирали песенников, помнивших старинные напевы, в первую очередь песни о восстании. Тихие, приглушенные старостью голоса, донесли ритмы былых, горячих дней пугачевского бунта.

Екатерина II назвала пугачевское восстание «несчастливым происшествием» и указала на его «совершенное забвение», для чего своим указом в 1775 году переименовала реку Яик в Урал, яицких казаков в уральских, а яицкий городок в Уральск. Ан не

вышло: Пушкин убедился, даже после 60 лет народ не забыл Пугачева.

Пушкин всегда живо интересовался устным народным поэтическим творчеством. Во время пребывания в Уральске он записал несколько поэтических легенд, сказок и песен о восстании яицких казаков 1772-1775 года, а также не относящихся к нему. Некоторые из них были использованы поэтом в «Истории Пугачевского бунта» и в «Капитанской дочке», они помогли ему еще глубже понять дух народа и времени, создать необходимый поэтический колорит в произведениях.

В архиве А.С.Пушкина сохранилось несколько записей песен, сделанных в Уральске. Очень интересным фактом является то, что Пушкин из путешествия привез запись казахской народной поэмы «Козыкорпеш и Баянсулу». Шекспировской силы предание - степные Ромео и Джульетта оживали в напеве неведомого жирши.

Переведенной в черне поэму нашли после смерти поэта в его архиве. Когда, от кого он получил ее неизвестно. Вероятнее всего эту поэму подарил В.И.Даль, рассказавший Пушкину столько много о казаках, об их истории, быте, обычаях, о любви молодых Бикея и Мауляны.

Интересен и такой факт.

В.А.Жуковский просил Даля подобрать ему сюжет для «восточной» поэмы и баллады.

Ответ Даля замечателен тем, что пишет он тому, кого считал наставником. Он отказал Жуковскому, мотивируя, что надобно дать рассказу цвет местности, надобно знать быт и жизнь народа, мелочные его отношения и обстоятельства, чтобы положить резкие тени и блески света: иначе труды Ваши наполовину пропадут, поэму можно назвать башкирскую, кайсакскую, но она, конечно, не будет ни то, ни другое, ни третье. Каким образом я могу передать все это на письме.

«Я посетил места, - писал А.С.Пушкин, - где произошли главные события эпохи, мною описанной, поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев,

и вновь поверяя их дряхлеющую память исторической критикой».

Пушкин, прощаясь с гостеприимными уральцами, уезжал в свое имение Болдино, через Сызрань. Жене Н.Гончаровой писал ... «меня приняли славно, еду в Болдино, тебя поменял на Пугачева...».

Тысячу раз был прав А.С.Пушкин восклицая, что «слух обо мне пройдет по всей земле великой, и назовет меня всяк сущий в ней язык, и гордый внук славян, и финн, и ныне дикий «тунгус» и друг степей калмык.

В первых набросках этого стихотворения Пушкин, после финн, сначала написал «киргизец». Казахи не в обиду великого поэта, что заменил это слово на «тунгус». Но это случилось после поездки в Оренбург и Уральск. Все, что ему рассказал о казахах В.И.Даль, видимо, изменило первоначальное мнение поэта.

Пушкин начал говорить по-казахски устами великого Абая: «Дубровского» перевел Шакарим, притом уникально, стихотворно, превратив его в настоящую поэму. Все произведения А.С.Пушкина были переведены на казахский язык. В переводах участвовали известные поэты и писатели - Ильяс Джансугуров, Тайыр Жароков, Касым Аманжолов, Гали Орманов, Куандык Шангитбаев, Гафу Каирбеков и многие другие.

Пушкин в сердцах казахов занял очень достойное место.

- Разговор состоялся хороший и обстоятельный. Очень много интересных фактов услышали. Рахмет, идеологу, - сказал Михаил Александрович.

- Уже пора и обедать. Милости просим ко мне, Михаил Александрович. Галина Ивановна наверное заждалась, - такими словами с мест поднялся Григорий Максимович.

В 1968 году уродился богатый урожай в Приуралье. И погода на время жатвы выдалась отличная. Труженики области сдали зерна в закрома Родины в небывалых размерах - 128 миллионов пудов!

Радостная это была осень для уральцев.

Михаила Александровича Шолохова, прибывшего, как всегда, на отдых на дачу «Братановский яр», мы пригласили в совхоз «Правда», которым руководил его старый друг Виктор Игнатьевич Шубин, чтобы он полюбовался на последнюю колонну машин с зерном, отправляемое государству в счет вышеназванных 128 миллионов пудов. Писателя мы встретили на совхозном хирмане. Совхоз уже сдал два миллиона пудов, а тем не менее на току зерно высылось горами. Главный агроном Иван Михайлович Третьяк, давний знакомый писателя, затерялся среди этих гор.

Михаил Александрович, здороваясь с женщинами, провеивающими зерно, пошутил даже по этому поводу:

- Понятно - Иван Михайлович, как всегда, с женщинами...

Он прошел к машинам, побеседовал с водителями.

Долго в этот день писатель пробыл на току. Взмолнованный, сказал потом:

- В 1958 году ваша область, сдав государству 50 миллионов пудов зерна, первой в Казахстане получила орден Ленина. Тогда эта межа показалась нам очень высокой. Теперь - 128 миллионов. Большой шаг вперед. Ваши нынешние показатели по жатве - на уровне Ростовской области. Я рад. От чистого сердца поздравляю вас с достигнутым!

Виктор Игнатьевич Шубин пригласил нас на чай. Мы - это руководители области и Третьяк. Разговор за щедрым дастарханом шел вокруг проблем сельского хозяйства. Михаил Александрович хорошо знал и земледелие, и животноводство и охотно поддерживал любой разговор, касающийся этих

отраслей хозяйства.

- Виктор Игнатьевич, - сказал он в какой-то момент, - у вас с каждым годом растут показатели по производству зерна, мы этому очень рады. Но по-дружески я хочу и попытать тебя немного. Вот ты сам - специалист по животноводству, а совхоз по выращиванию скота ничего значительного, скажем прямо, не сделал. Советовать, конечно, легко, но ты все-таки прислушайся. Совхоз «Анкаты» по животноводству гремит не только по области, но и по Союзу. Он, кстати, твой сосед. А с Алексеем Черекоевым, я слышал, вы друзья не разлей вода. Тогда как же получается, он утаивает от тебя секрет выращивания белоголовых коров или ты сам на это дело смотришь снисходительно, дескать, с меня и зерна хватит?

Виктор Игнатьевич промолчал, а писатель продолжил:

- В войну, когда моя семья проживала здесь на уральской земле, заглянул я как-то сюда, и меня знакомые казахи на озеро Шалкар пригласили взбодриться, дичь пострелять. Уже тогда я обратил внимание на пасущихся на берегу озера тучных коров. Сплошь белоголовые, едва-едва перемещаются, до того крупные... В начале пятидесятых годов где-то в середине сентября опять на Шалкаре гусей стрелял. Палатка у нас была, в ней ночевали. Однажды вечером начался дождь, всю ночь шел и утром не перестал. Одежда наша насквозь промокла, сухих дров нет. А дождь все льет, настроение неважное. К полудню, слава богу, верховой казах к палатке подскакал. Слез с лошади, поздоровался, предложил:

- Со вчерашнего вечера ливень. Продрогли, гляжу. Идемте ко мне, обсушитесь. Я тут недалеко живу, вот за этой сопкой, коров пасу.

- Увидев, что мы не решаемся идти, сказал:

- Не стесняйтесь, от чистого сердца приглашаю.

Домик у пастуха опрятный был. Мебели нет, зато чисто, уютно. И хозяйка сноровистая. Очень скоро баурсаков нажарила, масла принесла, чаем горячим отпоила. Вот когда мы поняли, что такое чай...

За дастарханом, как водится, познакомились поближе с

хозяином. Оте Мусин его звали, пастух Анкатиного завода по выращиванию казахского белоголового крупнорогатого скота. Где-то моих лет оказался. Сказал я ему, что люблю смотреть на табун, который он пасет. Он будто этого ждал, в захлеб о них заговорил:

- Отличная эта скотина, высокопородная. Еще в начале тридцатых годов организовались совхозы «Шалабай» в Семипалатинской области, Балкашинский - в Акмолинской, «Анкаты» - в Западно-Казахстанской, Дмитровский - в Оренбургской. Эти хозяйства как раз на выведение новых пород крупного рогатого скота были нацелены. Местная порода коров неприхотлива, и лютой мороз зимой, и невыносимую жару летом выносит, довольствуется скудными, быстро сгорающими на солнце травами. Так вот эту местную породу скрестили с герефордскими быками, и в названных совхозах еще до войны был накоплен необходимый опыт в новом деле. Сам я белоголовых пасу с тех пор, как «Анкаты» организовался. Преимущество белоголовых - в их быстром росте. Наследуют лучшие материнские и отцовские качества. Молока не так много, но зато оно жирное, хорошо усваивается телятами. После восьми месяцев, когда телят отлучают от маток, некоторые из них в весе бывают больше двух центнеров, а средний вес всегда не меньше 170-190 килограммов. Это только после молока матери и летней пастбы. А попробуй еще на дополнительный корм их посади - так веса еще больше будет. Ежегодно тяжеловесные коровы случаются с герефордскими быками, затем среди полученного молодняка производят отбор, так совершенствуется новая порода. Я сам читал высказывания ученых Акопяна и Дудина о том, что казахская порода белоголовых коров имеет большие перспективы.

- «И у девяноста слов есть одно - завершающее», так гласит казахская пословица, - сказал тут Мусин. - Предлагаю я разговор о белоголовых обедом из их мяса завершить. Испробуйте, пожалуйста.

Следом появилось дымящееся паром блюдо с мясом.

- Язык проглотить можно, такое это мясо вкусное, - заметил

Михаил Александрович. До сих пор вкуса забыть не могу, если хотите. Когда в газете увидел список ученых, которым Государственную премию СССР присудили за выведение и внедрение в хозяйство новой породы казахской белоголовой коровы, я обрадовался, но еще больше обрадовался, когда в этом списке вычитал фамилию того казаха, который пригласил нас в дождь и согрел великолепным чаем. Ну, вы знаете, конечно, о ком я говорю. Это - Оте Мусин.

И тут же Шолохов рассказал, как он познакомился с двумя фермерами в Швеции, когда он ездил туда за Нобелевской премией.

- Со многим удивительным пришлось мне там столкнуться, - начал он. - Представляете, у них случаются годы, когда правительство просит фермеров сократить производство молока, мяса, зерна. За это оно даже деньги им выплачивает.

За столом воцарилось молчание.

- Основные поставщики сельскохозяйственной продукции у них - фермеры. Каждое хозяйство, в среднем, располагает 80 гектарами земли, 30 из них - посевами. Полные хозяева земли - сами же фермеры. Они объединены в кооперации. Что я тут хочу сказать? Кооперативное движение, в общем-то, издавна существует. Испокон веку в любом народе люди сообща возводили мосты, дома. Казахская пословица есть: «Груз, поднимаемый общими усилиями, - легок». Первый кооператив зародился в 1844 году в местечке Родчейл в Англии. Потом кооперативы распространились повсюду. Тот, что мы увидели в Швеции, создан в 1899 году. Сначала союз ограничивался лишь помощью слабым хозяйствам. Соединение многих усилий в одно дало возможность расширить производство продукции, облегчило покупку машин и сельскохозяйственного инвентаря. Мало-помалу кооператив дорос до того, что взял в свои руки защиту прав своих членов. В настоящее время шведские кооперативы самостоятельно разрешают все свои проблемы.

- Так у какого фермера были вы?

- Да, фермер, к которому нас повели, дойных коров содержал 50 коров и 25 телок. Вдвоем с женой они на

ферме. Сами готовят силос, всевозможные корма, 3 трактора и 1 комбайн у них, но куплены они вскладчину с соседями, попеременно ими пользуются. Одна грузовая машина еще есть, одна легковая. Ферма полностью механизирована, коров доят с помощью электричества. Молоко через трубы уходит в большую цистерну, быстро охлаждается. Представитель кооператива, покупающего молоко, приезжает через день и забирает цистерну. Мясо приобретает другой кооператив. Есть кооперативы, которые помогают фермеру вести бухгалтерский учет, а другие снабжают его машинами, запчастями, нужным инвентарем, третьи доставляют горючее, удобрение. Если хотите, есть кооперативы, которые бдительно следят и за здоровьем фермеров... От каждой коровы фермер получает до 8 тысяч килограммов молока. Можно бы и до 10 тысяч довести, говорит он, но сбыть трудно, никто не берет, поэтому, говорит, при заключении контракта остановился на цифре 8. А за молоко, которое остается, правительство платит. И за пары, если, скажем, поле осталось не засеянным, и за сокращение поголовья скота также правительство платит. Потому что, если умножится продукция, ее трудно сбыть. Не допускается, чтобы фермер имел убыток. Вот в чем вся изюминка, нам это трудно понять. Но это - так.

Писатель покачал головой.

- Ну а то, что фермер честно зарабатывает свой хлеб, тут спору нет. Встает он в четыре утра. Скотину покормить надо, почистить, подоить. Что поразительно - дворы безукоризненно чисты, нигде никакого хлама. Тракторы и другие машины и инвентарь - все у них в порядке. Ну, разумеется, и заработки хорошие. И живут в хороших домах, зачастую - двухэтажных. Прекрасные столовые, гостиные. У некоторых дома из 8-10 комнат. И атрибутов современной цивилизации - предостаточно... Работа день-деньской на внешнем виде и внутреннем состоянии людей, как мне показалось, не отражается. У них всегда хорошее настроение, они никогда не выглядят усталыми. Летом уезжают в отпуск - преимущественно тогда, когда возвращаются на каникулы находящиеся на учебе в городе дети, или когда

соответствующий кооператив направляет к ним студентов...

- Еще мы на одной ферме были, - продолжил рассказ Михаил Александрович. - Тоже супруги хозяева, лет под пятьдесят им. Сдержанны и выглядят молодо. Я даже сделал для себя вывод, что занятые в сельском хозяйстве люди не старятся. Труд на свежем воздухе закаляет, очевидно... 30 коров и 40 телок содержали эти хозяева.

- Детей не видно, - сказали мы.

А они:

- В городе дети. Подросли и упорхнули.

Пригласили пройти в дом. Двор, как у всех фермеров, идеально чист. В нем - мясной холодильник, прачечная, сауна, многочисленные складские помещения. На первом этаже большого кирпичного особняка - 7 комнат хозяйственного назначения, на втором этаже - 9 комнат, они - в распоряжении хозяев и их детей. Вот где, я скажу, изобилие, вот где сытая жизнь!.. Разумеется, и шведские фермеры не без проблем. Главная забота - о сбыте продукции. Но кооперация прилагает все силы, чтобы избавить их от этих забот. В Швеции в сельском хозяйстве всего 4 процента населения занято. Вот как мало фермеров, и, несмотря на это, они не только всю страну кормят, но еще и беспокоят правительство избытком своей продукции. Есть чему удивляться, разве не так?

Михаил Александрович обвел нас глазами.

Мы молчали.

Услышанное нами и впрямь было как чудо.

Писатель еще сказал, что в Швеции чуть пораньше других стран, в том числе и Советского Союза, задумались над вопросом защиты природы. Шведы первыми сократили использование в хозяйстве химикатов. И правительство пошло навстречу хозяйственникам - повысило цены на химические удобрения.

Достижения шведских фермеров, сказал писатель в заключение, - это яркий показатель силы и жизнестойкости кооперативных объединений.

- Услышал я и интересные рассказы в Швеции...

Михаил Александрович заулыбался, расправил усы.

- Спросили, говорят, как-то у короля, что вы будете делать, если к власти в стране придут коммунисты? «Что буду делать? А ничего, - ответил король. - Они же тоже мои братья...» Шведский король далеко не бедный король. У него предостаточно быстроходных машин и лодок, но на работу, говорят, отправляется на велосипеде... Водной из скандинавских стран я слышал и такое. Правителю одной страны, когда он поехал в соседнюю страну, подарили легковой автомобиль. Взять-то подарок он взял, а вот куда его поставить - места не нашел, потому что жил в многоэтажном доме. В конце концов отдал, говорят, машину городской команде пожарников...

Застолье у Виктора Игнатьевича продолжалось. Разговор мало-помалу переключился на свои заботы, которых было намного больше, чем у шведских фермеров, да и посложнее они были. С болью говорили люди о бесхозяйственности на местах, о том, что нельзя далее мириться с нею, что надо бы беречь народный опыт хозяйствования, как-никак он складывался веками...

- Вот-вот, - подхватил тут и Шолохов. - У нас если есть чему удивляться, так это нашей вопиющей беспечности. Ну как понять, например, что резко сократилось в последние годы число едильбаевских овец, а кричим при этом, что производство мяса наладить надо? Ведь это прекрасные животные, любо-дорого на них поглядеть! Видел я в совхозе «Бирлик» отары, до того мне барашки понравились, что подумал, почему бы не попробовать их и на Дону развести? А тут, оказывается, на месте, где эта порода - своя, кровная, мы ее теряем, вот и распространяем, называется, опыт. Шерсть, разумеется, нужна, и все же не мясо ли в первую очередь потребно человеку? Я заметил, казахи почетным гостям режут зимой лишь едильбаевских двухгодовалых баранов, а летом - ягнят. И то и другое мясо очень вкусное. А какие шашлыки из ягнятины! Я их немало на Кавказе ел, но шашлык из едильбаевского ягненочка - пальчики оближешь!...

Все невольно рассмеялись

- Два года назад, - продолжил в запале писатель, - я купил 9

годовалых овец и одного кошकारа-барана и свез их в Вешки. Дал пасти одному надежному чабану, проверить хотел, приживутся ли они на Дону. И что - вы думаете? Этот мой землячок однажды приходит ко мне и говорит, не могу больше, не обижайся, пусть кто-нибудь другой их пасет, потому что я устал бегать за ними, все норовят по ветру уйти куда-нибудь подальше, не зря длинноногие такие, по степи, видать, своей тоскуют, у нас-то шибко не разгуляешься. Ну, думаю, грех взял на душу, пропадут ни за что животные, зачем, думаю, с привычной земли их сорвал, а тут, слышу, чабан-казах в соседнем колхозе объявился, пошел к нему, просьбу свою выложил - понял он меня, согласился взять. Султангалиев - фамилия моего земляка. Пасет с тех пор. И ягнят уже от них имеем. Кто знает, мастерство мастерством, - заулыбался Михаил Александрович, - но тут, наверное, и психологический фактор сработал - все-таки пастух с их родины... Может быть, в недалеком будущем едильбаевские овцы отарами будут и на тихом Дону гулять?..

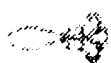
- Приятно посидели, было что послушать, - заключил нашу застольную беседу хозяин.

Не зря он так сказал. Руководители совхоза «Правда» восприняли беззлобный упрек писателя в их адрес как призыв к действию. Наряду с зерновой отраслью стала развиваться в совхозе и другая отрасль, некогда им позабытая, - животноводческая. За какие-то два года труженики хозяйства добились значительных успехов в разведении белоголовых коров... В течение последних двадцати лет совхоз по сдаче этих животных на мясо идет первым в области...

Некоторое время спустя я оказался в Чапаевском районе. Зашел к Михаилу Александровичу, осведомился о здоровье. За разговором писатель опять к казахским белоголовым коровам вернулся.

- Нравятся мне они, - говорит. - Наглядеться не могу. И в Ростове многим уважаемым людям уши об этом прожужжал. задумка есть: растить их и под Ростовом. Только как эту мою задумку в дело обратить? Вот над чем голову ломаю.

- А что ломать? В Чапаевском совхозе, он вот - рядом,

отборные экземпляры белоголовой. Пожалуйста, забирайте приглянувшихся...

Вдвоем мы отправились тотчас в совхоз имени Чапаева. Он - в 19 километрах.

Директор совхоза Талгат Ишмаков - деловой, энергичный, много лет был на хозяйственной и партийной работе, опытный специалист и руководитель. Будучи вторым секретарем Гурьевского обкома партии, попросил вновь отправить его в родную Уральскую область, причем в одно из самых отсталых хозяйств. Так он стал директором совхоза имени Чапаева, одного из самых захудалых тогда в области. За три года вывел Талгат Ишмаков совхоз в число передовых...

После обмена приветствиями и знакомства писатель, как это он всегда делал, расспросил директора о делах в хозяйстве. Постепенно разговор на технологию выращивания казахской белоголовой породы коров перешел.

- В настоящее время эта порода разводится в чистом виде, - сказал Ишмаков. - Телята находятся с матерью около восьми месяцев. При отлучении от маток вес самцов доходит до 200-210 килограммов, вес самок - до 180-200 килограммов. К примеру, Есен Аймагамбетов нынче от 101 коровы получил 92 теленка, вырастил их, обеспечил ежесуточную прибавку в весе на 901 грамм. Через 10 месяцев годовалые животные наберут в весе 480-500 килограммов, некоторые из них будут сданы на мясо, а лучшие экземпляры в качестве ценной породы будут проданы в другие хозяйства. В прошлом году рентабельность составила 80 процентов, небывалая прибыль была. Себестоимость центнера говядины - 93 рубля 73 копейки! Это куда ниже цены, по которой мы ее продаем. Только по одной говядине в восьмой пятилетке мы имели 2,2 миллиона рублей чистой прибыли. Понятно, что без достаточных запасов кормов высоких показателей достичь невозможно. особенно трудно продвинуться вперед без сена. Мы поэтому особое внимание уделяем посевным травам. О летних пастбищах-джайляу не забываем, вовремя приводим их в порядок.

Михаил Александрович горячо поздравил директора с

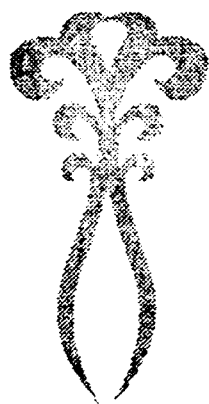
успехами, поблагодарил за рассказ. Не утаил и причины, по которой приехал. И Ишмаков и другие совхозные руководители не заставили писателя повторяться, заверили, что в любой момент готовы исполнить его просьбу. Михаил Александрович прямо из совхоза отбил телеграмму такого содержания:

«Вешенская Ростовской области
райком КПСС Маяцкому. Ускорь закупку зпт вывоз
пятидесяти телок Чапаевском совхозе тчк. Плохо нерешительно
действуют посланные тобою представители
Шолохов».

- Сразу же отправишь, как приедешь в Уральск - наказал писатель мне.

На обратном пути на дачу Шолохов, глядя на белоголовых коров пасшихся вдоль дороги, сказал:

- Теперь они и наш Дон украсят...

VIII

Каждое произведение Михаила Шолохова открывало новую страницу, намечало качественно новый рубеж в развитии литературы. В одном из лучших произведений XX столетия романе-эпопее «Тихий Дон», ни на йоту не погрешив против правды ни в большом, ни в малом, Михаил Шолохов изобразил социальную революцию в действии, втягивающую, всех, до последнего человека в круговорот действительности, с неотразимой художественной силой нарисовал картину расставания человека и человечества со своим прошлым; показал главные фигуры эпохи, практически совершающие трудный, но неизбежный, решающий исторический выбор, утверждаемый конечным вершителем всех судеб - народом. Он создал потрясающие своей психологической тонкостью и глубинной обнаженностью картины подкупающей женской любви, материнской заботы, отцовской гордости, не исчезающих и тогда, когда мир разламывают социальные ураганы. «На фоне великой драмы рождения нового общества, - писала американская газета «Морнинг стар» 22 февраля 1984 года, - с необычайной резкостью обрисованы здесь катаклизмы времени и личные столкновения, и все это захватывает читателя и увлекает в могучий поток шолоховского повествования».

До Михаила Шолохова в мировой литературе революция не выступала такой всепроникающей, властной и неотвратимой силой, какой она выступает в «Тихом Доне». Никто не рисовал народ таким сильным, противоречивым, бесконечно разнообразным с его удивительно простой и безумно сложной жизнью, каким его нарисовал Михаил Шолохов в «Тихом Доне», «Поднятой целине», «Судьбе человека». Изобразительность в них доведена до физической осязаемости.

Об этом говорят выдающиеся мыслители мира.

Как степной цветок, живым пятном встают рассказы Шолохова... Образный язык, тот цветной язык, которым говорит

казачество. (Александр Серафимович).

Роман Шолохова «Тихий Дон» - произведение исключительной силы по широте картин... Лучшие явления русской литературе всех времен. (Анатолий Луначарский).

Замечательное явление нашей Литературы - Михаил Шолохов... «Тихий Дон» по языку, сердечности, человечности, пластичности - произведение общерусское, национальное, народное. (Алексей Толстой).

Талант Шолохова - правдивый, непринужденный, смелый... «Тихий Дон» смело можно поставить рядом с «Войной и миром» Л.Толстого. (Аветик Исаакян).

К Шолохову я возвращался не однажды и всегда открывал для себя что-то новое, ранее не познанное. Какова же поистине неисчерпаемая глубина его книг?(Петрус Бровко).

Шолохов родился на Дону и увековечил родной край в своих произведениях... Они волнуют читателей всей планеты, они дошли до сердец сынов Африки и полюбились народу моего родного Судана. (Хасан Ат-Тахир Зарук).

Из всех русских писателей он достиг наиболее широкой популярности на Западе. Михаил Александрович Шолохов - великий писатель... живет среди героев своих книг. (Чарльз Сноу /Англия).

Популярность Шолохова в Финляндии исключительна. Его любят как большого художника, сумевшего вложить в слова живую душу... Его любовь к своему народу, к свободе под стать безбрежным степным просторам.(Мартти Ларни).

Михаил Шолохов - великий писатель, великий человек. Единокровный брат мой! (Сабит Муканов).

«Тихий Дон» - шедевр!... Лишь немногие выдающиеся произведения искусства так глубоко продуманы, так мудро построены, как «Тихий Дон». И так удивительно написана эта книга. (Андре Вюрмсер /Франция).

Целый мир человеческих характеров и страстей. Народная жизнь на великом переломе истории.

Его произведения увидели свет на 88 языках народов мира. Тираж его изданий в СССР и в зарубежных странах достиг 108

миллионов экземпляров.

До последнего дыхания М.А.Шолохов поклонялся только правде жизни, и эту правду он старался художественно запечатлеть. Он отличался ясной жизненной позицией, гениальной прозорливостью, всегда был далек от случайных попутчиков-льстецов, не изменял себе.

В течение десяти лет кряду я встречался с Шолоховым, беседовал с ним. Знаменитый человек, обладатель непререкаемого авторитета, он всегда был предельно прост. Верный обыкновенной житейской мудрости, никогда не вмешивался в то, чего доподлинно не знал. Не любил всякого рода просителей, желавших использовать его влияние в собственных корыстных интересах, и не скрывал своего небрежения к ним.

... В конце ноября 1966 года в Уральск прибыл помощник писателя Сидоров.

- От Михаила Александровича привет, - сказал он мне.

По каким-то неотложным хозяйственным заботам писателя приехал. Я тоже только что из Алма-Аты вернулся, распечатывал там автореферат диссертации, защита которой была назначена в Казахском сельскохозяйственном институте. На одном из экземпляров я написал: «Особо уважаемому Михаилу Александровичу с добрыми чувствами» и отправил его писателю через Сидорова.

В декабре поехал в Алма-Ату на защиту диссертации. Какова была моя радость, когда среди множества добрых пожеланий я вдруг увидел телеграмму Михаила Александровича Шолохова, теплую-теплую, полную искреннего участия! Я ее воспринял не только как внимание к себе одному, но и как внимание ко всему Уральскому краю, ко всем казахам, его населяющим (тема моей диссертации - «настоящее и будущее сельского хозяйства Уральской области»).

... В 1970 году Михаил Александрович приехал на Урал с окончанием жатвы и тотчас отбыл к себе на Братановский яр. Вскоре я получил от него письмо такого содержания:

«17.9.70 г. Дорогой тов. Жумагалиев!

Мне необходимо посоветоваться с тобой относительно списка тех, кто в будущем году придет ко мне в гости. Еще не знаю, буду ли в Кировском или прямо в Кисыккамыш, а потому будет лучше, если ты в ближайшее время приедешь на Братановский. Приезжай в любой день, но лучше на вечер, чтобы застать нас дома.

С приветом М.Шолохов».

Посхал. Он уже собирался в Кисыккамыс, а оттуда незамедлительно - в Ростов.

- Побывал в гостях - пригласи ответно, разве не давняя традиция это? - начал весело Шолохов. До сего времени среди специально приглашенных мною почетных гостей были делегации с Кировского завода, из ГДР, из Грузии. Среди казахов я уже давно, многих знаю, со многими сдружился. Давно у меня задумка есть - пригласить вас на Дон, в свой дом. Теперь вот думаю с тобой посоветоваться. По-моему, самый удобный для этого момент - лето следующего года. Промежуток между посевной и сенокосом - самая подходящая пора. ну а количество будущих гостей продумайте сами, только чтобы не меньше 12-15 человек. Среди гостей перво-наперво я желаю видеть Коспанова, тебя, Егорова и Корсунова. Остальных на ваше усмотрение передаю. Хотелось бы побольше казахов... С недельку побудете. Не упускайте из виду, что вы не только мои гости, но - уважаемые гости Вешкам, Ростову. На промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах побываете, познакомитесь с жизнью донских казаков. Очень будет хорошо, если среди гостей окажутся джигиты и девушки, играющие на домбре и поющие...

- Дорогой Михаил Александрович, спасибо за приглашение! - подхватил я восторженно. - Приедем следующим летом на Дон!

... В январе 1971 года я по долгу службы переехал на работу в Кокчетавскую область. В том же году в мае в журнале «Огонек» была опубликована статья Анатолия Сафронова о его пребывании у Шолохова. Писатель в беседе с ним сказал, что «ждет к себе в гости в июне уральских земляков».

Но - по какой это причине, я не знаю - не побывали уральцы на земле великого писателя. Для меня ясно одно - Шолохов приглашения не отменял. Скорее всего, наши уважаемые товарищи в Уральской области за будничными хлопотами не сумели выкроить для этого времени... Меня до сих пор преследует мысль, а не обиделся ли Михаил Александрович на то, что на его предложение не откликнулись те, с кем он сроднился за долгие годы общения, для кого он стал «старшим братом». Всего досаднее это...

Мы уже более не переписывались с Шолоховым, но через уральцев, моих земляков, он неизменно передавал мне приветы...

В 1972 году в своей поездке на Урал писатель Хамза Есенжанов заехал к Шолохову со специальным приветствием и вручил ему переведенный на казахский язык роман «Поднятая целина». У меня было обыкновением по приезде в Алма-Ату заглядывать к Есенжанову. Он мне и сказал:

- Тебе от Шолохова привет...

Писатель, оказывается, поинтересовался у секретаря ЦК о причине моего перевода в Кокчетавскую область, на что Д.А.Кунаев ответил:

- Обновлять периодически место работы необходимо партийным работникам. Причин для беспокойства нет. Кокчетавская область тоже большая, и ее партийный аппарат, понадобилось подкрепить опытным кадром...

Хамза Есенжанов, поглядев на меня грустно, сказал:

- Все-таки видно, что вы много лет общались - с такой теплотой он о тебе вспоминает...

В 1975 году в связи с 70-летием Шолохова в Вешки ездила с приветствием делегация писателей. Среди них был и Джубан Мулдагалиев. По возвращении в Алма-Ату он позвонил мне, передал привет от Михаила Александровича.

- Скучает, сказал, по уральской земле, по яицким казахам...
- добавил Джубан.

Из-за ухудшения состояния здоровья Шолохов с 1972 года не смог приезжать на Урал. Но всегда, говорят, вспоминал про

свой Яик, про Шалкар, про Кисыккамыс, которые он навещал около тридцати лет кряду, про казахов, с которыми сдружился и сроднился...

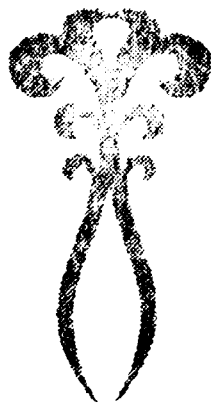
В связи с 75-летием со дня рождения Шолохова в Дарьинском селе в доме, где жила его семья в 1942 году, открылся музей. Труженики Приуральского района отправили в Вешки делегацию, передали с ней пожелания писателю творческого вдохновения и огромного здоровья. В ответ он выразил казахским братьям, приютившим в войну его жену и детей, бесконечную признательность, передал горячий привет. Делегацию в Вешки возглавлял второй секретарь райкома партии Кашкынбай Оразгулов. Будучи в Кокчетаве на одном из совещаний, он встретился со мной и сказал, что путешествие в Вешки было удачным.

- Про вас спрашивал, - добавил он потом. - Интересовался, не собираетесь ли вы возвращаться на Урал...

Находясь в московской больнице, писатель почувствовал, наверное, приближение конца, позвал жену, разделившую с ним полвека совместной жизни.

- Маша, - попросил он ее, - вези-ка меня поскорее домой...

В мыслях о родной земле, до которой писатель спешил добраться, он, как знать, увидел, возможно, и просторную казахскую степь, и Яик, на берегах которого в течение тридцати лет находил уединение и покой...

IX

Сименем Шолохова связано такое количество слухов и легенд, что диву даешься.

Рассказывают о его необыкновенном влиянии на сильных мира сего.

Много разговоров ходило вокруг взаимоотношений Шолохова и Сталина. Внешне эти отношения действительно производили впечатление дружеских. Общеизвестен факт, когда в 1932 году, получив отказ от двух журналов напечатать «Поднятую целину» по причине неприемлемости шолоховской трактовки раскулачивания, писатель обратился к Сталину. Фраза вождя народов: «Мы не побоялись это сделать, а они боятся об этом рассказать» - открыла книге дорогу к читателю.

Привожу несколько фактов услышанных от М.Шолохова и его близких.

В 1968 году писатель приехал в Казахстан с высоким, уже не молодым, слегка прихрамывающим мужчиной.

- Мой друг, казак Иван Семенович Погорелов, - представил мне его писатель, когда мы познакомились.

... Через несколько дней я заглянул к Шолохову.

Засиделись за разговором, не заметили, как подступила полночь.

- Куда ты на ночь? Переночуй уж, - предложил мне Михаил Александрович, увидев, что я засобирался в путь-дорожку.

Мы с Иваном Семеновичем ушли в мансарду. Там Иван Семенович спал.

Удобно в своих постелях расположились, а сон не идет. Иван Семенович, слышу, тоже ворочается с боку на бок. Он первым и заговорил:

- В прошлом году на пенсию вышел. Михаил Александрович и пристал - приезжай да приезжай, все время, дескать, ты в Москве - шум, тяжелый воздух... хочешь, дескать, отдохнуть

- давай ко мне, сюда. Вот ... помощник я теперь у него...

И раньше, случалось, прибывали с Шолоховым люди из Ростова. Один из них, к примеру, Сидоров, фамилию других, жаль, не запомнил. Из Алма-Аты ежегодно Петр Петрович Гавриленко его навещал. Но вот про Погорелова никогда ничего не слышал, а представил он мне его, как своего друга. Не многих называют друзьями.

- С каких пор вы знакомы с Шолоховым? - спросил я Ивана Семеновича.

- С сочинениями его был знаком давно, а с ним самим встретился только в 1937 году. Я его на год всего и старше. Земляки. И судьбами схожи, особенно тем, что в гражданскую перевидали...

- В конце 1937 года были первые выборы в Верховный Совет СССР. Я тогда был студентом Новочеркасского индустриального института и одновременно секретарь парткома. От нашего коллектива депутатом в Верховный Совет СССР был выдвинут Михаил Александрович Шолохов. На встрече с ним и познакомился.

А дружба наша началась в очень сложный и опасный период. Известно, что и на Дону были перегибы во время коллективизации. Да еще какие! Писатель в поисках справедливости неоднократно в Центральный Комитет писал и лично самому Сталину. Это я бы по тем временам гражданским подвигом назвал. В 1937 году он вступился за невинно осужденных. Когда были схвачены руководители Вешенского района, Шолохов поехал в ЦК и напрямик заявил об их невиновности. Побывав в НКВД, встретился с сидящим в тюрьме секретарем Вешенского райкома партии Петром Луговым. Вопрос рассмотрели на политбюро, после чего Сталин потребовал, чтобы осужденных освободили и восстановили в прежней должности. Разумеется, местным «активистам» решительные действия писателя пришлось не по вкусу. Они на время притихли, обдумывая, как бы ему отомстить. План «разоблачения» писателя рассматривался не только в Ростове, но, как мне известно, и в Москве. В

романе «Тихий Дон», кстати, некоторые отрицательные персонажи выведены под своей настоящей фамилией, как Малкин, например. И они, конечно, имели зуб на писателя. Вообще, надо сказать, это замечательное произведение имело в свое время немало открытых противников. Как-то в доме у Максима Горького большой начальник из КГБ так и заявил писателю за столом: «Миша, а не кажется ли тебе, что твой «Тихий Дон» больше белым импонирует, нежели нам, а?..»

Иван Семенович помолчал и повторил:

- Да, так и сказал... Без ведома Михаила Александровича «Тихий Дон» за рубежом опубликовали. Это тоже ему немало неприятностей принесло. В писательской среде, надо сказать, обстановка тогда нездоровая была... завидовали, что ли, один другому... В Новосибирске, например, в журнале «Настоящее» такая статья была: «Почему «Тихий Дон» белогвардейцам понравился?» Оказывается, белогвардейское издательство «Петрополис», не оповестив писателя, напечатало его роман «Тихий Дон»... Короче, написал человек хорошую книгу, правдивую книгу. Надо бы поддержать. Напротив - травить начали. В гражданскую войну был в биографии Михаила Александровича факт, когда он в плен попал, так и это потом долгое время обсасывали - как же это его из плена-то выпустили?... Шолохов, когда в продотряде служил, тоже с бандитами имел дело и однажды попался им в руки. Сам Нестор Махно его на берегу Днепра допрашивал. Смелость и находчивость юноши при ответах растопили, видно его сердце - отпустил он его...

Сонно вскрикнула какая-то птица в степи, и снова стало тихо. Иван Семенович неторопливо вел свой рассказ:

- Отголоски тридцать седьмого года докатились и до нашего института. Нескольких наших преподавателей объявили «врагами народа», потребовали исключить их из партии. Не посмел я - совесть не пустила, уклонился от выполнения указа. Меня самого тогда исключили из партии, погнали с работы. Понял я, что скоро мне гюрьма... 1938 год был. Вызвали меня в НКВД, говорят: «Даем тебе специальное

поручение. Выполнишь его - беспокоить не будем, вернешься на старую работу». Решили, значит моим безвыходным положением воспользоваться. Короче, суть поручения была такая: я должен был оклеветать Шолохова. Не соглашусь - тюрьма. Яснее ясного это. В голове одна мысль бьется: как спасти писателя? Меня в гостинице устроили, обещали дать потайную квартиру. Я попросил начальника, который со мной беседовал, написать мне адрес этой квартиры. Он из блокнота, который перед ним лежал, листок вырвал и написал. По прибытии в Ростов я сразу с Шолоховым и Луговым встретился, попросил их за город выехать, чтобы поговорить. У завода «Ростсельмаш» собрались. Там я и выложил начистоту, что меня как шпика хотят использовать. Шолохов тут же на дыбы, в обком пойду, а я ему - нельзя, сегодня меня посадят, завтра - тебя, надо лучше в Москву, и я как-нибудь туда доберусь. На том и условились. Порознь, конечно, в Москву отправились, Шолохов сам по себе, я сам по себе. Попросил приема у члена политбюро, наркома железнодорожного транспорта Л.М.Кагановича. Секретариат 24 сентября 1938 года вручил мне отписку - в приеме, дескать, отказано, можете написать заявление. Я написал заявление, в котором все перипетии дела изложил. Сталину заявление адресовал. С тем и уехал. В своем доме в Новочеркасске ночью объявился, спал в сарае на соломе, старался никому на глаза не попадаться.

Замолчал мой собеседник. Я не выдержал:

- Ну и?..

- Вызывают меня однажды в горком партии. Первый секретарь при мне позвонил в Москву, говорит: «Иван Погорелов у меня» и дает мне трубку. Слышу чей-то голос: «Шолохов - в гостинице «Националь», поспешите поскорее приехать». Со мной, оказывается, помощник Сталина Поскребышев говорил, позже я об этом узнал. Что, думаю, случилось? Крайне удивлен. Напрямик из Новочеркасска в Москву не поехал, осторожность решил соблюсти. Сел на какой-то грузовичок и - в Луганск. Там меня никто не

знал. Оттуда поездом - в Москву. Встретился с Михаилом Александровичем, узнал, что меня в ЦК вызывают. Подавленно выглядел писатель. В то время на него много анонимок писали, что он враг Советской власти и прочее... Первый секретарь Вешенского райкома партии Петр Луговой такое, например, письмо получил: «Я проживаю на хуторе Колундаевка Вешенского района. На днях райотдел НКВД взял меня под заключение. Следователь приставил наган к моему сердцу, требовал, чтобы я дал ему сведения по антиреволюционной деятельности писателя Шолохова». Фамилии подателя письма не было, побоялся поставить... Петр Луговой тоже в Москве был - с Шолоховым... Каждый день ждем звонка. И наконец 4 ноября 1938 года пошли мы в Кремль. В приемную И.В.Сталина вместе с нами вошли и те «товарищи» из Ростова, что мне «особое поручение» давали. Не знаю, как другие себя чувствовали, но у меня сердце билось так, что все, наверное, это слышали... Пригласили в кабинет. Успел заметить на столе Сталина свое «Личное дело». Он не спеша просмотрел мое заявление, запрошенные обо мне сведения. Встал потом из-за стола, по кабинету прошелся. Снова сел, снова в бумаги углубился. Тихо-тихо. Никто звука не подает.

- Ну, товарищ Погорелов, говорите, - произнес он наконец.

Я обо всем и сказал - внятно, не торопясь. Ничего не утаил. Сталин слушал внимательно, но ничего не спросил. Помолчал немного, поднялся с места, подошел к начальнику Ростовского НКВД Григорьеву, заметил тихо:

- Погорелов правду говорит.

Тот вскочил:

- Погрелов - клеветник, товарищ Сталин, я и в глаза его никогда не видал.

- Что вы на это скажете, товарищ Погорелов? - обратился ко мне Сталин.

- Григорьев в Ростове давал мне поручение собрать материал на Шолохова. Это - истинная правда. Он даже

адреса потайной квартиры, где мы должны были встречаться. собственноручно написать, - с этими словами я вытащил из нагрудного кармана вчетверо сложенный листок, гот. из блокнота. Хранил специально. Положил перед Сталиным.

Сталин попросил выяснить, что это за адрес. Оказалось, такой адрес в Ростове существует. И почерк - его, Григорьева.

- Все понятно. Правда - на стороне Погорелова. Впредь держитесь подальше от Шолохова и Погорелова, не смейте их беспокоить, - сказал Сталин.

Иван Семенович вздохнул.

- ... Вот так я избавился от тяжелой ноши, - заключил он. - И Шолохову помог очиститься от клеветы, от навета. С тех пор мы и друзья...

Мы с Иваном Семеновичем прободрствовали, оказывается всю ночь - уже рассветало.

... После завтрака Михаил Александрович намеревался отправиться на рыбалку, а мы с Погореловым поехали в город, там у него какие-то дела нашлись.

Дорогой узнал многое из жизни самого Ивана Семеновича.

Родился он в 1904 году на хуторе Патроновка Ростовской области. С семи лет остался сиротой, его взяла на воспитание бабушка в станице Митякино. Шестнадцати лет уехал в Луганск. Ни родственников, ни знакомых там не было. На заработки приехал. Ночевал на вокзале. Голодный, раздетый. Присмотрел его один чекист, привел к себе, покормил, оставил ночевать. Живой, сообразительный юноша пришелся, видно, ему по душе. Привлек к своей работе - «внедрил» в одну банду, которая сражалась с отрядами Красной Армии. Но разведчика, успешно работавшего, скоро разоблачили. И произошло это так. Захватили однажды бандиты в плен нескольких красноармейцев, среди них оказался «разведчик» белых, знавший о миссии Погорелова, он и указал на Ивана Семеновича, дескать, «шпион он красный». Бандиты быстро расправлялись с пленными - решили вместе с ними Ивана

расстрелять. Когда проходили мимо шахты, Иван сбежал. Несмотря на рану в ногу, сумел скрыться в глубоком лугу. В 1920-1922 годах Иван Семенович - командир специального отряда по борьбе с бандитами.

- Был некий Федоров на Дону, полковник, страх на людей нагонял, - вспоминает Погорелов. - Поручено было мне его уничтожить. Ростом я тогда был маловат, обвешался лохмотьями - что твой нищий. Пошел по станицам бродить. Большею частью у женщин милостыню прошу, к их разговорам прислушиваюсь, стараюсь некоторых разжалобить своим видом, всплакну, бывает. Так и выведал, в каком доме неуловимый полковник ночует. Наш отряд в темноте этот дом окружил. Перестрелка началась. Не сдается полковник. Пришлось дом поджечь. А я на крыше рядом с трубой схоронился. Полковник, убедившись, что ни в окно, ни в дверь он выйти не сможет, развалил печь, полез в трубу. Тут я его и сцапал. Злодей все же успел выстрелить, пуля мимо глаза пролетела... За эту операцию меня орденом Красного Знамени наградили... К концу 20-х годов ухудшилось состояние здоровья, пришлось из армии уйти. С тех пор - персональный пенсионер. В 1926 году вступил в партию. Взрослым уже, считай, в Новочеркасский институт поступил, после которого меня направили в распоряжение министерства вооружения СССР. Всю войну там проработал. Последние несколько лет был секретарем парткома в Министерстве оборонной промышленности СССР. Оттуда на пенсию ушел и вот - со старым другом Шолоховым дни коротаю, - закончил Иван Семенович.

Началась Великая отечественная война. Уже 23 июня 1941 Шолохов отправляет срочную телеграмму: «Наркому обороны Тимошенко... Прошу зачислить в фонд обороны СССР присужденную мне Сталинскую премию первой степени. По вашему зову в любой момент готов встать в ряды рабоче-крестьянской Красной Армии и до последней капли крови защищать социалистическую родину... Полковой комиссар запаса РККА писатель Михаил Шолохов».

Вскоре писатель был призван в ряды Красной армии, назначенный корреспондентом «Правды», «Красной звезды» поехал на фронт, в передовые линии. Зла и тюга была первая зима войны. В начале 1942 года М.Шолохов был сильно контужен при аварии самолета, протежал в госпитале.

Весной, точнее в мае 1942 года И.В.Сталин приглашает М.Шолохова к себе на ужин. Он оказывается узнал, что Шолохов получил контузию. Вождь предложил лечиться в Грузии и сказал: В день Ваших именин мне хотелось пожелать вам крепкого здоровья на многие годы и нового талантливового всеохватного романа, в котором бы правдиво и ярко, как в «Тихом Доне», были изображены и герои-солдаты и гениальные полководцы, участники этой страшной войны.

Когда осенью 1941 года немцы взяли Ростов, то его семья переехала в городок Николаевск, а мать осталась. Когда летом 1942 года Ростов освободили, Шолохов приехал в Вешки, навестил мать.

Приводим обнаруженное в архиве письмо М.Шолохова секретарю ЦК ВКП(б) Г.Маленкову: «6.VII приехал я в свою Вешенскую, а 8-го утром налетели немцы, первый раз - 4 самолета, второй - 12 и сбросили около 100 фугасных и осколочных бомб, прочесали улицы изо всех пулеметов, зажгли станицу и улетели.

Во время второго налета на моих глазах была убита моя мать. Бомба попала во двор, разрушила дворовые постройки и страшно изуродовала крупными осколками мать.

Я лежал в траве около дома и видел, как немцы пикировали и сыпали бомбы, у меня ничего не было, кроме нагана... Очень горько и тяжело у меня на душе после смерти матери. И чувствую себя довольно плохо. Мать у меня была простая, неграмотная крестьянка... Как она гордилась мною - единственным сыном и радовалась и плакала, когда я рассказывал ей о последнем пребывании у т.Сталина. Она благословляла т.Сталина, и говорила: «Вот теперь ты отдохнешь и поправишься у меня, Миша»... Это она уже об упомянутой контузии и приглашении лечиться в Грузии».

Шолохов, как теперь знаем, долечивался под бомбежкой и вскоре уехал на передовые позиции.

При каждой встрече первый вопрос Михаилу Александровичу был «Как оказалась здесь, в Приуралье, ваша семья». Все наши земляки недоумевали, что такой влиятельный человек, великий писатель, депутат Верховного Совета СССР Шолохов неужели не смог эвакуировать жену и детей в какой-нибудь большой город, например, в Алмату или Ташкент. Ведь все крупные деятели культуры и искусства нашли же приют в названных городах. А семья Шолохова оказалась в деревне под Уральском.

- Да, так случилось, я был на фронте. Главное я рад, что семья по воле судьбы оказалась в Казахстане, здесь им было хорошо. Мы не только заимели много друзей и по существу братались, думаю навсегда, - говорил писатель.

Тем не менее, Михаил Александрович однажды коснулся этой темы.

- Вызвали меня в Москву. Сказали: «Прими участие во встрече группы советских писателей с иностранцами. Очень важно рассказать им о том, как у нас...» Ладно, отвечаю, прибуду. Прибыл в Москву. В гостинице привел себя в порядок, переделся и ВОКС (Всесоюзное общество культурной связи). Поднимаюсь по мраморной лестнице - уж отвык, взошел в зальчик, смотрю - за столиком один мой недруг - писатель. Сидит в коверкотовом костюме. А на столике бутылки с кроушоном и фрукты... Он обо мне слух пустил, будто я оставил семью под немцем и сам к ним собираюсь. Так мне рассказали. Ну что - я ему все и выложил: «Эх говорю, ты и»... По-русски? Напрямую. И ушел - не остался. Вернулся в гостиницу, позвал кое-кого из знакомых писателей - выпили. С обиды. Утром стал собираться в редакцию, да телефон зазвонил: Поскребышев. Говорит ледяным тоном: «Вас сам ждет. Что-то вы там, вчера натворили?». Иду... Прихожу: Поскребышев сидит в приемной - головы не поднимает, глаз не кажет, суров до последнего упора. Ну думаю... Час пробил - он мне дверь

открыл. Вхожу. Вижу Сталина у стола. Стоит. Руки не подает. Глаза безразличные. Молчит. Смотрел, смотрел на меня, потом произносит: «Где ваша семья, товарищ Шолохов?». Только я стал отвечать - входит генерал и подает ему какой-то листик. Сталин прочитал, листик вернул, генерала отослал - посмотрел на меня и произнес: «Впрочем, теперь мы знаем, где ваша семья. вы правильно сделали, что эвакуировали ее. Мы попросим товарищей из Казахстана присмотреть за вашей семьей». На этот раз мягко: «Ну товарищ Шолохов идите. И берегите себя. Вы нужны партии. Вы нужны народу».

Как-то вскорости после XX съезда партии - рассказывал Михаил Михайлович - младший сын - мы втроем - я, мать и отец - сидели, как это часто бывало, в его кабинете и просматривали свежую почту. Отложив в сторону газету, где был помещен какой-то очередной материал, бичующий «культ личности», отец раздумчиво заговорил:

- Помню, в одну из встреч с ним, когда деловая беседа уже закончилась и перед прощанием пошли короткие вопросы-ответы о том о сем, я под разговор возьми да и спроси, зачем, дескать, вы, Иосиф Виссарионович, позволяете так безмерно себя превозносить? Славословия, портреты, памятники без числа и где попадая? Ну, что-то там еще ляпнул об услужливых дураках... Он посмотрел на меня с таким незлобивым прищуром, с хитроватой такой усмешечкой: «Что поделаешь? - Отец неумело попытался изобразить грузинский акцент: - Людям нужна башка». Меня подвел этот его акцент, слышалось «башка», голова то есть. Так неловко стало, куда глаза деть, не знаю. Не чаю, когда уйду. Потом уже, когда из кабинета вышел, понял - «божка», божок людям нужен. То есть дал понять, что он и сам, дескать, лишь терпит этот культ. Чем бы, мол, дитя ни тешилось... И ведь я этому поверил. Да, признаться, и сейчас верю. Уж очень убедительно это им было сказано.

- Ну, а как же, по-твоему, все это могло произойти? - спросил я.

- Долдон ты, сын. Ты вроде вот этих ниспровергателей, -

зажатой в руке папиросой он указал на газету. - Спросил бы лучше: как это могло не произойти?! Вообще говоря, все эти разговоры о культе - школьничество. Говорить можно лишь о личности. А культ, что же... Назови, если хочешь, как-то помягче. Скажем, вера в авторитет, вера в человека, в вождя. Ясное дело, она не должна быть слепой. Но без вожака и овцы в отаре не ходят. Без руководителя, милый мой, и песни-то не споешь, может, частушки только.

- А почему же тогда в Европе, в Америке никакого культа не было, и нет? И ничего - живут, - перебил я отца.

- Ошибаешься. Еще какой! Только культ этот - самого себя. Культ личных интересов, эгоизма. А раз уж удовлетворение любого интереса гарантируется деньгами - культ денег. Ну и так называемого бизнеса, разумеется. Так что, сынок, культ... Слово мне это не нравится... Вера, лучше сказать. Веры у людей никто и никогда отнять не сможет. Без веры человек не человек.

Тут уж хочешь не хочешь, а должен где-то на самом верху появиться вождь. Именно вождь. Верховный Главнокомандующий. Человек, способный взять на себя смелость принимать окончательные, верховные решения. И наделенный верховной властью отдавать их как приказы. Для всех. Сверху донизу и от Москвы до самых до окраин. И выполнены они должны быть. Беспрекословно, неукоснительно, точно и в срок. И что бы там ни говорил Мыкита Сергеевич, а дураку понятно: это обязательно должен быть человек чертячей воли и решимости...

Шолохов говорил о нем, о его отношении к себе и о своем отношении к нему спокойно. Не раздавалось ни преувеличенных восторгов даже в рассказах о хорошем во взаимоотношениях, ни огульного, так скажем, отрицания, когда вспоминал о мрачном. Упомянул о едва ли не аскетизме вождя в быту. Вспомнил, как однажды был приглашен Сталиным отобедать на подмосковную дачу. Около хозяина яств-разносолов совсем немного: тарелка холодного, по-грузински приготовленного мяса с зеленью и бутылка

грузинского же вина. Тем и довольствовался вождь все застолье... Отметил еще скромную обстановку.

В узком кругу Михаил Александрович иногда высказывал свое мнение и об Н.С.Хрущеве. В целом положительно оценив его инициативу по освоению целинных земель, он был потрясен тем, что сгноили огромный урожай первого года целины. До глубины души возмущенный, Шолохов собрал обширный материал, написал очерк, но печатать его отказались.

- Ходят слухи, что Вы как будто состоите в родстве с Хрущевым?

- Нет и нет! Этих слухов муссировали после того, когда Н.С.Хрущев заехал к нам в Вешки.

Отдыхающий в Крыму, Хрущев, видно надоел отдых, однажды звонит и говорит: - Михаил Александрович, мы к Вам собираемся, побудем у Вас. Не возражаете? Ну как возразишь хозяину. И прилетел. Во время беседы сказал, что едут в Америку и приглашает меня быть в числе делегации.

А слухи, Мария Петровна и жена Хрущева родные сестры, возникли потому, что они были почти одинакового роста и отчества совпадали. Родства никакой не было.

«Однажды летом Никита Сергеевич, а потом его жена Нина Петровна, все звали да звали к себе на дачу. «Я, говорю, вас и Никиту Сергеевича уважаю. Да знаете, есть такая поговорка: Служить бы рад, прислуживаться тошно...»

Замечу: по итогам поездки в США вышла публицистическая книга. Ее написали те, кто сопровождал Хрущева. Фамилии Шолохова в числе соавторов нет. Это тоже значит, что-то.

Когда речь шла о Л.И.Брежнев, великий писатель, как будто невзначай промолвил «полковник». Чувствовались нотки недовольства.

В 1969 году осенью, приехав в Уральск, Шолохов остался на ночь. Во время ужина шла оживленная беседа обо-всем. В первую очередь он всегда интересовался делами области, расспрашивал о друзьях-товарищах.

- Михаил Александрович, вы еще в 1965 году в интервью

корреспонденту «Правды» сказали, что закончили первую книгу «Они сражались за Родину». Читатели ждут с нетерпением.

- Осенью прошлого года главный редактор «Правды» М.В.Зимянин просил отрывок из романа для публикации. Прочитав его, Зимянин стал уговаривать сделать купюры, «кое-что смягчить». Я решительно отказался что-нибудь менять. Зимянин предложил эти 40 страниц на машинке показать Л.Брежневу. Жду три недели. Ответа нет. Я ему написал письмо.

Кстати оно было опубликовано через несколько лет после смерти писателя. Вот оно.

«Дорогой Леонид Ильич! Как ты сегодня сказал, вступая в доклад, «по традиции регламент Пленума не меняется», так и у меня тоже по неписаной традиции не менялись отношения с «Правдой»: и «Тихий Дон», и «Поднятая целина», и «Они сражались за Родину» почти полностью прошли через «Правду».

Не изменяя этой традиции, я передал туда новый отрывок из романа, который вот уже более трех недель находится у тебя.

С вопросом его использования нельзя дальше тянуть, - и я очень прошу решить его поскорее, - по следующим причинам:

1) я пока не работаю, ожидая твоего решения. Не то настроение, чтобы писать...

2) о существовании этого отрывка и о том, что он находится в «Правде», широко известно в Москве, и мне вовсе не улыбается, если где-нибудь в «Нью-Йорк таймс» или в какой-либо другой влиятельной газете появится сообщение о том, что «вот, мол, уже и Шолохова не печатают», а потом нагородят вокруг этого еще с три короба...

Обещанный тобой разговор 7 октября не состоялся не по моей вине, и я еще раз прошу решить вопрос с отрывком поскорее. Если у тебя не найдется для меня на этот раз времени для разговора (хотя бы самого короткого), поручи,

кому сочтешь нужным, поговорить со мною, чтобы и дело не стояло и чтобы оградить меня от весьма возможных домыслов со стороны буржуазной прессы, чего и побаиваюсь и, естественно, не хочу.

Найди 2 минуты, чтобы ответить мне любым, удобным для тебя способом по существу вопроса.

Я - на Пленуме. Улетаю в субботу 2/XI. Срок достаточный для того, чтобы ответить мне даже не из чувства товарищества, а из элементарной вежливости...

Обнимаю!

М.Шолохов.

30 октября 1968 г.,

г.Москва».

Ответа не было. Обращает внимание тон письма. Местами очень резкие. Это еще раз показывает независимый нрав великого писателя.

- Мы же читали отрывок из романа в «Правде».

- На это Шолохов ответил так: И тут вдруг в «Правде» появляется отрывок из романа, изуродованный «правкой» кого-то из «редакторской команды». Возмущенному мне ответили, что не все можно печатать в газете, не пришло время, а вот в книге все можно будет восстанавливать.

Отчаявшись, послал я Брежневу рукопись романа... Жду неделю, жду месяц, жду третий...

Как бы мимоходом обронил: «Сталин «Поднятую целину» за две ночи одолел».

Живу в Москве - жду. И вот наконец дождался - посыльный из ЦК передает мне папку с романом. Я скорее раскрывать - а там что? Письма нет, а по рукописи на полях три вопросительных знака. И все! Совсем без каких-либо пояснений-разъяснений... Один вопрос стоял там, где у меня шло о Сталине. Критически шло... Второй вопрос - где у меня герой проходил по союзникам: тянули союзники с открытием второго фронта. Третий - там, где дальше снова шло о Сталине...

Что же мне делать? - гадаю. - Вот, думаю, и посоветовался.

Ну, посчитал, проясню у Кириленко. Он был тогда, вроде вторым секретарем ЦК. Звоню - тут же соединили. Рассказываю, а он в ответ: «Это, дорогой Михаил Александрович, недоразумение. Это, дорогой Михаил Александрович, ошибка чья-то, но не Леонида Ильича. Я сегодня же, говорит, все проясню у Леонида Ильича. Вы через два-три дня позвоните. А сейчас я пошлю за вашей рукописью - вы верните ее». Приехали за рукописью очень быстро. Я, конечно, отдал. Звоню через три дня. Звоню всю неделю. Еще месяца два-три звоню. Нет Кириленко. Так ни разу и не соединили: то, говорят, проводит секретариат, то на заседании Политбюро, то в командировке... Наконец, нарочный доставляет пакет с рукописью. Я папку раскрыл - все в прежнем виде, ни письма, ни на полях ничего нового... Все те же прежние три вопроса.

Я убедился, что для честного разговора руководители страны не были готовы.

Летом звонок междугородный - Москва! Мне говорят: «Сейчас с вами будет говорить генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев!» После такого вступления стало во мне что-то закипать... Через секунду-другую слышу в трубке: «Михаил Александрович, здравствуйте! Я решил заехать к вам, в Вешенскую. Побывать у вас в гостях. Вы не будете возражать?» А мне как можно возражать... Я и говорю очень вежливо: «Дорогой Леонид Ильич, как же вы к нам приедете, если у нас в этом году с урожаем на Дону не вышло. Нет у нас урожая». Молчит... Потом говорит: «До свидания, Михаил Александрович...»

Шолохов при этих словах хитрованно ухмыльнулся. «Так ведь и не приехал».

Так печально известная фигура умолчания причинила великому мастеру художественного слова не только моральный, но и физический ущерб.

Судьба романа была трагичной. По свидетельству младшего сына - Михаила Михайловича, что роман в полном своем виде Великий писатель предал огню.

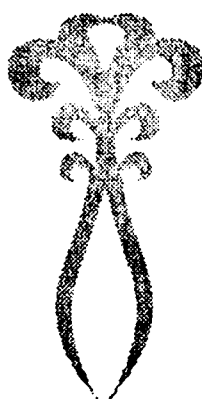
...Последний удар после всех предыдущих был нанесен Шолохову в 1975 году перед юбилеем. Вскоре после этого у Михаила Александровича был инсульт. Заседание, посвященное 70-летию в Большом театре прошло без его участия.

Даже на старости лет, познав и славу, и народную любовь, звания, премии и награды, он не стал защищеннее от клеветы и наветов. И отдаленность от житейской суеты - всю жизнь он так и прожил в Вешенской - не принесла желанного покоя.

- Что это? - спросил его однажды в тяжелую минуту Константин Прийма. - Зависть?

- Может, и зависть, - ответил Шолохов. - Но организованная.

- Я присутствовал при этом разговоре, - рассказывает Михаил Михайлович, - и хорошо запомнил ответ отца.

У Михаила Александровича Шолохова была большая, дружная семья. Общаясь с ним я познакомился с его детьми, даже внуками.

Сыновья - Александр (1930-1990), Михаил 1935 г. Дочери - Светлана 1926 г., Мария 1938 г. 7 внуков.

Конечно вся тяжесть семьи легла на плечи Марии Петровны. Каждый год она приезжала с Михаилом Александровичем, жила в палатках, терпела все невзгоды степной жизни. Ездила на охоту вместе с ним. Наблюдая многие годы за ней могу сказать, что Мария Петровна была очень скромной, благожелательной. От нее веяло искренне доброе отношение всем тем, кто общался с ней.

- У мамы характер был твердый - говорит дочь Мария. Эта твердость была не тем, что называется гордыней или упрямством, а скорее выдержкой. Мама никогда ни на кого не повышала голоса, старалась никого не обижать. И это ей удавалось. Была очень доброй, отзывчивой, ласковой и терпеливой. На нас, детей, не давила, давала нам полную самостоятельность в поступках, но при этом строго следила за ними. Мы это чувствовали и старались не огорчать родителей.

Мама была всегда занята. Печатала и переписывала произведения отца.

Она его первый читатель, первый редактор, советчица, единомышленница.

- Отец был вообще святой человек. Сама доброта. Ему всех было жалко. Он любил людей.

Нас отец воспитывал «вприглядку». Сами воспитывались.

Папа хозяин был никакой, хозяйством не занимался.

Бывало, получит гонорар на почте и, пока дойдет до дома, по дороге все раздаст. Тот попросит, другой, третий, и приходит без копейки в кармане.

- Да отродясь у него денег больших не было, разве что за

исключением последних лет, - усмехается Михаил Михайлович - Когда же появлялись, раздавая все направо и налево. Что же касается премий, то одну он отдал на строительство школы, а другую в фонд обороны. Со школой, например, такая история вышла. Отец настоял, чтобы в газете обязательно напечатали о том, что свою Ленинскую премию он передает на строительство новой школы. «Ну и хитер ты, - возмущался по этому поводу Косыгин. - Теперь нам к твоей пуговице пальто пристегивать придется».

Михаил Александрович Шолохов умер 21 февраля 1984 года. Болел тяжело. У его постели круглосуточно дежурили врачи - рассказывает Мария Михайловна.

Светлана, папа и медсестра сидели в кабинете у камина. Отец - в инвалидном кресле. Говорили мало. Вдруг он спрашивает: «Ты не помнишь песню Исаковского «В лесу прифронтовом»?». Светлана помнила: «С берез неслышен, невесом слетает желтый лист. Старинный вальс «осенний сон» играет гармонист». Тут запнулась. Он начал тихим голосом подсказывать:

«Пусть свет и радость

прежних встреч

Нам светят в трудный час.

А коль придется в землю лечь,

Так это только раз.

Но пусть и смерть в огне, в дыму

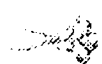
Бойца не устрашит.

И что положено кому,

Пусть каждый совершит».

Ей тут стало ясно, что именно из-за этих слов и вспомнилась ему песня. Слабеющим голосом он повторил: «... и что положено кому, пусть каждый совершит». Закрыв глаза, и через несколько минут его не стало.

Мама после смерти отца прожила еще почти 8 лет. Но тихо гасла, как свечка. Подолгу сидела у окна, из которого была видна отцовская могила. Вспоминала его слова: «Видишь, Маруся, шестьдесят лет с тобой прожили и ни разу не разводились».

Теперь они лежат рядышком. - рассказывает Мария Михайловна.

В 1984 году приехал на отдых в Боровое Габит Мусрепов, это было зимой, в феврале. Приехал проведать. За два дня до этого было правительственное сообщение о кончине Михаила Александровича Шолохова. За одно хотелось утешить Габита Махмудовича. Они были друзьями не на словах, а на деле. Я-то знал об этом.

Габит-ага грустел, погоревал по Михаилу Александровичу, говорил более чем о 50-летней дружбе и предложил прогуляться. Вышли из спального корпуса.

- Какая красота! - воскликнул писатель - Кругом горы, в сосновом бору тихо, ветра нет. Сегодня под 30⁰С, а не чувствуешь холода. Так легко, очень даже легко прогуливаться, а какой воздух освежающий, одухотворяющий.

Вышли на поляну Аблая.

- Как-то приехали в Москву, на пленум Союза писателей. Остановились в гостинице «Москва», - начал Мусрепов.

Стрелки часов приближались к 10 ночи, когда позвонил Сабит:

- Как ты смотришь на то, чтобы прогуляться, попить боржоми перед сном?

- Что ж, можно.

Мы вдвоем пришли в ресторан. Музыка, вечер был в разгаре. Мы устроились за столиком с краю.

- Наверное, одной бутылки хватит, - проговорил Сабит, заказывая боржоми.

- Пожалуй...

Только собрался было я отпустить шутку о скромной «щедрости», как вдруг раздался очень знакомый голос: «Дорогие мои казахи». К нам направлялся Шолохов. Поднятой правой рукой приветствовал нас. искренней радостью светились его глаза, даже усы на его лице вздрагивали от щедрой улыбки. Рядом с ним был и Кирилл Потапов.

Тепло обнявшись, расцеловав друг друга, мы перешли к расспросам.

Михаил Александрович сразу стал рассказывать об озере Шалкар, что в Западном Казахстане, где часто проводит свой отдых. Шолохов искренне удивлялся, что никто из казахстанских писателей не бывает на охоте на Шалкаре.

- Шухов каждый год обещает, но пока ни разу не приехал. Может, он ружья в руках не держал? - едва, было, спросил у нас Шолохов, как в дверях зала появился тот, о ком шла речь. Мы попросили к нашему столу пятый стул.

- Че, Ваня, сколько еще будешь меня кормить обещаниями приехать на охоту? - смеясь, спросил Шолохов после объятий и приветствий. Но тот быстро нашелся, перекинув «вину» на меня: «Это Мусрепов во всем виноват, я только к Вам соберусь, так он меня приглашает в делегацию то в Африку, то в Азию съездить...»

И вновь нас заставил обернуться знакомый голос: «О, Шолохов-ака!» К нам направлялись четверо узбекских писателей во главе с Гафуром Гулямом. И снова горячие объятия, сердечные расспросы. Дружеские шутки Гафура еще более разгорячили наше застолье. Кстати, мы уже попросили приставить к нам еще один стол.

«Может, заодно и завтрашний пленум сейчас проведем и до утра закончим», - заметил Гулям, на что Шолохов замахал руками: «Нет, нет! Никаких официальных тем сейчас». Повернувшись к Гафуру, Шолохов добавил: «Я вот друзьям-казахам рассказываю, какое чудное у них в Казахстане есть озеро Шалкар. Охота там великолепная, лебеди на озере - глаз не оторвать, вот где творческому человеку душой отдохнуть. Как ты на это смотришь, а?»

Но Гуляму отшутиться ничего не стоило!

- Когда стреляешь, куда ружье прижимаешь, - к животу или к глазам?

- Конечно, к животу.

- А какой стороной прикладываешь?

- Понятно, что дулом...

- Ну тогда меня обязательно с собой возьмите на охоту.

Мы еще не отсмеялись над этой шуткой, как к нам

присоединился с женой Первенцев - двухметрового роста, да и фигурой подстать.

Мы присоединили третий стол. За столом царила шутка. Шолохов в основном говорил о Казахстане:

- Западно-Казахстанский обком и облисполком мне самые лучшие условия создали. Хочешь - на дичь охотиться, надумаете - за стол, да пиши. Вообще, охота творческому делу здорово помогает...

Что ж, прав он, на охоте мысли вверх устремлены. На чистейшем степном воздухе, да на природном просторе идеи свежие и глубокие приходят: не те, что повторяют пусть и величайшие, но чужие, а собственным напряжением сердца и ума.

Наша всеобщая попытка повернуть разговор в русло обсуждения шолоховского творчества, особенно, когда мы друг за другом стали вспоминать яркие эпизоды из «Тихого Дона», была тщетной - Шолохов мягкой улыбкой, но непреклонно остановил нас:

- Нет, нет! Ни слова о книге, о литературе. Для меня куда дороже просто посидеть с вами за одним столом, пообщаться.

В словах Шолохова была заключена величайшая мудрость, поскольку для писателя очень важно встречаться с людьми. Образы своих будущих литературных героев он находит отнюдь не в официальных встречах и разговорах, а в таком неформальном дружеском общении, где лучше проявляется человеческая сущность. Собственно, таким образом и собирается своеобразный художественный творческий фонд каждого писателя.

После небольшого раздумья Шолохов вновь вернулся в беседе к Западному Казахстану:

- Да, чуть не забыл. Я, надо полагать, в большом долгу перед руководителями Западно-Казахстанской области. Да и они не осмеливаются напомнить мне. Однако чувствую, что очень ждут меня в Уральске, я и сам давно хочу повстречаться с моими уральскими читателями и друзьями...

Ну как тут в писательской среде литературные проблемы

обойдешь?!

В зал вошли пятеро азербайджанских писателей во главе с Самедом Вургуном. Приветствуем друг друга объятиями, радостными возгласами.

А следом вновь к нашему столу пожаловали новые гости - несколько московских поэтов. В белоглавой столице, как известно, чаще встречаются поэты, пишущие на родных языках, одни на русский переводят, другие - наоборот, на другие языки перекладывают стихи русских авторов.

Мы попросили присоединить еще один стол. Главной темой непроизвольной оживленной беседы хорошо знакомых друг с другом писателей, поэтов, просто друзей, конечно, был Казахстан. Помнится, очень часто шутил Гафур Гулям:

- Смотрю, сидят в одиночестве русские и казахские классики, мастера прозы. А разве поэзия не литература, вот я и оказался тут, так что да здравствует русско-казахско-узбекская дружба!

Мы подняли бокалы, как снова прозвучало: «Да здравствует русско-казахско-узбекско-азербайджанская дружба!»

- Не забудьте о моем особом отношении к Западному Казахстану! - дополнил тост Шолохов.

Эта встреча подарила незабываемые минуты радостного общения друзей. Мы спешили обменяться новостями, пожеланиями, добрыми чувствами друг к другу.

У Михаила Шолохова было принято: за столом о литературе, тем более о его творчестве говорить не желательно. Обычно застолья с его участием проходили под шутливый дружеский разговор. И Шолохову больше это нравилось, нежели горячие дискуссии о литературе.

Встреча в ночном столичном ресторане, причем ведь никем не предусмотренная, стала ярким образцом дружбы многонациональной советской литературы. Никто не чувствовал себя чужим, хотя, возможно, не все были давно знакомы друг с другом. Объединял всех Шолохов. Добрый свет уважения и преклонения к его таланту, знак дружбы с этим величайшим писателем и просто замечательным человеком.

Находясь в столь чудесной компании, мы порой не находили

слов, чтобы передать нахлынувшие чувства, мысли. А в памяти эта встреча осталась как незабываемый яркий вечер большой литературы.

Грустно помолчав, Габит Мухмудович говорил:

- Да, время берет свое. Первым ушел из жизни Самед Вургун, затем Гафур Гулям, Сабит Муканов, вот и Михаил Шолохов. Они были друзьями, лидерами каждый в своей национальной литературе. Но выше всех был Шолохов, ему равных в литературе XX века пожалуй, никто не был.

Не намного пережил их и Габит Мусрепов и Иван Шухов.

Эти очерки были написаны по горячим следам, но в основном, к 75-летию Михаила Александровича. Частично опубликованы в казахстанских республиканских и областных газетах.

Прожив почти 30 лет в Кокшетау, в 2000 году вернулся в родные края. В мае был приглашен на торжества в новой столице Казахстана, посвященные 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. Вернулся, оказывается был в Уральске Николай Корсунов, наш местный писатель, проживающий ныне в Оренбурге. Он оставил приглашение поехать на фестиваль «Шолоховская весна», ежегодно проводимой в станице Вешенской. Радости не было конца. Вспомнил приглашение Михаила Александровича еще в 1970 году. Тогда он приглашал к себе в гости группу товарищей, с кем подружился на Уральской земле. Мне не довелось поехать, так как уехал далеко, в Кокшетау. А мои земляки в суматохе дел каким-то образом не сумели съездить к великому писателю. Теперь, спустя 30 лет еду к Михаилу Александровичу.

От Оренбурга едем через Самару, Саратов день и ночь. Вешка встречает ранним утром в тумане.

Прежде всего идем в усадьбу. Поклонились к могиле Михаила Александровича, Марии Петровны. От земляков - побратимых уральцев возложили венок. Постояли в изголовьи родных, незабвенных великих людей. Заходим в дом, где витает дух великого писателя. Кабинет, стол - безмолвные свидетели рождения выдающихся произведений гения.

Программа фестиваля обширна. Приехали гости из Москвы, соседних областей и республик Северного Кавказа. За один день население Вешенской увеличилось в 7-8 раз. Только художественных коллективов прибыло более сотни. В районном доме культуры, где яблоку негде упасть, официальное открытие фестиваля и вечер встречи. Начались выступления гостей.

Когда ведущая объявила, что приехали друзья Шолохова из Казахстана, зал потрясли неумолкающие аплодисменты. Это было признаком неугасающей симпатии великого русского народа казахским братьям.

- Михаил Александрович Шолохов был и остается ярким символом дружбы наших народов - говорил я. Мы бережем как зеницу ока эту вековую дружбу, завещанную великим русским гением. Он всегда подчеркивал, что у него две родной земли - Дон и седой Урал. На Дону я казак, на Урале - казах. Много заложено в том, что два народа имеют одно имя. Да у наших народов много общего и в характере, в укладе жизни, в традициях.

Движущей силой всех наших побед, особенно в Великой Отечественной войне была дружба народов. Мы, люди разных национальностей сражались против фашистов самоотверженно, хоронили нас вместе, в одной кладбище.

Защищая Великую Родину много тысяч казахов сложили головы и навсегда остались в русской земле. В их числе юные казашки Маншук Маметова и Алия Молдагулова, удостоенные посмертно звания Героя Советского Союза. Они погибли, не познав любви, счастья и материнства. Им не было двадцати лет. Один из первых летчиков-казахов Нуркен Абдиров в неравной воздушной схватке, осенью протаранив фашистского стервятника, пожертвовал собою. Герой Советского Союза Абдиров похоронен на донской земле недалеко от Вешенской. Они пролив кровь, завещали потомкам хранить как самое святое - дружбу, братство наших народов.

«Не понаслышке знал писателя с Дона бывший секретарь Уральского обкома партии Бисен Жумагалиев, - писала областная газета. Выступление казахстанца в России отличалось особым темпераментом. У Бисена Жумагалиевича есть основание стоять за дружбу между русскими и казахами. Он отстаивал и ту и другую землю, когда она была общей, солдатом блокадного Ленинграда. Великий труженик Шолохов, отдыхавший почти каждое лето на реке Урал... радовался казахстанским урожаям и огорчался, когда губила засуха засева. Хвалил казахскую

белоголовую породу буренок...

Назавтра он станет героем дня. Его будут останавливать не потому, что он азиат и замечен в славянской толпе, а потому, что говорил правильные слова. И он будет улыбаться всем.»

Радостной была встреча с детьми, внуками Михаила Александровича, работниками государственного музея-заповедника великого писателя. Шолоховы в последний раз побывали в Уральских стенах в 1972 году. Они в один голос заявили, что давно хотят посетить Уральскую область, побывать в местах, связанных с именем отца.

По приезду в Уральск, я обратился к Акиму области Кабибулле Кабеновичу Жакупову, рассказал о пожеланиях семьи М.А.Шолохова и работников музея-заповедника. Аким очень благожелательно отнесся к этому вопросу. Посылал приглашение.

В середине сентября 2000 года экспедиция Государственного музея-заповедника М.А.Шолохова прибыла в Уральск. Сын - Михаил, внук - Александр, правнук - Миша, директор Суховатов, давнишний друг писателя А.Бородавкин и другие были самыми дорогими гостями всей области. Встретили их как родных, вспоминали Михаила Александровича, Марию Петровну. В Областной универсальной библиотеке была развернута выставка книг писателя разных года выпуска на русском и казахском языках. Были восторженные выступления поклонников Михаила Александровича, единодушно было заявлено, что его произведения с годами не тускнеют, наоборот сверкают как золото.

Интересное случилось на встрече в областном краеведческом музее. Подходит молодой статный казах, представляется: «Я Михаил Шолохов, давайте знакомиться». Удивлению не было конца. Выяснилось - Михаил Александрович - его крестный отец. С ним пришли бабушка, отец. дело было так, рассказали они. Однажды, вечером, возвращаясь с охоты Михаил Александрович переночевал у них, Аманбаевых. После казахского дастархана, поздно легли спать. А рано утром молодая хозяйка родила сына. У молодых родителей

радости не было конца. И за утренним чаем сообщили об этом почетного гостя и по старой казахской традиции уважительно просили быть крестным отцом, и разрешить нарекать младенца именем Михаил. Великий писатель взял его на руки, высоко поднял, сказал «будь мой казахский сын Михаил счастливым, расти большой, настоящим джигитом». Каждый год Михаил Александрович поздравлял своего тезка - Михаила с днем рождения, присылал посылочку с детскими принадлежностями, игрушками. Некоторых сохранившихся игрушек они тут же передали в фонд музея.

Гости поехали по Шолоховским местам. Дарьинск. Вот скромный деревенский домик, где почти два военных года прожили семья Шолоховых. Михаил Михайлович вспоминает: Нас четырех детей в суровые годы в этом доме выхаживала мать. Спасибо соседям, несмотря на невзгоды, помогали нам, чем могли. Я здесь пошел в школу. В этом домике сейчас музей М.А.Шолохова, открытый к 75-летию его. Очень было интересно смотреть особенно внуку и правнуку.

Побывали в «Братановском Яре». Знакомая дача писателя. Дом сохранен. они здесь чувствовали себя как дома. Рыбачили, немножко охотились. Несмотря на проливные дожди, очень редко бывающих в этих местах, отдохнули, посвежели. Были очень довольны. А далекий Кысыккамыс ждет почетных гостей в следующий раз.

Задушевная беседа состоялась у акима области. С вниманием выслушаны пожелания о дальнейших шагах по укреплении дружественных связей. По древнему казахскому обычаю К.К.Жакупов накинуд на плечо Михаила Михайловича узорчатый шапан, на голову одел казахский малахай.

XII

В мае 2001 года отмечалось 96-летие гениального прозаика XX столетия Михаила Александровича Шолохова. На родине писателя, в донской станице Вешенская, состоялся ставший традиционным Всероссийский литературно-фольклорный праздник «Шолоховская весна». По приглашению его организаторов туда выезжала делегация из Западного Казахстана. Возглавил ее Б.Ж.Жумагалиев. Наш корреспондент беседует с ним о состоявшейся поездке на донскую землю.

- Бисен Жумагалиевич, Вы - человек в Приуралье известный. Не только как один из бывших руководителей области, как журналист, долгие годы возглавлявший областную газету. Весьма интересно Ваше знакомство и тесное общение со знаменитым автором «Тихого Дона». Вы - один из активных и страстных популяризаторов наследия великого писателя в нашем крае.

- Я благодарен судьбе за то, что она подарила мне знакомство с этим великим человеком. Десять лет продолжалась наша большая и искренняя дружба. Облик Шолохова для меня незабываем. Он ни на кого не был похож. Он был всегда прост и мудр, жизнелюбив и оптимистичен. В этом обозначились его гениальность и исключительность и как писателя, и как человека. Я храню память об этом человеке, как бесценную драгоценность. Не сомневаюсь, что яркий и добрый след оставил Шолохов в сердцах всех, кто встречался, видел, слушал, дружил с ним в годы пребывания его на уральской земле.

Я люблю бывать в Вешенской. Там и поныне словно витает дух прекрасных героев «Тихого Дона» и «Поднятой целины». Земляки Шолохова бережно хранят все, что связано с его именем. А в дни проведения традиционного фестиваля «Шолоховская весна» там царит особая праздничная атмосфера. Съезжается огромное число почитателей шолоховского таланта, бывают зарубежные гости. Так было и в этом году.

- *Расскажите подробнее о ваших днях пребывания на донской земле.*

- В том, что наша поездка состоялась, главная заслуга нашего акима К.Е.Кушербаяева. Его внимание и поддержка к вопросам культуры вызывают глубокое уважение к нему. В составе нашей делегации были руководитель казачьего культурно-просветительского общества «Яик» И.Комарова, директор музея М.Шолохова в Дарьинском О.Чеканова, местный краевед А.Ялфимов, преподаватель музыкального колледжа С.Жанайдаров, а также небольшая группа хореографического ансамбля «Назерке».

В этом году «Шолоховская весна» проводилась в 17 раз. Гостей было видимо-невидимо: из Москвы, Северного Кавказа, Ставрополя, Воронежа, Саратова и других областей России... Только творческих коллективов, принявших по официальному приглашению участие в фестивале, было 65. И все-таки в этом множестве нас, западноказахстанцев, встречали особо, как самых дорогих друзей.

Праздник длился два дня. Программа была насыщенной творческими встречами, экскурсиями, концертами, театрализованными представлениями, народными гуляньями. Все было организовано и проводилось на славу, но я позволю остановиться на тех моментах празднества, что наиболее впечатлили нас.

Прежде всего - это встречи с семьей Шолохова: с сыном Михаилом Михайловичем, дочерьми Светланой и Марней и внуком Александром Михайловичем. А.М.Шолохов, кстати, является директором государственного заповедника-музея Шолохова. Музей представляет собой обширный комплекс из двух филиалов, в котором размещено почти все созданное пером великого современника. Штат сотрудников насчитывает более 150 человек.

Волна воспоминаний нахлынула на меня при посещении усадьбы М.Шолохова. Поклонились праху Михаила Александровича, Марии Петровны, остановившись у их могил, возложили венки, которые передал аким области. Едва

сдерживая трепет и волнение, переступили порог двухэтажного домика. Кабинет, стол, вещи - безмолвные свидетели рождения выдающихся произведений гения. Любопытно было побывать в саду, где уже шумят развесистой кроной деревья, посаженные уральцами раньше, свидетельствуя о давней крепкой дружбе двух народов, сыгравшей заметную роль в судьбе великого человека.

Родина Шолохова - это земля гордых, своевольных казаков, умеющих и за честь постоять, и гостя принять. А уж как донские казаки поют, танцуют, веселятся на народных гуляньях! Это надо было видеть. Даже побудку в дни праздника в Вешенской сделали театрализованной.

Выступления творческих коллективов проходили на знаменитой сцене под кленами. Мне приятно отметить, что казахские танцы в исполнении наших грациозных уральских девчат всегда вызывали овации, губернатор Ростовской области даже особо отметил танцовщиц из «Назерке». Их же пригласили участвовать и в гала-концерте.

Массу самых приятных впечатлений мы получили на выставке народных умельцев, водно-спортивном празднике, авиа-шоу, конно-спортивном празднике казаков.

- Вам удалось в этот раз посетить хутор Кружилинский?

- Да, я был счастлив своими глазами увидеть малую родину писателя. нас здесь также тепло принимали. С огромным интересом слушали мои воспоминания об их великом земляке. Нельзя было не заметить, что наше, западноказахстанцев, глубокое уважение и любовь к знаменитому писателю вызывали у всех местных жителей глубокую симпатию и искреннее доверие к нам.

Вообще, свидетельств давних связей, глубокой дружбы наших народов, заложенных Шолоховым, я и в эту поездку встречал немало. Среди многочисленной публики, окружавшей и слушавшей нас в Кружилинском, мое внимание привлекли две женщины: одна - средних лет, другая - постарше. Познакомились. Оказались казашки, мать и дочь, давно живут тут. Хорошо говорили на родном языке. Рассказали, что еще

шесть-семь казахских семей проживают в казачьем хуторе. Сжились, сроднились, никто их тут не притесняет, не обижает. Сохранили язык, соблюдают обычаи, традиции...

«Но как попали на Дон?» В ответ слышу от старой женщины:

- Покойный муж был, как все казахи, отменным скотоводом. Вот ему и вверил Михаил Александрович овец нашей едильбаевской породы, привезенных им с Приуралья. Шолохов хотел, чтобы эта высокопродуктивная порода скота завелась на Дону. «Наши ухаживать за ними так не умеют, как казахи», - говорил он, вот и нашел донского... казаха по фамилии Жумашев.

Газета «Приуралье» 26 июня 2001 года.

В последние годы город Уральск преобразился. Старинные дома, а многие из них охраняются государством, как архитектурные памятники, приобрели свои, первозданные виды и засверкали как прежде. Сделано так много, что приезжие не узнавали самый старинный город Казахстана.

Традиционный «день города» был 10 сентября 2001 года отмечен грандиозными фейерверками, веселым народным гуляньем. Приехали гости из соседних российских областей, в площадях и преобразенных улицах зазвучали казахские, русские песни и пляски, засверкали широко известные звезды России, Казахстана.

На это торжество аким области К.Кушербаев специально пригласил сына, внука Шолохова, работников его музея-заповедника, находящегося в селе Вешенском Ростовской области, как почетных гостей. Их ожидал приятный сюрприз. Как известно, в том доме в с.Дарьинске, где во время войны жили семья Шолохова, был открыт музей. Дом ничем непримечателен, саманный. Во время ознакомительной поездки К.Кушербаев посетил этот дом-музей, осмотрев, пришел к выводу, что это культурное заведение не соответствует своему назначению, а главное имени великого Шолохова. И принял решение дом оставить как мемориальное, а основные экспозиции перенести

на другое место. Для этого освободили находящееся рядом двухэтажное большое кирпичное здание. И закипела работа. В течение всего трех месяцев, дом преобразился, сделано все, что необходимо для размещения экспозиции.

В стечении жителей всего села, при участии почетных гостей, а также известных писателей, России и Казахстана аким области К.Кушербаев и Михаил Михайлович Шолохов разрезали голубую ленту и открыли новый мемориальный дом - музей великого классика. Увиденное ошеломило и Шолоховых и посетителей. Все отмечали, что теперь-то музей Шолохова соответствует его имени.

Михаил Михайлович - сын, Александр Михайлович - внук - генеральный директор Государственного музея-заповедника М.А.Шолохова, Михаил Александрович - правнук взволнованно поблагодарили руководство области, Зеленовского района, строителей, всех тех, кто приняли участие в увековечении памяти своего отца, деда, прадеда М.А.Шолохова. Встречались с почитателями таланта русского гения. Особенно запомнились им восторженный прием их в педагогическом колледже имени Жанши Досмухамедова.

Акиму К.Кушербаев принял Шолоховых в своей резиденции, поблагодарил за приезд, по традиции накинул на плечо Михаила Михайловича казахский шапан. Разговор пошел о подготовке к 100-летию М.А.Шолохова. Было сказано, что западно-казахстанцы будут отмечать этот юбилей широко и содержательно. Некоторые мероприятия придется проводить совместно с музеем-заповедником великого писателя. На этом крепко договорились. Это будет праздник дружбы казахского и русского народов, праздник их литературы.

Прошел год. В августе 2002 года в Уральске был торжественно открыт бюст Михаилу Александровичу Шолохову, где участвовали сын и внук великого писателя.

В последние пять лет стало традицией участие западноказахстанцев во Всероссийском литературно-фольклорном фестивале «Шолоховская весна». В этом году он

был посвящен к 99-летию великого писателя.

Наша делегация в составе танцевального ансамбля «Назерке», заслуженного артиста РК Канаткали Кожакоева была встречена как всегда радушно.

При въезде на новый мост через Дон открывается и сама Вешенская, окутанная сиреневой дымкой, с зеленым куполом станичной церкви. Райцентр обрастает новостройками: в сосняке обжиты десятки коттеджей - резкий контраст с традиционным казачьим жильем - квадратными куренями с балясами, с низами, просторными базами и плетнями. Так же пестра и контрастна станичная жизнь: конь под седлом и лихой мотоциклист в ковбойке, старики в казачьих фуражках и шароварах с лампасами, пенсионеры, священник в рясе, казачьи песни и рок-музыка... В дни фестиваля слышны казахская, украинская, осетинская, карачаево-черкесская, калмыцкая и другие песни и танцы.

И все же одно неизменно - земля эта незримо наполнена дыханием «Тихого Дона». Оно угадывается в казачьем говоре, крутом изгиве Дона, огибающем станицу, в запахе полыни и чабреца.

А если поговорите со старыми станичниками, то оживут многими подробностями персонажи и эпизоды из «Тихого Дона», вспомнятся судьбы многих вешенцев, изломанные гражданской войной, и трудно будет различить, где реальность, где - вымысел. они сплелись под пером художника.

Великий писатель земли русской был похоронен на берегу тихого Дона в станице Вешенской. На его могиле нет ни памятника, ни надгробья. Лишь необработанная глыба гранита положена в изголовье. На ней вытесаны имя писателя и даты его рождения и смерти. И все. Рядом покоится верная супруга Мария Петровна.

Он лежит в родной донской земле, в саду за домом, в котором летом 1942 года погибла от разрыва фашистской бомбы его мать Анастасия Даниловна.

К одинокой и скромной могиле писателя идут и идут люди со всех концов земли, чтобы поклониться светлой памяти

создателя величайшего художественного произведения XX века - романа «Тихий Дон». В этом романе гений писателя затронул такие глубокие пласты народной жизни, высветил такие коренные ее нравственные устои, что вокруг них и по сию пору продолжаются острые литературные и политические баталии. И в этом - еще одно доказательство вечной жизни «Тихого Дона». Если надо назвать одну книгу из русской советской литературы XX века, которая останется на века, то это как раз и будет роман «Тихий Дон».

Удивительно то, что художественный гений жил и творил в наше время, что мы были его современниками.

Тут приходят на память следующие строки Олжаса Сулейменова: «Летом 1967 года группа молодых поэтов соцстран гостила у писателя в станице Вешенской. Из общения с Шолоховым я узнал и понял его особое, доброе отношение к Казахстану и казахам. И тепло этого уважения все дни, проведенные в Донщине, согревало меня. Я благодарен тем уральцам, с которыми раньше встречался Шолохов, они внушили ему чувства добрые к себе и значит, к республике нашей. Ибо в этом пестром мире каждый из нас от рождения - посол, представитель своего народа. По тебе судят о всей нации. И это сознание, если оно есть, формирует тебя как личность» («Казправда» 18 апреля 1996 г. «Сотвори себе друга»).

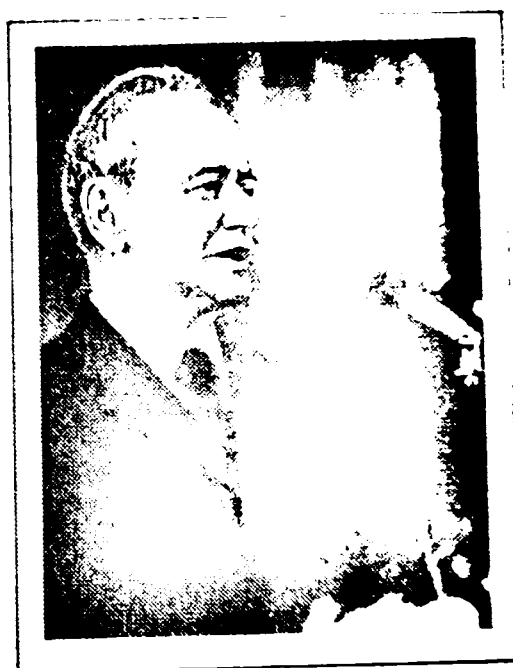
... Десять лет пробыл я рядом с Шолоховым. Его облик для меня незабываем. Он ни на кого не был похож. В этом его гениальность, его исключительность и как писателя и как человека. Он был богат духовно. И дело не в его неумном оптимизме, а в страстной любви к жизни. Я не видел его унывающим. Я не видел более общительного человека. Как он умел беседовать с людьми аула!..

- Корни народной культуры глубоки, - говаривал Михаил Александрович, - и ключ ее бьет в ауле... на селе. Лучшие человеческие качества - благородство и великодушие, милосердное отношение ко всему, что нуждается в защите и помощи, суровая непримиримость к вероломству и жестокости, то есть то, что нравственно возвышает человека, - все это

в простых людях, все это воспитывалось в них веками. Все добрые и гуманные начала - в недрах народной жизни, в душевном складе простых людей. Как бы не потерять нам эту казну...

Сын своего времени, весь свой яркий талант отдавший служению Родине, великий гуманист Михаил Александрович Шолохов любил свой народ. Он любил безгранично и казахский народ. Не сотрется никогда светлый след Шолохова на казахской земле.

Уральск-Кокшетау-Уральск

БИСЕН ЖУМАГАЛИЕВ

Шолохов в Казахстане

Компьютерная верстка Иманкулова Жанат

Орал, 2009

Бумага - офсет. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии ТОО "Полиграфсервис"
г.Уральск, ул.Л.Толстого, 27/6
Телефон 8 (711 2) 51 41 99, 50 51 46

*Автор выражает благодарность почетному
президенту Общественного Фонда
"Евразийский Союз Учёных" профессору
Жолдасбекову Мырзатаю Жолдасбековичу
и директору Голубеву Андрею Васильевичу
за содействие в издании книги "Шолохов
в Казахстане". Учёные и писатели всегда
были душой народа и я рад, что судьба меня
познакомила с М.А.Шолоховым, а ученые
Казахстана мне помогают познакомить
читателей со своими воспитанниками.*

**Ветеран Великой Отечественной Войны
Бисен Жумагалиев
Июль 2009 г.
г. Уральск, Казахстан**

***Софинансирование в издании приняло
ТОО "Полиграфсервис"***